PG3453
.B7
N6

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

НОЧИ И ДНИ

ВТОРАЯ КНИГА

РАЗСКАЗОВЪ И ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СЦЕНЪ.

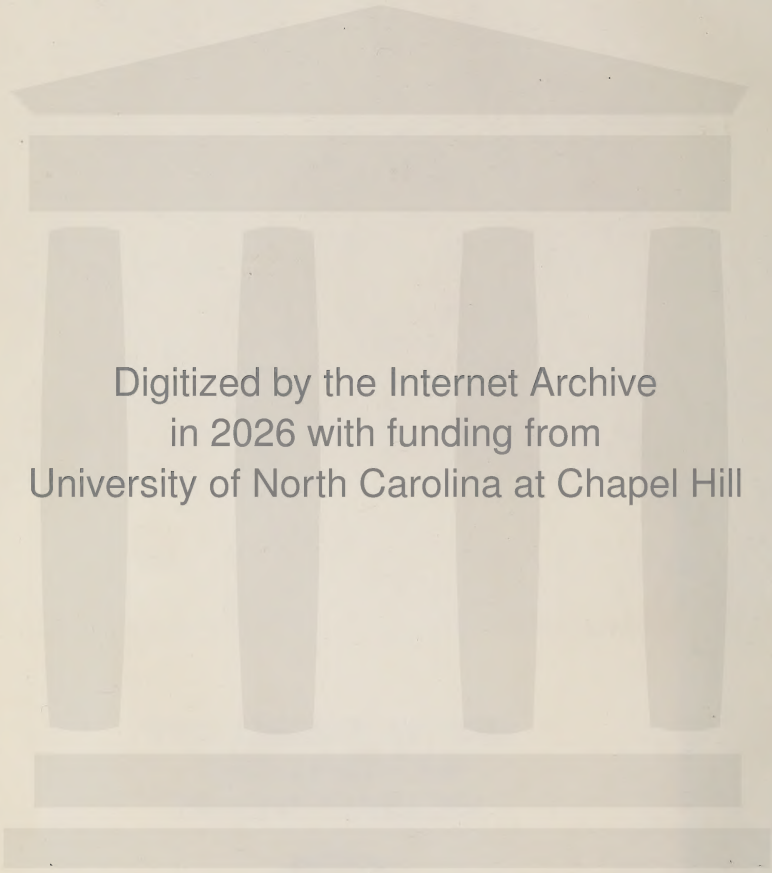
1908—1912.

МОСКВА.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ“.
1913.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3453
.B7
N6


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/nochiidnivtoraia00bryu

1913

427/950
250.—
Scarce

НОЧИ И ДНИ.

И ночи и дни примелькались
Какъ дольнія тѣни волхву...

Me eum esse.

MC PG3453 .B7 N6

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

НОЧИ И ДНИ

ВТОРАЯ КНИГА

РАЗСКАЗОВЪ И ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СЦЕНЪ.

1908—1912.

МОСКВА.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ“.
1913.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Стихи, повѣсти, изслѣдованія.

Пути и перепутья. Собраніе стиховъ.
Томъ I. Стихи 1892—1901 г. Юношескія стихотворенія (изд. 3-е.).—Это я (изд. 2-е).—Третья стража (изд. 2-е). Ц. 2 р. — к.
Томъ II. Стихи 1901—1905 г. Граду и міру (Изд. 2-е).—Вѣнокъ. (Изд. 2-е.) . . . . . П. 2 р. — к.
Томъ III. Стихи 1906—1909 г. Всѣ напѣвы. . . . . Ц. 2 р. — к.
Зеркало тѣней. Стихи 1909—1912 г. . . . . Ц. 2 р. — к.
Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены. Съ 7 рис. Альберто Мартини (фототипіи). Изд. 2-е. . . . . Ц. 2 р. 20 к.
Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI вѣка. Украшенія по гравюрамъ XVI в. Изд. 2-е, дополненное. . . . . Ц. 2 р. 50 к.
Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. Изд. 2-е. . . Ц. — р. 40 к.
Письма Пушкина. Матеріалы. . . . . Ц. 1 р. 50 к.
Лицейскіе стихи Пушкина. Изслѣдованіе. . . . . Ц. 1 р. — к.
За моимъ окномъ. Встрѣчи, наблюденія, мысли. . . . . Печатается.

Переводы.

Французскіе лирики XIX вѣка. Съ 10 портретами. . Готов. 2 изд.
Поль Верлэнъ. Собраніе стиховъ. Съ 6 портретами. . . . Ц. 2 р. — к.
Эмиль Верхарнъ. Собраніе стиховъ. Съ 4 портретами. . Готов. 2 изд.
Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Съ портретомъ. . Ц. — р. 80 к.
М. Мэтерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Съ 3 портретами. . . . . Ц. 1 р. — к.
Оскаръ Уайльдъ. Герцогиня Падуанская. . . . . Ц. — р. 10 к.
Г. д'Аннунціо. Франческа да Римини. (Въ сотрудничествѣ съ Вяч. Ивановымъ). Изд. 2-е. . . . . Ц. 1 р. 50 к.

ТИПОГРАФІЯ В. И. ВОРОНОВА. МОСКВА, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Повѣсти, разсказы и драматическія сцены, собранные въ этой книгѣ, написаны между 1908 и 1912 годомъ и были напечатаны, въ свое время, въ различныхъ изданіяхъ: „Вѣсы“, „Русская Мысль“, „Рѣчь“, „Жатва“ и др. Кромѣ времени и мѣста дѣйствія (наши дни, современное русское общество), эти повѣствованія объединены еще и общей задачей: всмотрѣться въ особенности психологіи женской души.

Эпизодъ „Ночное путешествіе“ служитъ какъ бы символическимъ послѣсловіемъ къ разсказамъ.

В. Б.

1913.

ЭТУ КНИГУ

ДРУЖЕСКИ ПОСВЯЩАЮ

СЕРГѢЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ПОЛЯКОВУ.

ПОСЛѢДНІЯ СТРАНИЦЫ ИЗЪ ДНЕВНИКА ЖЕНЩИНЫ.

I.

15 сентября.

Событіе совершенно неожиданное. Мужа нашли убитымъ въ его кабинетѣ. Неизвѣстный убійца разбилъ Виктору черепъ гимнастической гирей, обычно лежащей на этажеркѣ. Окровавленная гиря валяется тутъ же на полу. Ящики стола взломаны. Когда къ Виктору вошли, тѣло его еще было теплымъ. Убійство совершено подъ утро.

Въ домѣ какая-то недвижная суетня. Лидочка рыдаетъ и ходитъ изъ комнаты въ комнату. Няня все что-то хлопочетъ и никому не даетъ ничего дѣлать. Прислуги считаютъ долгомъ быть безмолвными. А когда я спросила кофе, на меня посмотрѣли какъ на клятвопреступницу. Боже мой! что за рядъ мучительныхъ дней предстоитъ!

Говорятъ: пришла полиція.

Въ тотъ же день.

Кто только не терзалъ меня сегодня!

Чужіе люди ходили по нашимъ комнатамъ, передвигали нашу мебель, писали на моемъ столѣ, на моей бумагѣ...

Былъ слѣдователь, допрашивалъ всѣхъ и меня въ томъ числѣ. Это—господинъ съ просѣдью, въ очкахъ, такой узкій, что похожъ на собственную тѣнь. Къ каждой фразѣ прибавляетъ „тэкъ-съ“. Мнѣ показалось, что онъ въ убійствѣ подозрѣваетъ меня.

— Сколько вашъ мужъ хранилъ дома денегъ?

— Не знаю.

— Гдѣ былъ вашъ мужъ вчера вечеромъ передъ возвращеніемъ домой?

— Не знаю.

— Съ кѣмъ вашъ мужъ чаще встрѣчался послѣднее время.

— Не знаю.

— Тэкъ-съ.

Откуда я все это могла бы знать? Въ дѣла мужа я не вмѣшивалась. Мы старались жить такъ, чтобы другъ другу не мѣшать.

Еще слѣдователь спросилъ, подозрѣваю ли я кого.

Я отвѣтила, что нѣтъ,—развѣ только политическихъ враговъ мужа. Викторъ по убѣжденіямъ былъ крайній правый, во время революціи, когда бастовали фармацевты, онъ ходилъ работать въ аптеку. Тогда же намъ прислали анонимное письмо, въ которомъ угрожали Виктора убить.

Моя догадка, кажется, разумная, но слѣдователь непристойно покачалъ головой, въ знакъ сомнѣнія. Онъ мнѣ далъ подписать мои отвѣты и сказалъ, что еще вызоветъ меня къ себѣ, въ свою камеру.

Послѣ слѣдователя пріѣхала maman.

Входя ко мнѣ, она почла долгомъ вытирать глаза платкомъ и раскрыть мнѣ объятія. Пришлось сдѣлать видъ, что я въ эти объятія падаю.

— Ахъ, Nathalie, какое ужасное происшествіе.

— Да, maman, ужасное.

— Страшно подумать, какъ мы всѣ близки отъ смерти. Человѣкъ иногда не предполагаетъ, что живетъ свой послѣдній день. Еще въ воскресенье я видѣла Виктора Валеріановича живымъ и здоровымъ!

Произнеся еще должное число восклицаній, maman перешла къ дѣлу.

— Скажи мнѣ, Nathalie, у васъ должно быть хорошее состояніе. Покойный зарабатывалъ не менѣе двадцати тысячъ въ годъ.

Кромѣ того, въ позапрошломъ году онъ получилъ наслѣдство отъ матери.

— Я ничего не знаю, maman. Я брала тѣ деньги, которыя мнѣ давалъ Викторъ на домъ и на мои личные расходы, и больше ни во что не вмѣшивалась.

— Оставилъ покойный завѣщаніе?

— Не знаю.

— Почему же ты не спросила его? Первый долгъ порядочнаго человѣка—урегулировать свои денежныя дѣла.

— Но, можетъ быть, и завѣщать было нечего.

— Какъ такъ? Вы жили гораздо ниже своихъ средствъ. Куда же Викторъ Валеріановичъ могъ расходовать суммы, поступавшія къ нему.

— Можетъ быть, у него была другая семья.

— Nathalie! Какъ можешь ты говорить такъ, когда тѣло покойнаго еще здѣсь, въ домѣ!

Наконецъ, мнѣ удалось дать понять maman, что я устала, совершенно изнемогаю. Maman опять стала вытирать глаза платкомъ и на прощаніе сказала:

— Такія испытанія намъ посылаются небомъ, какъ предостереженіе. О тебѣ дурно говорили послѣднее время, Nathalie. Теперь у тебя есть предлогъ измѣнить свое поведеніе и поставить себя въ обществѣ иначе. Какъ мать, даю тебѣ совѣтъ воспользоваться этимъ.

Ахъ, изъ всего, что мнѣ придется переживать въ ближайшіе дни, самое тяжкое—это визиты родственниковъ и знакомыхъ, которые будутъ являться, чтобы утѣшать и соболѣзновать. Но, вѣдь, „нельзя же нарушать установившіяся формы общежитія“, какъ сказала бы по этому поводу моя мать.

Еще въ тотъ же день.

Поздно вечеромъ пріѣхалъ Модестъ. Я велѣла никого не принимать, но онъ вошелъ почти насильно,—или Глаша не посмѣла не впустить его.

Модестъ былъ, видимо, взволнованъ, говорилъ много и страстно. Мнѣ его тонъ не понравился, да я и безъ того была замучена, и мы почти-что поссорились.

Началось съ того, что Модестъ заговорилъ со мною на „ты“. Въ нашемъ домѣ мы никогда „ты“ другъ другу не говорили. Я сказала Модесту, что такъ пользоваться смертью—неблагородно, что въ смерти всегда есть тайна, а въ тайнѣ—святость. Потомъ Модестъ сталъ говорить, что теперь между нами нѣтъ болѣе преграды, и что мы можемъ открыто принадлежать другъ другу.

Я возразила очень рѣзко:

— Прежде всего я хочу принадлежать самой себѣ.

Подъ конецъ разговора Модестъ, совсѣмъ забывшись, сталъ чуть не кричать, что теперь или никогда я должна доказать свою любовь къ нему, что онъ никогда не скрывалъ ненависти своей къ моему мужу, и многое другое, столь же ребяческое. Тогда я ему прямо напомнила, что уже поздно и что въ этотъ день длить его визитъ совершенно неумѣстно.

Я достаточно знаю Модеста, и видѣла, что, прощаясь со мной, онъ былъ въ ярости. Щеки его были блѣдны, какъ у статуи, и это, въ сочетаніи съ пламенными глазами, дѣлало его лицо безъ конца красивымъ. Мнѣ хотѣлось расцѣловать его тутъ же, но я сохранила строгій видъ и холодно дала ему поцѣловать руку.

Разумѣется, наша размолвка не будетъ долгой; мы просто встрѣтимся слѣдующій разъ, какъ если бы никакой ссоры не было. Есть въ существѣ Модеста что-то для меня несказанно привлекательное, и я не сумѣю лучше опредѣлить это „что-то“, какъ словами: ледяная огненность... Крайности темпераментовъ причудливо сливаются въ его душѣ.

II.

18 сентября.

Три дня вспоминаю, какъ самый тягостный кошмаръ.

Слѣдователь, судебный приставъ, приставъ изъ участка, собо-

лѣзнующіе родственники, нотаріусъ, похоронное бюро, поѣздки въ банкъ, поѣздки къ священнику, безсмысленныя ожиданія въ пріемныхъ, не менѣе безсмысленные разговоры, чужія лица, отсутствіе своего, свободнаго времени,—о, какъ бы поскорѣе забыть эти три дня!

Выяснились двѣ вещи. Во-первыхъ, додумались, что убійство было совершено изъ мести, такъ какъ мужъ дома денегъ никогда не хранилъ (теперь и я это вспомнила). Къ тому же и бумажникъ его, бывшій у него въ карманѣ, остался цѣлъ. Но, какъ убійца проникъ къ намъ въ квартиру, въ бель-этажъ, понять никакъ не могутъ.

Во-вторыхъ, стало извѣстнымъ, что существуетъ духовное завѣщаніе мужа. Ко мнѣ пріѣзжалъ нотаріусъ, чтобы сообщить это. Онъ намекалъ, что главная наслѣдница—я, и что предстоитъ мнѣ получить не мало.

Похороны, въ виду вскрытія тѣла, отложены. Я предоставила всѣми дѣлами распоряжаться дядюшкѣ. Конечно, онъ наживетъ на этомъ дѣлѣ не меньше, какъ тысячи полторы, но, право, это цѣна не дорогая, за избавленіе отъ такихъ хлопотъ.

Модестъ не заѣзжалъ ко мнѣ ни разу, но не обращусь же къ нему я первой!

Зато я не отказала себѣ въ маленькомъ развлеченіи, и на часъ поѣхала къ Володѣ.

Милый мальчикъ обрадовался мнѣ страшно. Онъ сталъ предо мною на колѣни, цѣловалъ мнѣ ноги, плакалъ, смѣялся, лепеталъ.

— Я думалъ,—говорилъ онъ,—что не увижу тебя много, много дней. Какая ты добрая, что пришла. Такъ ты любишь меня на самомъ дѣлѣ!

Я ему клялась, что люблю, и, дѣйствительно, любила въ ту минуту за наивность его радости, за настоящія слезы въ его глазахъ, за то, что весь онъ—слабый, тонкій, гибкій, какъ стебель.

Что-то давно я не была у Володи, и меня удивило, какъ онъ убралъ свое помѣщеніе. Все у него теперь подобрано согласно съ моимъ вкусомъ. Темныя портьеры, строгая мебель, нигдѣ никакихъ бездѣлушекъ, гравюры съ Рембрандта на стѣнахъ.

— Ты перемѣнилъ мебель,—сказала я.

Онъ отвѣтилъ, краснѣя:

— Прошлый разъ, послѣ твоего ухода, я опять нашелъ сто рублей. Я вѣдь далъ слово, что не возьму себѣ ни копѣйки твоихъ денегъ. Я истратилъ ихъ всѣ на то, чтобы тебѣ было хорошо у меня.

Развѣ это не трогательно?

Конечно, и онъ заговорилъ о перемѣнѣ въ моей судьбѣ, но робко, самъ пугаясь своихъ словъ.

— Ты теперь свободна... Можетъ быть, мы будемъ встрѣчаться чаще.

— Глупый,—возразила я,—время ли думать объ этомъ? Мой мужъ еще не похороненъ.

У Володи были припасены фрукты и ликеръ. Я сѣла на диванъ, а онъ сталъ подлѣ на колѣни, смотрѣлъ мнѣ въ глаза и говорилъ:

— Ты—прекрасна. Я не могу придумать лица красивѣе. Мнѣ хочется цѣловать каждое твое движеніе. Ты пересоздала меня. Только узнавъ тебя, я научился видѣть. Только полюбивъ тебя, я научился чувствовать. Я счастливъ тѣмъ, что отдалъ себя тебѣ—совсѣмъ, безраздѣльно. Мое счастіе въ томъ, что всѣ мои поступки, всѣ мои мысли и желанія, самая моя жизнь—зависятъ отъ тебя. Внѣ тебя—меня нѣтъ...

Такія слова нѣжатъ, какъ ласка любимой кошки, съ пушистой шерстью. Онъ говорилъ долго, я долго слушала. Дѣтскія интонаціи его голоса меня гипнотизировали, убаюкивали.

Вдругъ я вспомнила, что пора ѣхать. Но Володя пришелъ въ такое отчаяніе, такъ умолялъ меня, такъ ломалъ руки, что я не въ силахъ была ему отказать...

Быть можетъ, дурно, что я измѣняю праху моего мужа. У меня въ душѣ осталось какое-то темное чувство неловкости. Я никогда не испытывала этого, измѣняя живому. Есть таинственная власть у смерти.

III.

19 сентября.

Люблю ли я Володю?

Врядъ ли. Въ немъ мнѣ нравится мое созданіе. Какой онъ былъ дикій, когда мы встрѣтились съ нимъ въ Венеціи! Онъ ни о чемъ не умѣлъ ни думать, ни говорить, кромѣ тѣхъ политическихъ вопросовъ и дѣлъ, изъ-за которыхъ ему пришлось укрываться за границей. Я въ его душѣ угадала иной обликъ, совсѣмъ какъ скульпторъ, который угадываетъ свою статую въ необдѣланной глыбѣ мрамора.

Ахъ, я много потрудилась надъ Володей! Положимъ, какое единственное было мѣсто для воспитанія души: золото-мраморный лабиринтъ города Беллини и Сансовино, Тиціана и Тинторетто! Мы вмѣстѣ слушали съ гондолъ майскія „серенады“, мы ѣздили въ „домъ сумасшедшихъ“, навсегда освященный именами Байрона и Шелли, мы, въ темныхъ церквахъ, могли вволю насыщать глаза красочными симфоніями мастеровъ Ренессанса! А потомъ я читала Володѣ стихи Фета и Тютчева.

Говорятъ, можно видѣть, какъ растетъ трава. Я воочію видѣла, какъ преображалась душа юноши и въ то же время преображалось его лицо. Его чувства становились сложнѣе, его мысли—тоньше, но измѣнились и его рѣчь, и его глаза, и его голосъ! До меня былъ „товарищъ Петръ“ (какъ его звали „въ партіи“), неловкій, грубый; я создала Володю, моего Володю, утонченнаго, красиваго, похожаго на юношу съ портрета Ванъ-Дика.

А потомъ! Вѣдь онъ мнѣ сознался,—да и не трудно было догадаться,—что я была первая женщина, которой онъ отдался. Я взяла, я выпила его невинность. Я для него—символъ женщины вообще; я для него—воплощеніе страсти. Любовь онъ можетъ представлять лишь въ моемъ образѣ. Одно мое приближеніе, вѣянье моихъ духовъ—его опьяняетъ. Если я ему скажу: „пойди—убей“, или „иди—умри“, онъ исполнитъ, даже не думая.

Какъ же мнѣ отдать кому-нибудь Володю? Онъ—мой, онъ—моя собственность, я его сдѣлала и имѣю всѣ права на него...

А Модестъ?

Въ немъ я люблю опасность. Наша любовь—тотъ „поединокъ роковой", о которомъ говоритъ Тютчевъ. Еще не побѣдилъ ни одинъ изъ насъ. Но я знаю, что *можетъ* побѣдить *онъ*. Тогда я буду его рабой. Это—страшно, и это—соблазняетъ, притягиваетъ къ себѣ, какъ пропасть. И стыдно уйти, потому что это было бы трусостью.

Модестъ для меня загадка, я не распутала еще нитей его души, да и распуталъ ли ихъ кто-нибудь до конца? Какъ для него характерно, что онъ—художникъ, и сильный художникъ,—никогда не выставлялъ своихъ вещей. Ему довольно сознанія, что послѣ его смерти любители будутъ платить безумныя деньги за его полотна и разыскивать каждый его карандашный набросокъ. Таковъ онъ во всемъ: онъ довольствуется тѣмъ, что самъ знаетъ о себѣ, и ему не нужно, чтобы это знали о немъ другіе. Онъ дѣйствительно презираетъ людей, всѣхъ людей, можетъ быть, и меня въ томъ числѣ, хотя клянется мнѣ въ любви.

Въ Володѣ я люблю *его* любовь ко мнѣ. Въ Модестѣ—возможность *моей* любви къ нему. Только *возможность*, потому что я употреблю всѣ усилія, чтобы эта любовь въ моей душѣ не разгорѣлась.

IV.

23 сентября.

Похороны состоялись вчера. Описывать ихъ было бы скучно. Всѣ говорили, что въ траурѣ я была очень эфектна.

Во время послѣдней панихиды съ Глашей сдѣлался истерическій припадокъ. Такая чувствительность странна. Не была ли она влюблена въ Виктора, или даже не были ли они въ близкихъ отношеніяхъ? Я всегда старалась не вникать въ эти дѣла.

Стало извѣстно и завѣщаніе Виктора. Онъ былъ оченъ милъ, и

за исключеніемъ мелкихъ суммъ, завѣщанныхъ его родственникамъ, отказалъ все мнѣ. Выяснилось, что у него было процентными бумагами и акціями разныхъ предпріятій около 250,000 рублей. Я не предполагала, что у насъ такъ много денегъ.

Признаюсь, ощущеніе себя женщиной если не богатой, то состоятельной было мнѣ очень пріятно. Въ деньгахъ есть сила, и узнавъ размѣры наслѣдства, я испытала такое ощущеніе, словно нѣкоторое войско, мнѣ подвластное, стало на мою защиту. Какъ это ни смѣшно и даже какъ это ни позорно, но въ душѣ я почувствовала приливъ самоувѣренности и гордости...

Передъ самыми похоронами у меня было объясненіе съ Модестомъ. Онъ кротко просилъ у меня прощенія за свое нелѣпое поведеніе въ день убійства и просилъ провести съ нимъ цѣлый день. По его словамъ, ему надо мнѣ сказать нѣчто очень важное, и онъ не въ силахъ сдѣлать это въ обычной обстановкѣ. Мы поѣдемъ за городъ.

Какъ могла я ему отказать? Да и мнѣ самой, послѣ цѣлой недѣли всевозможныхъ тяготъ, завершившихся безконечнымъ похоронным обѣдомъ, такъ будетъ сладостно на день перенестись въ другой міръ! Я обѣщала.

Въ тотъ же день.

Гдѣ есть деньги, тамъ всегда появляются разныя темныя личности. Вотъ почему сегодняшнее посѣщеніе меня нисколько не удивило.

Даша доложила мнѣ, что меня, по важному дѣлу, хочетъ видѣть какой-то Сергѣй Андреевичъ Хмылевъ,—„очень добиваются“. Я велѣла его пустить.

Вошелъ человѣчекъ гнуснаго вида, худой и низенькій, съ лицомъ безбородымъ, въ сѣромъ обтянутомъ пиджакѣ. Поклонился онъ съ почтительностью преувеличенной, сѣлъ на самый кончикъ стула, и долго говорилъ, голосомъ непріятнымъ, въ носъ, какую-то околесицу. Когда я уже начала терять терпѣніе, онъ заговорилъ осмысленнѣе.

— Вамъ, сударыня, такъ будетъ покойнѣе. Гдѣ же вамъ самой хлопотать обо всемъ: это дѣло не женское. Я потому что зналъ еще покойнаго родителя вашего, всегда мнѣ удовольствіе заслужить вамъ. Выдадите вы мнѣ эти двадцать тысячъ, и все останется вполнѣ благородно. Со мной, вы мнѣ можете повѣрить, всякая тайна, какъ ко дну ключъ.

Я его спросила:

— Это вамъ я должна дать двадцать тысячъ рублей? По какой же причинѣ?

— А насчетъ убійства покойнаго вашего мужа.

— Что же, это вы его убили?

Спросила я это нарочно, чтобы заставить своего собесѣдника прямо перейти къ сути, но его мой вопросъ не удивилъ нисколько.

— Никакъ нѣтъ-съ, я не убивалъ. А только вы сами изволите знать, какое безпокойство, если затянется слѣдствіе, пойдутъ допросы, кто, да что, да какъ. Опять же, иногда и въ видѣ мѣры пресѣченія—тюрьма-съ. Наконецъ, если будутъ докапываться, мало ли до чего дознаются...

Мнѣ надоѣли намеки и недомолвки, и я сказала:

— Послушайте, мнѣ некогда. Говорите прямо, что вамъ нужно. Вы не хуже меня знаете, что даромъ денегъ не даютъ. Объясните, что вы мнѣ предлагаете и за что я вамъ должна, по вашему мнѣнію, заплатить двадцать тысячъ.

Или мнѣ это показалось, или лицо Хмылева стало наглымъ до чрезвычайности. Онъ отвѣчалъ мнѣ, смотря въ сторону, но уже вполнѣ опредѣленно:

— Я, сударыня, предлагаю вамъ дѣло покончить. Вы ничего знать не будете, и отъ васъ ничего не потребуется, только все будетъ сдѣлано. Убійца самъ объявится и повинится, и слѣдствіе будетъ прекращено. Такъ что никакихъ обстоятельствъ болѣе не откроется. Лишняго я съ васъ ни копѣйки не спрошу. Въ ту сумму все включено-съ, и кого надо подмазать, и что надо заплатить главному лицу, и наше вознагражденіе-съ...

Послѣ такихъ словъ я встала и спросила:

— Итакъ, это—шантажъ?

— Повѣрьте, сударыня,—возразилъ мнѣ Хмылевъ,—что мнѣ достанется самая малая толика. Мы люди маленькіе. Насъ тутъ четверо работаютъ, и я, почитай, все долженъ буду другимъ отдать. Развѣ я посмѣлъ бы съ васъ такія деньги спрашивать. Особливо, какъ я честь имѣлъ вашего покойнаго папеньку знать...

Я позвонила и приказала Глашѣ:

— Проводите этого господина.

Хмылевъ тоже всталъ и, безъ всякаго смущенія, добавилъ:

— Тысченку-другую мы, можетъ быть, и скинули бы.

— Пойдемте, дяденька, не хорошо,—сказала Глаша.

Когда дверь за Хмылевымъ была заперта, я спросила Глашу:

— Вы знаете этого г. Хмылева?

— Какъ же-съ, онъ мой дядя...

— Ну, извините, Глаша, не слишкомъ хороши ваши родственники. Потрудитесь больше его никогда не допускать ко мнѣ.

— Простите, барыня,—сказала Глаша,—онъ точно человѣкъ, не совсѣмъ при своей чести состоящій...

Кажется, я довольно точно записала обороты рѣчи Хмылева. Думается мнѣ, что онъ юродствовалъ нарочно, такъ какъ не хотѣлъ говорить прямо. Но что скрывается за его двусмысленными словами? Только ли угроза обличить мои отношенія съ Модестомъ, или большее?

V.

25 сентября.

Надо описать мою поѣздку съ Модестомъ.

Прежде всего вмѣшалась почему то Лидочка.

Когда я приказала заложить лошадь и сказала, что поѣду въ Любимовку, Лидочка стала упрашивать взять ее съ собой.

— Милая, хорошая Наташа, позволь мнѣ ѣхать тоже. Мнѣ такъ хочется. Я буду такая счастливая съ тобой.

Я отвѣтила, что хочу отдохнуть, хочу быть одна.

Тогда Лидочка вдругъ приняла видъ серьезный, сдвинула маленькія брови, даже поблѣднѣла, и сказала:

— Ты—въ траурѣ, тебѣ неприлично уѣзжать одной на цѣлый день изъ дому.

— Въ умѣ ли ты, Лидочка? Это не твое дѣло.

— Нѣтъ, мое! Ты—моя сестра, и я не хочу, чтобы о тебѣ плохо отзывались.

Конечно, я сдѣлала Лидочкѣ выговоръ за ея неумѣстное вмѣшательство, она расплакалась и ушла въ свою комнату. Но, должно быть, maman была права, и обо мнѣ „дурно говорятъ", если это уже замѣчаютъ дѣти...

Во всякомъ случаѣ всѣ convenances были соблюдены, такъ какъ мы съ Модестомъ ѣхали въ разныхъ поѣздахъ. Я два часа проскучала одна въ пустомъ вагонѣ, и Модестъ встрѣтилъ меня уже на нашей деревенской платформѣ. Онъ былъ въ охотничьей курткѣ и въ маленькой шапочкѣ, что очень ему шло.

Мнѣ, послѣ двухчасового молчанія, хотѣлось говорить и смѣяться, и свѣжій воздухъ открытыхъ, опустѣлыхъ полей опьянилъ меня, какъ шампанское. Но Модестъ, какъ, впрочемъ, всѣ послѣдніе дни, былъ молчаливъ, сдержанъ. Онъ молчалъ почти всю дорогу отъ станціи до имѣнія, и мнѣ оставалось только любоваться осеннимъ просторомъ и синимъ, синимъ, синимъ небомъ.

Въ усадьбѣ Никифоръ встрѣтилъ меня почтительно: видно до него уже долетѣла вѣсть, что я—наслѣдница послѣ Виктора.

Когда мы остались одни, за самоваромъ, Модестъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ надо сказать тебѣ, Талія, нѣчто очень важное. Самое важное изо всего, что я говорилъ тебѣ въ жизни.

— Говори.

— Не здѣсь. Послѣ. Въ лѣсу.

Послѣ чая мы пошли въ лѣсъ. День былъ ясный. „Тютчевскій", „какъ бы хрустальный". Въ безоблачности неба была непобѣдимая кротость. Казалось, природа говорила подступающей зимѣ: распинай меня, убивай меня, приму муки покорно, умру безъ жалобы...

Я бѣгала по поблеклой травѣ, какъ Марія Стюартъ въ третьемъ

актѣ трагедіи Шиллера. Я пѣла пѣсенки, какъ бывало въ пятнадцать лѣтъ, гуляя съ влюбленными въ меня гимназистами. Увидѣвъ бѣлку, спасшуюся отъ меня на самую вершину сосны, я обрадовалась, какъ дитя. Ахъ, въ каждомъ человѣкѣ таится жажда первобытной жизни, и сквозь краткія тысячелѣтія культурной жизни порою проступаетъ духъ долгихъ милліоновъ лѣтъ, когда человѣкъ бродилъ вмѣстѣ со звѣрями по дѣвственнымъ лѣсамъ и укрывался вмѣстѣ съ медвѣдями, въ пещерахъ!

Мы дошли до Марьинаго обрыва и сѣли тамъ на скамейкѣ надъ рѣчкой. Я ждала обѣщаннаго важнаго разговора. Модестъ, противъ обыкновенія, не находилъ, повидимому, словъ. Потомъ, какъ-то съ трудомъ произнося слова, спросилъ:

— Отвѣть мнѣ со всей откровенностью и со всей рѣшимостью: любишь ли ты меня и любишь ли меня одного?

Эти слова были такимъ диссонансомъ въ гармоніи осенняго дня и моей радости! Но я давно знаю, что говорить правду мужчинамъ нельзя, и отвѣтила покорно:

— Да, Модестъ, я люблю тебя одного.

Послѣ новаго молчанія Модестъ опять спросилъ меня что-то подобное же, и я опять, не споря, дала ему условный, стереотипный отвѣтъ.

Мнѣ казалось, что Модестъ не смѣетъ сказать мнѣ то, ради чего позвалъ меня сюда. Когда уже мнѣ стало холодно и пора было уходить, Модестъ, какъ бы рѣшившись, заговорилъ.

— Талія! когда, въ тотъ день, я началъ говорить съ тобой о перемѣнѣ, произошедшей въ нашей жизни, ты мнѣ приказала замолчать. Но я долженъ тебѣ сказать, что я думаю, потому что отъ этого зависитъ для меня все. Я знаю, что ты любила многихъ до меня и что я для тебя былъ просто новой, интересной игрушкой. (Я хотѣла возразить, но Модестъ сдѣлалъ мнѣ знакъ молчать.) Но я тебя люблю не такъ, а по-настоящему, любовью ожесточенной и неограниченной. Скажи мнѣ, что мои чувства дики и примитивны, я не откажусь отъ нихъ. Люблю тебя, какъ любитъ простой человѣкъ, не мудрствующій надъ любовью; какъ любили въ прежніе

вѣка и какъ сейчасъ любятъ всюду, кромѣ нашего, такъ называемаго культурнаго общества, играющаго въ любовь. Со всей наивностью, я хочу обладать тобою вполнѣ, имѣть надъ тобой всѣ права, какія можно. До сихъ поръ мысль, что насъ что-то раздѣляетъ, что къ тебѣ прикасается другой мужчина, что мы нашу любовь принуждены прятать, приводила меня въ ярость и въ отчаянье. Теперь, когда вдругъ все перемѣнилось, у меня не можетъ быть другого желанія, какъ взять тебя совсѣмъ, увѣриться, что отнынѣ ты—моя, и моя навсегда. И если ты, какъ только что ты сказала, меня *любишь* (онъ сдѣлалъ удареніе на этомъ словѣ), у тебя не можетъ быть другого желанія, какъ сказать мнѣ: хочу быть твоей навсегда, возьми меня.

— Ты мнѣ дѣлаешь предложеніе, Модестъ?—спросила я.

— Да, я тебѣ предлагаю быть моей женой.

— Не слишкомъ ли рано, черезъ десять дней послѣ смерти мужа?

Модестъ всталъ и сказалъ сурово, жестко, почти дѣловымъ тономъ:

— Если все это было игрой въ любовь, скажи мнѣ откровенно, Талія. Я уйду. Если же ты хочешь моей любви, я требую — слышишь!—требую, чтобы ты стала моей женой...

Я попыталась обратить разговоръ въ шутку. Модестъ настаивалъ на отвѣтѣ. Я попросила нѣсколько дней на то, чтобы обдумать отвѣтъ. Модестъ подхватилъ мои слова и, въ выраженіяхъ формальныхъ, предложилъ мнѣ мѣсяцъ... Я, смѣясь (но, сознаюсь, дѣланнымъ смѣхомъ), согласилась.

Когда мы шли обратно къ усадьбѣ, я сказала, стараясь шутить:

— Какая тебѣ корысть, Модестъ, что я стану твоей женой? Если я обманывала Виктора съ тобой, почему я не буду обманывать тебя съ другимъ?

— Тогда я убью тебя,—сказалъ Модестъ.

— Полно!—возразила я.—Убить можетъ дикарь, пьяный мужикъ, прежде могли рыцари и итальянскіе синьоры. Ты убить не способенъ.

— Современный человѣкъ,—отвѣтилъ Модестъ очень серьезно,—долженъ все умѣть дѣлать: писать стихи и управлять электрической машиной, играть на сценѣ и убивать.

Больше мы не говорили ни о чемъ важномъ. Мнѣ показалось, однако, что предложеніе, сдѣланное мнѣ Модестомъ, было не все то, ради чего онъ звалъ меня провести съ нимъ день за городомъ. Чего-то онъ такъ и не договорилъ.

Я вернулась домой съ послѣднимъ поѣздомъ, ночью поздно. Въ дверяхъ мелькнуло мнѣ заплаканное и гнѣвное личико Лидочки. Я предпочла не объясняться съ ней и прямо прошла къ себѣ.

VI.

26 сентября.

Поѣздка съ Модестомъ оставила въ моей душѣ непріятное впечатлѣніе. Сегодня, я уже думала о томъ, что его требованія не то дерзки, не то смѣшны. Я жалѣла, что не сказала ему этого тогда же. Но мнѣ было слишкомъ хорошо на волѣ, въ лѣсу, и я была съ нимъ добрѣе, чѣмъ слѣдовало.

Когда сегодня ко мнѣ пришелъ Володя, я ему обрадовалась искренно. Насколько милѣе, подумала я, этотъ ласковый мальчикъ, для котораго блаженство одинъ мой поцѣлуй и который отдаетъ всего себя, не требуя ничего. На что мнѣ Модестъ, серьезно говорящій о томъ, какъ онъ убьетъ меня, если можно такъ легко, такъ просто быть счастливой съ Володей! Трагедіи прекрасны на сценѣ и въ книгахъ, но въ жизни Мариво куда пріятнѣе Эсхила!

Оказалось, однако, что и Володя—тоже мужчина, и что всѣ мужчины на одинъ ладъ. (Давно бы пора мнѣ въ этомъ убѣдиться!)

Уже по одному тому, что Володя отважился прійти ко мнѣ, я могла догадаться, что случилось нѣчто особенное. При жизни мужа Володя никогда не бывалъ у меня въ домѣ. Когда же Володя вошелъ въ гостиную, я увидѣла, что онъ разстроенъ до послѣдняго предѣла. Такой онъ былъ грустный и жалкій, что я, еслибы не

боялась, что Лидочка подсматриваетъ, тутъ же схватила бы его за подбородокъ и расцѣловала бы въ заплаканные глаза.

Сначала Володя увѣрялъ, что ничего не случилось.

— Просто я не видалъ тебя слишкомъ долго (въ самомъ дѣлѣ я не была у него цѣлую недѣлю!). Мнѣ стало не доставать тебя, какъ въ подземельѣ недостаетъ воздуха. Дай мнѣ подышать тобой.

Я постаралась такъ обласкать его, что онъ признался. Впрочемъ, онъ всегда въ концѣ-концовъ признавался мнѣ во всемъ.

Объяснилось, что онъ получилъ анонимное письмо, написанное не безъ грамматическихъ ошибокъ (можетъ быть, намѣренныхъ?), въ которомъ сообщалось, что я — любовница Модеста. Передавъ мнѣ конвертъ, Володя, конечно, началъ рыдать, и увѣрялъ, что сейчасъ же пойдетъ и убьетъ себя, такъ какъ существовать онъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, если я принадлежу ему одному.

— Глупый!—сказала я ему,—какъ же ты существовалъ до сихъ поръ, пока былъ живъ мой мужъ?

— Вѣдь ты же его не любила, вѣдь это была случайность, что ты его встрѣтила раньше, чѣмъ меня.

Что было дѣлать? Мнѣ такъ хотѣлось, послѣ суровости Модеста, вновь увидѣть счастливое лицо Володи, услышать его дѣтскія, восторженныя клятвы, что я сказала ему все то, чего онъ втайнѣ ждалъ отъ меня. Сказала ему, что письмо — вздорная клевета, что я люблю его одного, что до встрѣчи съ нимъ не знала, что такое истинная любовь, что послѣ этой встрѣчи переродилась, нашла въ глубинѣ своей души другую себя, что не быть вѣрной ему мнѣ столь же невозможно, какъ не быть вѣрной себѣ самой, что это не моя обязанность, а мое желаніе, и такъ далѣе, безъ конца...

Володя утѣшился быстро, повѣрилъ безусловно и робко заговорилъ о будущемъ.

— Теперь ты свободна. Почему бы намъ не уѣхать за границу. Здѣсь у тебя столько дѣлъ, связей, отношеній. Я понимаю, что тебѣ здѣсь невозможно открыто признаться въ твоей любви ко мнѣ. Я— еще мальчикъ, тебя могли бы осудить (это онъ сказалъ совершенно

наивно). Но гдѣ-нибудь въ Италіи, гдѣ насъ никто не знаетъ, мы могли бы жить другъ для друга. Наша жизнь стала бы осуществленной сказкой. День, ночь, дождь, солнце — все было бы для насъ счастіемъ...

Ахъ, глупый, глупый! Онъ очень милъ, какъ маленькая подробность жизни, но если бы мнѣ опять пришлось провести съ нимъ вдвоемъ, нѣсколько недѣль, я бы зачахла отъ тоски и однообразія. Онъ бы замучилъ меня и своей невинностью, и своей экзальтаціей. Лимонная вода и шипучій нарзанъ пріятны между двумя блюдами, но смыслъ ужину придаютъ густое нюи и замороженное ирруа.

Я отговорилась тѣмъ, что на полгода у меня хватитъ хлопотъ по наслѣдству. Мѣсяцъ—Модесту, шесть мѣсяцевъ—Володѣ; что я отвѣчу, когда сроки истекутъ? Не брошу ли просто-напросто и маленькаго ревнивца, и художника-дьявола? Любовь и страсть прекрасны, но свобода—лучше вдвое!

Впрочемъ, должна была обѣщать Володѣ, что пріѣду къ нему нынче вечеромъ.

Въ тотъ же день.

Странная сейчасъ была встрѣча.

Я вернулась отъ Володи (который, право, растрогалъ меня своей восторженной нѣжностью) довольно поздно, за-полночь. Мнѣ почудилось, что дверь мнѣ отперли съ какимъ-то промедленіемъ и что у Глаши лицо было совсѣмъ заплаканное. Не успѣла я ее спросить, что съ ней, какъ она доложила:

— Модестъ Никандровичъ васъ дожидаются.

Дѣйствительно, Модестъ встрѣтилъ меня въ дверяхъ.

— Excusez-moi, mon ami, —сказала я ему,— mais jugez vous-même: est ce qu'il me convient de recevoir des visites, le premier mois de veuvage, après minuit. Vous me mettez dans une fausse position.

Модестъ извинился и сталъ объяснять свое непремѣнное желаніе увидѣть меня сегодня. Къ нему явился Хмылевъ, требовалъ денегъ и угрожалъ сдѣлать намъ какой-то скандалъ. Опасаясь, что

завтра Хмылевъ придетъ ко мнѣ, Модестъ поспѣшилъ меня предупредить, чтобы я не поддалась на шантажъ этого мошенника.

— Вы опоздали,—сказала я въ отвѣтъ.—Хмылевъ уже былъ у меня, и я ему указала на дверь.

— Поступили умно, какъ всегда,—сказалъ Модестъ.

— Но я совершенно не понимаю, чѣмъ онъ грозитъ намъ,—продолжала я.—Еще при жизни Виктора онъ могъ причинить намъ разныя мелкія непріятности. Но теперь...

— Конечно, конечно! Вижу, что предупреждать васъ не было надобности. Вы все понимаете сами.

Модестъ поцѣловалъ мнѣ руку и уѣхалъ.

Онъ былъ явно смущенъ. Не потому ли онъ не спросилъ меня, откуда я возвращалась такъ поздно. Вообще предлогъ его ночного визита не показался мнѣ убѣдительнымъ.

Изумительный человѣкъ! Всѣ его поступки, большіе и малые, необъяснимы. Никогда не знаешь, зачѣмъ онъ дѣлаетъ то или другое. Быть его женой! да это такъ же страшно, какъ быть женой Синей Бороды!

VII.

29 сентября.

Модестъ, повидимому, понялъ, что произвелъ на меня, въ деревнѣ, непріятное впечатлѣніе, и постарался его загладить. Онъ упросилъ меня пріѣхать къ нему.

Въ первый разъ я ѣхала къ Модесту безъ лживаго предлога, прямо, только не въ своемъ экипажѣ, а на извозчикѣ. При жизни Виктора, когда у меня было свиданіе съ Модестомъ, съ Володей или еще съ кѣмъ-нибудь, мнѣ приходилось выдумывать объясненія своего долгаго отсутствія изъ дому. Викторъ, конечно, зналъ, что я ему измѣняю, и молчаливымъ согласіемъ допускалъ это; когда, возвращаясь, я ему говорила иной разъ, что была у портнихи или доктора, онъ былъ увѣренъ, что я говорю неправду. Все же мы считали нужнымъ сохранять эту условную ложь, и почувствовали

бы себя очень неловко, еслибы она была изобличена... Теперь же мнѣ никому не надо было давать отчета,—развѣ только Лидочкѣ, которая все послѣднее время ревниво слѣдитъ за моими поступками.

Квартира Модеста оказалась словно преображенной, только потому, что по стѣнамъ онъ развѣсилъ свои картины, которыя раньше всѣ были собраны въ его студіи, куда и меня онъ допускалъ съ великой неохотой. Теперь на входящаго со всѣхъ сторонъ глядятъ странныя женщины, созданныя Модестомъ: со спутанными бѣлокурыми волосами, съ глазами гизехскаго сфинкса, съ алыми губами вампира. Онѣ то кружатся въ пляскѣ вокругъ дерева съ гранатовыми плодами, то лежатъ, обезсиленныя, на мраморныхъ ступеняхъ гигантской лѣстницы, осѣненной кипарисами, то, безстыдныя, ждутъ на широкихъ, тоже безстыдныхъ, ложахъ своихъ жертвъ... И взоры этихъ женщинъ, или этихъ призраковъ (не знаю, какъ точнѣе назвать), отовсюду обращаются на посѣтителя, фиксируютъ его, гипнотизируютъ его.

Модестъ, съ моего перваго шага у него, окружилъ меня всѣми проявленіями ласки и поклоненія. Отворивъ мнѣ дверь, онъ сталъ предо мной на колѣни; полушутя, онъ поцѣловалъ подолъ моего платья. Онъ смотрѣлъ на меня влюбленными глазами и называлъ меня своей царицей. Вкрадчивымъ голосомъ онъ читалъ мнѣ любовные стихи какихъ-то провансальскихъ поэтовъ: смысла стиховъ я не понимала, но чувствовала, что всѣ хвалы трубадуровъ своимъ дамамъ Модестъ относилъ ко мнѣ.

Модестъ, когда хочетъ, умѣетъ быть нѣжнымъ, какъ никто другой. Его пальцы прикасаются съ набожной ласковостью; его поцѣлуи становятся богомольно страстны; онъ словамъ, почти непристойнымъ, придаетъ все благоговѣніе молитвы... Или, по крайней мѣрѣ, такимъ онъ мнѣ кажется... Въ концѣ-концовъ я — вѣдь женщина, и, когда мнѣ изступленно клянутся въ любви, когда меня цѣлуютъ восторженно, когда кто-то предаетъ меня страсти, — я уже не могу разсуждать и анализировать. Для каждой женщины, все равно исключительной или обыкновенной, утонченной или простой, въ наши дни или десятки тысячелѣтій тому назадъ,—мужчина, обла-

дающій ею, въ минуту страсти кажется владыкою, достойнымъ изумленія и поклоненія...

Модестъ, пока я была у него, ни разу не напомнилъ мнѣ о нашемъ разговорѣ въ Любимовкѣ. Только потому, что онъ рѣшительно избѣгалъ малѣйшаго упоминанія о перемѣнѣ, происшедшей въ моей судьбѣ, видно было, что въ его душѣ ничего не измѣнилось съ того дня. Но когда мнѣ пора уже было уѣзжать, Модестъ досталъ изъ книжнаго шкафа прекрасный географическій атласъ и сталъ его перелистывать. Я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ разглядывала великолѣпно литографированныя карты...

Дойдя до карты южной Италіи, Модестъ показалъ мнѣ маленькій островокъ, оторвавшійся отъ всякой земли, Устику, и сказалъ:

— Если черезъ мѣсяцъ ты скажешь мнѣ, что быть со мною не хочешь, я уѣду сюда и буду здѣсь жить до моего конца.

— Что за нелѣпая мысль, Модестъ! — возразила я.—Зачѣмъ тебѣ жить на какой-то Устикѣ! Почему не на островѣ святой Елены, или не на Явѣ, или просто не въ Парижѣ.

— Я еще мальчикомъ читалъ объ этой Устикѣ, не помню уже гдѣ. Меня описаніе поразило, и въ дѣтствѣ я часто мечталъ, что поѣду на эту Устику. Какъ-то незамѣтно Устика стала для меня символической страной красоты и счастія, какими-то Гесперидовыми садами... Послѣ того я много разъ бывалъ въ Италіи, но никогда не попадалъ на Устику; туристамъ дѣлать тамъ нечего, да мнѣ и жаль было разрушать мои дѣтскія иллюзіи. Но теперь, когда я подумалъ, что, можетъ быть, мнѣ придется выбирать на земномъ шарѣ одну точку, на которой доживать свою неудавшуюся жизнь, —я рѣшилъ безповоротно, что лучше Устики не найду ничего. Тамъ, конечно, синее небо, шумный прибой, красивыя скалы, стройные люди: мнѣ ничего другого и не будетъ надо.

Мнѣ показалось обидно, что Модестъ хочетъ запугать меня, какъ шестнадцатилѣтнюю барышню, и я отвѣтила не безъ сухости:

— Полно, Модестъ! Лесть твоя изысканна, но ты не убѣдишь меня, будто я занимаю въ твоей жизни такое важное мѣсто. Если въ самомъ дѣлѣ я отъ тебя уйду, брошу тебя, какъ говорится, ты

очень спокойно уѣдешь въ Парижъ, будешь писать свои картины и переживешь еще десятокъ романовъ. Не повторяй только своимъ будущимъ возлюбленнымъ тѣхъ словъ, что сказалъ мнѣ: онѣ не повѣрятъ имъ также.

Модестъ внезапно принялъ очень серьезный видъ и сказалъ:

— Милая Талія! Я человѣкъ немного не такой, какъ всѣ. И я оставляю за собою право любить не такъ, какъ всѣ. Мнѣ надо, чтобы моя любовь къ тебѣ получила въ полномъ объемѣ все, чего она хочетъ. Безъ этого я жить не хочу и не могу. Я сожгу всѣ мои картины, я раздамъ свою библіотеку, я не возьму больше кисти въ руки, и если останусь жить, то лишь потому, что презираю самоубійство. Ты понимаешь сладость крупной игры, когда игрокъ рискуетъ всѣмъ своимъ состояніемъ? Такъ вотъ и я на карту моей любви къ тебѣ поставилъ всю свою жизнь...

Вѣрилъ ли самъ Модестъ въ свои слова? Сомнѣваюсь. Онъ — человѣкъ слишкомъ сильный, слишкомъ многогранный, чтобы въ любви видѣть весь смыслъ жизни. Угрозами и лестью онъ просто думалъ вырвать у меня мое согласіе...

Но даже, еслибы то, что говорилъ Модестъ, и было правдой! Неужели только затѣмъ, чтобы онъ не совершилъ надъ собой „художественнаго самоубійства“ (такъ это придется назвать?), я должна выйти за него замужъ? Боже мой! я молода, хороша собой, богата,—зачѣмъ же я отдамъ все это въ чужія руки? Почему о Модестѣ я должна больше думать, чѣмъ о себѣ самой?

Ну, да, Модестъ мнѣ нравится; вѣрнѣе, меня восхищаетъ въ немъ рѣдкое сочетаніе ума и таланта, силы и изысканности. Но развѣ я могу быть увѣренной, что онъ мнѣ будетъ нравиться всегда, что не измѣнится онъ или не измѣнюсь я? Я испытала, что значитъ жить съ мужемъ, который ненавистенъ. Но Викторъ, по крайней мѣрѣ, оставлялъ мнѣ полную свободу, а Модестъ требователенъ, жестокъ, ревнивъ...

Я хочу сохранить себѣ Володю надолго, на нѣсколько мѣсяцевъ, кто знаетъ, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ. Я хочу имѣть и право, и всѣ возможности любить того, кто еще мнѣ понравится и кому

я понравлюсь. Какъ бы ни была глубока и разнообразна любовь одного человѣка, онъ никогда не замѣнитъ того, что можетъ дать другой. Иногда одинъ жестъ, одно слово, одна интонація голоса стóятъ того, чтобы ради нихъ кому-то „отдаться“.

Въ тотъ же день.

Сейчасъ получила анонимное письмо. Неизвѣстный авторъ, подписавшійся, какъ это водится, „вашъ доброжелатель“, пишетъ, что ему извѣстно, кто убилъ моего мужа, и предлагаетъ мнѣ, если я желаю „проникнуть въ эту тайну“, вступить съ нимъ „въ соотвѣтствующіе переговоры“. Адресъ данъ на poste-restante, на какія-то литеры. Сначала я подумала передать письмо судебному слѣдователю, но потомъ предпочла разорвать и бросить въ корзину. Нѣтъ сомнѣнія, что это письмо писала та же рука, что и доносъ Володѣ.

Но странно все же, что меня лично нисколько не занимаетъ вопросъ, кто убилъ мужа. Викторъ какъ-то совершенно безслѣдно исчезъ изъ моей души. Словно съ аспидной доски тщательно стерли влажной губкой то, что было на время написано. Порой, задумавшись, я совсѣмъ забываю, что почти шесть лѣтъ жила съ мужемъ, что у насъ былъ ребенокъ, что нѣсколько разъ вдвоемъ ѣздили мы за границу, что вообще множество моихъ воспоминаній должно быть тѣсно связано съ Викторомъ. Положимъ, я его не любила, но какимъ же все-таки былъ онъ ничтожествомъ, если такъ легко оказалось вынуть его и изъ моего настоящаго, и изъ памяти о прошломъ, и изъ мечтаній о будущемъ! Впрочемъ, это ничтожество Виктора было для меня, при его жизни, благодѣяніемъ!

VIII.

1 октября.

Пріѣзжала maman, чтобы, по ея словамъ, „серьезно говорить со мной“. Объясненіе вышло тяжелое и скучное, но принять его во вниманіе приходится.

Вотъ приблизительно нашъ разговоръ:

— Ты ведешь себя невозможно, Nathalie! Мѣсяца не прошло со дня смерти твоего мужа, человѣка достойнѣйшаго, который обожалъ тебя, а ты уже заставляешь говорить о себѣ всю Москву. Тебя по цѣлымъ днямъ не бываетъ дома. Ты принимаешь у себя мужчинъ въ часъ ночи. Ты Богъ вѣсть куда ѣздишь на открытомъ извозчикѣ, когда у васъ есть лошадь. Это все прямо неслыханно.

— Откуда вы все это знаете, maman?

— Замѣть себѣ, что всегда бываетъ гораздо больше извѣстно, нежели ты думаешь.

— Во всякомъ случаѣ я вышла изъ возраста, когда водятъ за руки. Я—совершеннолѣтняя и могу жить, какъ мнѣ нравится.

— Я—мать. Предупредить тебя—это моя обязанность. Ты сейчасъ бравируешь мнѣніемъ общества. Но позднѣе ты очень пожалѣешь, что возстановила его противъ себя. Ты думаешь, что весь свѣтъ въ одномъ окошкѣ, что можно всю жизнь прожить однимъ художникомъ...

— Maman, вы касаетесь личностей, это неумѣстно.

— Когда мать говоритъ съ дочерью, все умѣстно. Ты полагаешь, что о твоей связи не говорятъ кругомъ. Совершенно не понимаю, зачѣмъ ты ее афишируешь. Никто не требуетъ отъ тебя ангельской добродѣтели, но всѣ въ правѣ ждатъ, что приличія будутъ соблюдены.

Въ концѣ-концовъ, чтобы кончить, я сказала:

— Позвольте вамъ объявить, maman, что по прошествіи года траура я выхожу замужъ за Модеста Никандровича Илецкаго.

Maman, кажется, не притворяясь, поблѣднѣла.

— Но ты съ ума сошла, Nathalie! Онъ Богъ знаетъ изъ какой семьи, безъ роду, безъ племени, безъ всякаго состоянія, притомъ онъ сумасшедшій!

Послѣднее слово она произнесла съ разстановкой: су-ма-шед-шій!

— Неужели вамъ больше нравится, чтобы мы жили въ незаконной связи?

— Ты меня не понимаешь. Къ этому я могу отнестись снисхо-

дительно. Я допускаю порывы молодости. Но есть ошибки непоправимыя. Никогда не надо дѣлать послѣдняго шага. Зачѣмъ доводить что бы то ни было до послѣдней черты. Благовоспитанность состоитъ въ томъ, чтобы ничѣмъ не отличаться отъ другихъ.

Maman читала мнѣ свои наставленія часа два. Когда она, наконецъ, уѣхала, у меня сдѣлалась мигрень. Меня мучили не то мысли, не то сны, не то видѣнія. Мнѣ представлялось, что мы съ Модестомъ въ какомъ-то паркѣ, чуть ли не въ Булонскомъ лѣсу, ищемъ уголокъ, чтобы свободно остаться вдвоемъ. Но едва онъ меня обнимаетъ, появляется толпа знакомыхъ, предводимыхъ maman, и всѣ указываютъ на насъ со смѣхомъ. Мы убѣгаемъ на другой конецъ парка, но тамъ случается тоже. Такъ повторяется много разъ, при чемъ всегда насъ застаютъ въ особенно неожиданныхъ, постыдныхъ позахъ. Этотъ кошмаръ измучилъ меня до полусмерти.

Maman—злой геній всей нашей семьи. Съ ранняго дѣтства она учила меня и сестеръ лицемѣрію. Воспитаніе она намъ дала самое поверхностное. Развратила она насъ съ раннихъ лѣтъ, чуть не подсовывая откровенные французскіе романы, но требовала, чтобы мы прикидывались наивными дурами. Сама она по своему дѣвичьему паспорту дочь коломенскаго мѣщанина, а выйдя замужъ за отца, мелкаго чиновника изъ захудалой дворянской семьи, стала играть роль аристократки и насъ учила гнушаться людьми „низкаго“ происхожденія. Съ пятнадцати лѣтъ она начала насъ тренировать и натаскивать (иначе не умѣю назвать) на ловлю жениховъ, и двоихъ старшихъ устроила превосходно; устроитъ и Лидочку...

Если теперь maman приходитъ ко мнѣ и заботится о моей нравственности, то потому только, что мнѣ досталось отъ Виктора состояніе. Мать боится, что эти деньги попадутъ въ руки какого-нибудь сильнаго мужчины. Она предпочитаетъ, чтобы ими владѣла я, у которой она, конечно, сумѣетъ выманить и вытребовать все, что ей себѣ желательно получить. Она предпочтетъ, чтобы у меня были десятки любовниковъ, только бы я не вышла замужъ за Модеста.

А для меня нѣтъ ничего столь ненавистнаго, какъ понятіе—*мать*. Проклинаю свое дѣтство, проклинаю первыя впечатлѣнія жизни, проклинаю все свое дѣвичество,—балы, гулянія, дачные романы, обмѣнъ любовными записочками! Все или было обманомъ, подстроеннымъ матерью, или было отравлено ея клеветой на жизнь и на людей. Мать готовила меня къ одному: къ разврату и къ торговлѣ собой. О! какъ еще я не захлебнулась въ той грязи, куда вы заботливо кинули меня, на ловлю житейскаго благополучія, мать!..

. . . . . .

А все же о словахъ матери надо подуматъ. Повидимому, добровольныхъ шпіоновъ больше, чѣмъ мы предполагаемъ, и у нашихъ добрыхъ знакомыхъ достаточно досуга, чтобы слѣдить, куда и на какомъ извозчикѣ мы ѣдемъ. Придется, пожалуй, скрѣпя сердце, затвориться на время траура, какъ въ монастырѣ; я вовсе не хочу, чтобы на меня показывали пальцами. Только не лучше ли, по совѣту Володи, уѣхать въ Италію, да и его прихватить съ собой?

IX.

6 октября.

Почти недѣлю просидѣла я дома, и чуть съ ума не сошла отъ тоски. Больше силъ моихъ нѣтъ выдерживать этотъ трауръ.

Сначала я занялась было тѣмъ, что отдала визиты родственникамъ и болѣе близкимъ знакомымъ, посѣтившимъ меня съ изъявленіями соболѣзнованія. Разговоръ о модахъ предстоящаго сезона интересовалъ меня въ первомъ домѣ, у Мэри, уже томилъ во второмъ, у Катерины Ивановны, и изъ себя вывелъ, когда съ нимъ же ко мнѣ обратилась сухопарая Нина, искренно воображающая себя красавицей и наивно говорящая: „у насъ, у красивыхъ женщинъ...“

Потомъ я попробовала разобраться въ дѣлахъ, оставшихся послѣ мужа. Мнѣ передали ворохъ счетовъ, меморандумовъ, заявленій, отношеній и Богъ знаетъ еще чего. Надо было уяснить себѣ, ка-

кія бумаги перемѣнены, какія нѣтъ, по какимъ проценты получены, по какимъ нѣтъ, какія застрахованы, какія вышли въ тиражъ, сколько рублей лежитъ на текущемъ счетѣ и сколько на вкладѣ,— я во всемъ этомъ безнадежно запуталась. Въ концѣ-концовъ, дала полную довѣренность дядюшкѣ Платону: пусть и здѣсь онъ, еще разъ, наживетъ съ меня...

По вечерамъ, когда дѣлать было нечего, я заставляла Лидочку читать мнѣ вслухъ романы, которые подобаетъ читать и ей (хотя, тайкомъ, она, конечно, давно прочла и Мопассана и Катюлля Мендеса, и Вилли, и, вѣроятно, еще кое-что посильнѣе). Она читаетъ тоненькимъ голоскомъ, временами посматривая на меня влюбленными глазами (она меня очень любитъ), а я думаю о Володѣ и жалѣю, что читаетъ мнѣ не онъ. Такъ прочли мы длиннѣйшій романъ Троллопа, нашедшійся въ нашей библіотекѣ, „Малый домъ“, который да отпуститъ ему Господь въ рядѣ всѣхъ другихъ его прегрѣшеній!

Единственная польза, какую принесло мнѣ мое заточеніе, это та, что у меня оказалось достаточно свободнаго времени—обдумать свое положеніе. Первые дни по смерти Виктора я жила какъ сумасшедшая, какъ-то не думая, что надо начинать новый періодъ жизни. Теперь же я обсудила все внимательно и осторожно, и вотъ мой *окончательный* выводъ:

За Модеста замужъ я ни въ какомъ случаѣ не выйду. Совершитъ ли онъ, послѣ моего отказа, самоубійство или не совершитъ, мнѣ до того дѣла нѣтъ. Модестъ—звѣрь опасный, отъ него можно всего ожидать, и я не хочу каждый вечеръ класть голову въ пасть тигру, хотя бы до поры до времени и ласковому. Но, какъ только кончатся хлопоты по введенію въ наслѣдство, я уѣду за границу, на Ривьеру или въ Швейцарію, и годъ или другой отдохну отъ своей замужней жизни. Мнѣ надо стряхнуть и смыть съ себя всю эту грязь, что пристала ко мнѣ за годы *вынужденнаго разврата*... Что дальше дѣлать, это будетъ видно.

X.

7 октября.

Сегодня ожидало меня объясненіе совсѣмъ неожиданное.

Я давно замѣчала, что Лидочка какъ-то невесела, разстроена, блѣдна. Но, за всѣми моими дѣлами, денежными и личными, у меня времени не было вникнуть въ ея жизнь. Да и что удивительнаго, если дѣвушка въ 18 лѣтъ блѣдна и грустна: въ эти годы такой быть и подобаетъ.

Но сегодня, войдя нечаянно въ комнату Лидочки, я застала ее въ слезахъ надъ какимъ-то альбомомъ. Я вовсе не собиралась пользоваться своими правами старшей и, навѣрное, молча вышла бы изъ комнаты, еслибы Лидочка, замѣтивъ меня, не разразилась вдругъ рыданіями отчаянными, перешедшими въ форменную истерику. Лидочка упала со стула, а когда я ее уложила на кушетку, билась въ судорогахъ, смѣялась и плакала вмѣстѣ, и все ея лицо кривилось и перекашивалось.

Едва придя въ себя, Лидочка съ ужасомъ стала спрашивать:

— Ты прочла? Ты прочла?

— Успокойся,—возражала я,—я никогда не читаю ни чужихъ писемъ, ни чужихъ бумагъ. Я ничего не прочла.

Лидочка твердила: „нѣтъ, ты прочла, прочла“, и рыдала безнадежно. Наконецъ, съ помощью разныхъ капель и воды, я до какой-то степени Лидочку успокоила. Я предпочла бы ее ни о чемъ не разспрашивать, но всѣмъ своимъ поведеніемъ она какъ бы говорила мнѣ: разспроси меня. Я покорилась съ неохотой, настаивала противъ воли, а Лидочка сопротивлялась моимъ настояніямъ, хотя въ глубинѣ души ей хотѣлось уступить. Впрочемъ, я увѣрена, что свою роль она играла безсознательно, что ей самой въ самомъ дѣлѣ казалось, что она не хочетъ ничего говорить мнѣ...

— Ты влюблена, Лидочка, не такъ ли?—говорю я.—Признайся мнѣ, я твоя сестра.

— Да! да! да!—рыдаетъ Лидочка.

— Что-жъ въ этомъ страшнаго? Любовь всегда счастіе. Если

тотъ, кого ты любишь, также полюбитъ тебя,—это счастіе радости. Если нѣтъ,—это счастіе горя. И я не знаю, которое изъ двухъ выше, прекраснѣе, благороднѣе. Второе — глубже и острѣе, но первое — шире и лучезарнѣе...

Лидочка рыдаетъ.

— Потомъ тебѣ 18 лѣтъ, Лидочка. „Смѣнитъ не разъ младая дѣва мечтами легкія мечты". Тебѣ не вѣрится сейчасъ, что твои мечты—„легкія", тебѣ кажется, что онѣ тяжеле всей вселенной и раздавятъ тебя. И мнѣ такъ казалось, когда я любила въ первый разъ. Но повѣрь опыту жизни: всякая любовь проходитъ, всякое чувство смѣняется другимъ...

Лидочка рыдаетъ.

— Ну скажи мнѣ, дѣвочка моя, кого ты любишь.

Лидочка молчитъ.

Я отнимаю ея маленькія руки отъ ея заплаканныхъ глазъ, цѣлую ее въ губы и говорю, стараясь придать голосу величайшую нѣжность:

— Скажи мнѣ, твоей сестрѣ, кого ты любишь.

И вдругъ Лидочка вскрикиваетъ:

— Тебя!

И опять падаетъ ничкомъ на кушетку, уронивъ руки, какъ плети, и опять рыдаетъ.

— Опомнись, Лидочка!— говорю я.—Какъ ты можешь плакать отъ любви ко мнѣ. Я твоя сестра, я тоже тебя люблю, намъ ничто не мѣшаетъ любить другъ друга. О чемъ же твои слезы?

— Я люблю тебя иначе, иначе,—кричитъ Лидочка.—Я въ тебя влюблена. Я безъ тебя жить не могу! Я хочу тебя цѣловать! Я не хочу, чтобы кто-нибудь владѣлъ тобою! Ты должна быть моя!

— Подумай,—говорю я, стараясь придать всему оборотъ шутки.—Сестрамъ воспрещено выходить замужъ за братьевъ. А ты требуешь, чтобы я, твоя сестра, женилась на тебѣ. Такъ, что ли, дурочка?

Лидочка скатывается съ кушетки на полъ и на полу кричитъ:

— Ничего не знаю! Знаю только, что люблю тебя! Люблю твое

лицо, твой голосъ, твое тѣло, твои ноги. Ненавижу всѣхъ, кому ты даешь себя цѣловать! Ненавижу Модеста! Затопчи меня на смерть, мнѣ будетъ пріятно. Убей меня, задуши меня, я больше не могу жить!

Лежа на полу, она хватаетъ меня за колѣни, цѣлуетъ мои ноги сквозь чулки, плачетъ, кричитъ, бьется.

Я провозилась съ Лидочкой часа два. Чтобы ее успокоить, я дала ей десятокъ разныхъ клятвъ и обѣщаній, какія она съ меня спрашивала. Поклялась ей, между прочимъ, что, по смерти Виктора, не люблю никого и въ частности не люблю Модеста.

— Онъ — противный, онъ — злой, — твердила Лидочка сквозь слезы.—Ты не должна его любить. Если ты будешь его цѣловать, я брошусь изъ окна на тротуаръ.

Я поклялась, что не буду цѣловать Модеста.

Въ общемъ нелѣпое приключеніе! Быть предметомъ страсти своей родной сестры, это ситуація не изъ обычныхъ. Но отвѣчать на такую любовь я не могу никакъ. Всегда связи между женщинами мнѣ были отвратительны.

XI.

11 октября.

Только что вернулась изъ камеры слѣдователя, куда меня вызвали повѣсткой. До сихъ поръ я вся дрожу отъ негодованія. Это былъ не допросъ, а сплошное издѣвательство. Не знаю, какъ должно мнѣ поступить.

Меня раньше всего раздражилъ самый видъ этого господина слѣдователя. Едва войдя въ камеру, я почувствовала, что его ненавижу. Онъ такъ худъ, что могъ бы служить иллюстраціей къ сказкѣ Андерсена „Тѣнь“. Лицо у него цвѣта землистаго и голосъ надтреснутый: онъ производитъ впечатлѣніе живой пародіи. И при всемъ томъ онъ наглъ и грубъ.

Сначала слѣдователь добивался, чтобы я разъяснила ему характеры нашихъ прислугъ. Но, право, если я и знаю кое-что о Глашѣ,

о Марьѣ Степановнѣ, то ничего не могу сказать о черной горничной, о поварихѣ, о кучерѣ; я даже ихъ именъ хорошенько не знаю.

— Скажите, у вашей горничной, Глафиры Бочаровой, есть возлюбленные?

— Спросите это у нея. Это ея частное дѣло, въ которое я не вмѣшиваюсь.

— Тэкъ-съ.

Послѣ длиннаго ряда такихъ пустыхъ вопросовъ, очень меня утомившихъ, слѣдователь вдругъ, очевидно, чтобы поразить неожиданностью, спросилъ меня:

— Ска-ажите, а вамъ случалось принимать кого-либо у себя дома, ночью, безъ вѣдома вашего мужа?

Какъ говорится, кровь бросилась мнѣ въ голову отъ такого вопроса. Я отвѣчала, буквально задыхаясь:

— Не знаю, имѣете ли вы право задавать мнѣ такіе вопросы. Я вамъ на нихъ отвѣчать не буду.

Слѣдователь сталъ перебирать какія-то бумаги, а въ это время, не смотря на меня, говорилъ дѣловымъ тономъ приблизительно слѣдующее;

— Извините, сударыня. Правосудію все должно быть извѣстно. Намъ чрезвычайно важно установить, какъ убійца могъ проникнуть въ вашу квартиру. Вотъ тутъ у меня есть свѣдѣнія, что въ прошломъ году вы были въ близкихъ отношеніяхъ съ поручикомъ Александромъ Ворсинскимъ и, во время отъѣзда вашего мужа въ Варшаву, неоднократно принимали г. Ворсинскаго у себя, при чемъ онъ оставался въ вашемъ домѣ до поздняго часа. Затѣмъ, сблизившись съ свободнымъ художникомъ Модестомъ Никандровичемъ Илецкимъ, вы также...

Тутъ я не выдержала, вскочила, кажется даже заплакала, сказала слѣдователю, что онъ не смѣетъ такъ обращаться со мной, что я буду жаловаться и т. п. Онъ же очень хладнокровно попросилъ меня успокоиться, подалъ мнѣ, грязными руками, стаканъ воды, который я, конечно, не стала пить, и, переждавъ нѣсколько секундъ, продолжалъ:

— Такъ вотъ, сударыня, правосудію очень важно знать, былъ ли кто-либо изъ вашихъ, гм... изъ вашихъ хорошихъ знакомыхъ вполнѣ ознакомленъ съ расположеніемъ вашей квартиры.

— Вы что же думаете, что мужа убилъ мой любовникъ?—спросила я, преодолѣвая отвращеніе.

— Мы ничего не думаемъ,—мы ищемъ.

Послѣ этого онъ допрашивалъ меня еще съ полчаса, но я уже не помню, что ему отвѣчала; больше отказывалась отвѣчать. По той развязности, съ какой слѣдователь задавалъ мнѣ свои наглые вопросы, я вижу, что онъ подозрѣваетъ меня если не въ самомъ преступленіи, то въ соучастіи. Недостаетъ только, чтобы меня арестовали и посадили въ тюрьму: вотъ будетъ неожиданная развязка всѣхъ моихъ запутанныхъ отношеній!

XII.

15 октября.

Послѣднее время Модестъ, или лично, или по телефону, ежедневно освѣдомлялся о моемъ здоровьи, и Глаша ежедневно отвѣчала ему, по моему приказу, что я не совсѣмъ здорова. Я не хотѣла видѣть Модеста, боясь, что при личномъ свиданіи, опять поддамся его вліянію. Сегодня Глаша передала мнѣ карточку Модеста, на которой было написано:

J'ai á vous dire des choses très importantes. Je vous supplie de m'accorder quelques minutes d'entretien. M.

Я, наконецъ, рѣшилась принять Модеста.

Онъ вошелъ, мрачный, поцѣловалъ мнѣ руку, нѣсколько времени ходилъ, молча, взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ сказалъ:

— Талія, помнишь ты, что говоритъ у Шекспира Антоній Клеопатрѣ послѣ ея бѣгства изъ сраженія?

Когда я откровенно призналась, что въ этомъ отношеніи моя память измѣняетъ мнѣ, Модестъ продекламировалъ по-англійски:

I found you as a morfel, cold upon
Dead Caesar's trencher! nay, you were a fragment
Of Cneius Pompey's!

Смыслъ этихъ стиховъ я вполнѣ поняла только потомъ, когда разыскала ихъ въ Шекспирѣ (кстати сказать: въ нашей жизни не такъ-то много Цезарей и Помпеевъ!), но и тогда, по самому тону Модеста, поняла, что онъ меня оскорбляетъ. Сердце у меня забилось, я сложила руки и сказала ему:

— Говорите прямо, въ чемъ вы меня обвиняете.

— Я всегда зналъ,— продолжалъ Модестъ, какъ бы не услыхавъ моего вопроса,— что истинная любовь женщинѣ недоступна. Мужчина любви можетъ пожертвовать всей своей жизнью, можетъ погибнуть ради любви, и будетъ счастливъ своей гибелью. А женщина или ищетъ въ любви забавы (и это еще самое лучшее!), или привязывается безсмысленно къ человѣку, служитъ ему, какъ раба, и счастлива этой своей собачьей привязанностью. Мужчина въ любви— герой или жертва. Женщина въ любви—или проститутка или мать. Отъ любви убиваютъ себя или мужчины, настоящіе мужчины, зрѣлые люди, понимающіе, что они дѣлаютъ, или дѣвчонки въ шестнадцать лѣтъ, воображающія, что онѣ влюблены. Это говоритъ статистика самоубійствъ. Требовать отъ женщины любви такъ же смѣшно, какъ требовать зоркости отъ крота!

Я повторила свой вопросъ... Модестъ обернулся ко мнѣ и произнесъ раздѣльно:

— Я васъ обвиняю въ томъ, что вы—лицемѣрка. Вы клялись мнѣ въ любви и со мной обманывали вашего мужа. А у меня есть несомнѣнныя доказательства, что съ другимъ вы обманывали меня. Зачѣмъ вы это дѣлали?

Когда на меня нападаютъ открыто, я чувствую въ себѣ силы неодолимыя и готова итти на все. На минуту мнѣ показалось, что желанный разрывъ съ Модестомъ, разрывъ, который распутаетъ всѣ мои отношенія, близокъ. И гордо я сказала Модесту:

— Не хочу отвѣчать вамъ. Это было бы недостойно меня.

Еще минуту я думала, что Модестъ, не сказавъ ни слова, повернется и выйдетъ изъ комнаты. Онъ страшно поблѣднѣлъ. Но вдругъ весь онъ измѣнился, какъ-то осунулся, опустился въ кресло и заговорилъ совсѣмъ другимъ, надломленнымъ голосомъ.

— Талія! Талія!—зачѣмъ ты это сдѣлала! Я зналъ многихъ женщинъ, многія меня любили безумно, вотъ съ той собачьей преданностью, о которой я только-что говорилъ. Но только въ тебѣ, въ твоемъ проституированномъ тѣлѣ, въ твоей эгоистической душѣ (записываю слово въ слово) нашелъ я что-то такое, безъ чего уже не могу жить! Талія! Я готовъ отдаться тебѣ всецѣло, тебѣ одной: только и ты отдайся мнѣ такъ же! Мы уѣдемъ съ тобой отсюда куда-нибудь на край свѣта въ Капштадтъ, въ Мельбурнъ, на Лабрадоръ. Мы будемъ жить только другъ для друга, я буду поклоняться тебѣ, какъ божеству, и буду счастливъ, потому что буду съ тобой.

— Модестъ,—возразила я,—дѣло вѣдь не только въ томъ, чтобы былъ счастливъ ты, но чтобы и я была счастлива.

Послѣ этихъ моихъ словъ, Модестъ ниже опустилъ голову и уже совсѣмъ тихимъ голосомъ договорилъ свою рѣчь:

— Все кончено. Ты меня не любишь. Значитъ, я побѣжденъ. Ахъ, я слишкомъ понадѣялся на свои силы. Я думалъ, что все могу снести, даже разрывъ съ тобой! Нѣтъ! есть вещи, которыя ломаютъ меня, какъ вѣтеръ сухіе стебли... Что жъ, произноси мой приговоръ!

Съ послѣдними словами Модестъ совсѣмъ уронилъ голову на грудь, и мнѣ показалось, что онъ плачетъ. Такъ было непривычно видѣть Модеста растроганнымъ, притомъ до слезъ, что весь гнѣвъ у меня пропалъ. Растаяла моя твердость и обратилась въ нѣжную снисходительность. Я сѣла рядомъ съ Модестомъ и ласковымъ голосомъ стала его успокаивать...

Такъ прошло то мое свиданіе съ Модестомъ, котораго я такъ боялась. Модестъ вошелъ ко мнѣ, какъ судья, какъ господинъ, а уходилъ отъ меня, какъ ребенокъ, котораго приласкала старшая сестра. Онъ даже благодарилъ меня за всѣ клятвы и обѣщанія какія я ему дала, не замѣтивъ, что за ними была пустота!

Уфъ! Я чувствую, словно какія-то вериги спали у меня съ тѣла! Модестъ плачущій, Модестъ просящій у меня утѣшенія, не страшенъ мнѣ! Я побѣдила. Я свободна. Мнѣ хочется ликовать и пѣть пэанъ,—такъ, кажется, называются побѣдныя пѣсни?

XIII.

16 октября.

Почувствовавъ новую внутреннюю свободу, я поѣхала сегодня къ Володѣ, котораго послѣднее время забрасываю на цѣлыя недѣли. Я думала, что это мое посѣщеніе будетъ для него неожиданнымъ подаркомъ, которому онъ безумно обрадуется. Вышло совсѣмъ не такъ.

Встрѣтилъ меня Володя угрюмо, сначала ничего не хотѣлъ говорить, потомъ плакалъ, еще послѣ сталъ осыпать упреками, совсѣмъ какъ Модестъ. Причина? Сперва мальчикъ придумывалъ разные предлоги своего гнѣва, вродѣ того, что я румянюсь (глупый, онъ воображалъ, что мы употребляемъ румяна, какъ наши бабушки!) но, наконецъ, признался: онъ получилъ новое подтвержденіе того, что у меня связь съ Модестомъ.

Какъ это скучно! Мужчины не довольствуются тѣмъ, что мы имъ отдаемся, и даже тѣмъ, что мы ихъ любимъ. Каждому изъ нихъ надобно, чтобы мы отдавались только одному ему и любили его такъ, какъ ему того хочется. Володя не понимаетъ, что ему даже взять нечѣмъ того, что я отдаю въ себѣ (душевно и тѣлесно) Модесту, какъ и Модесту нечѣмъ взять того, что я отдаю Володѣ. Всѣ твердятъ: я хочу тебя всю, но ни одинъ не подумаетъ, достаточно ли глубока и широка для того его душа!

Я очень рѣзко сказала это все Володѣ,—конечно, не признаваясь въ своей близости къ Модесту,—и ушла отъ него, не снявъ шляпы. Мнѣ очень нравится этотъ мальчикъ, губы его пахнутъ, какъ земляника въ іюлѣ, и всего его хочется искусать до крови, но больше я не допущу никакихъ уступокъ! Я преодолѣла въ своей

душѣ чувство къ Модесту, преодолѣю и нѣжность къ Володѣ. Если они оба идутъ къ тому, чтобы я ихъ бросила, тѣмъ лучше: я не испугаюсь остаться одна!

Отъ Володи я заѣхала къ Вѣрѣ. Ее всѣ называютъ моей подругой, и я, правда, люблю ее больше другихъ. Мнѣ только не нравится, что одѣвается она слишкомъ дорого и крикливо, — въ этомъ дурной вкусъ. Я думала, что этотъ визитъ меня успокоитъ, но совсѣмъ напротивъ.

Прежде всего Вѣра опять облѣпила меня изъявленіями пошлыхъ соболѣзнованій, словно бумажками отъ конфетъ. Потомъ повела мена смотрѣть своего сына, показывала мнѣ его новыя игрушки и весьма искренно радовалась, когда я безразлично хвалила и игрушки и сына. Еще послѣ, за кофе, она пересказала мнѣ всѣ сплетни за то время, что я не бывала въ нашемъ „свѣтѣ“. Я узнала, какія изъ нашихъ дамъ перемѣнили любовниковъ, но такъ какъ дѣйствующія лица всѣ одни и тѣ же, то можно заранѣе вычислить по формулѣ, которую мы учили въ алгебрѣ, число возможныхъ combinaisons изъ даннаго числа мужчинъ и женщинъ.

Наконецъ, Вѣра перешла къ интимнымъ признаніямъ и разсказала мнѣ, какъ ее бросилъ ея французъ, о чемъ я знала только смутно. При этомъ разсказѣ лицо Вѣры перекосилось, она стала некрасивой, слова стала выбирать грубыя и вообще произвела на меня впечатлѣніе отвратительное. Говоря о Лидочкѣ Веретеневой, которая оказалась ея счастливой соперницей, она сказала мнѣ буквально слѣдующее:

— Знаешь, Nathalie, я не могу ручаться за себя, что когда-нибудь въ театрѣ, въ фойэ, не кинусь на нее и не изобью ее, какъ простая прачка.

Я увѣрена, что она говорила искренно. О, ревность! „чудовище съ зелеными глазами“, сказалъ Шекспиръ. Нѣтъ, слѣпой звѣрь!

XIV.

18 октября. Поздно ночью.

Увѣряютъ, что бываютъ рѣшенія безсознательныя. Нашъ мозгъ, незамѣтно для насъ самихъ, вырабатываетъ сужденія, которыя руководятъ нашими поступками. Конечно, сегодня я подчинялась такому безсознательному рѣшенію.

Самой мнѣ казалось, что я просто хочу вечеромъ пройтись по улицамъ. Но почему я одѣлась какъ можно проще, надѣла свой старый, вышедшій изъ моды, костюмъ, прошлогоднюю шляпку, опустила на лицо бѣлую вуаль, позаботилась, чтобы меня не узнали? Лидочка, видя, что я ухожу вечеромъ, выбѣжала ко мнѣ съ испуганными, широко открытыми глазами: должно быть, она подумала, что я собираюсь къ Модесту.

— Милая дѣвочка, я устала, хочу пройтись.

— Возьми меня съ собой.

— Нѣтъ, мнѣ хочется быть одной.

— Позволь заложить коляску.

— Не надо.

Я вышла. Былъ часъ сумерекъ. Зажигали фонари. На улицѣ было сѣро, страшно, непріютно. Люди проходили мимо, торопливо, занятые.

Я шла безъ цѣли, вѣрнѣе, безъ сознательной цѣли, и незамѣтно вышла на бульвары.

Ко мнѣ „приставъ“ какой-то старичокъ, предлагая „прокатиться“. Онъ былъ низенькій и противный. Я перешла на другой тротуаръ.

Потомъ заговаривало со мной еще нѣсколько уличныхъ завсегдатаевъ, изъ которыхъ одинъ соблазнялъ меня пятью рублями. Я отмалчивалась, они отставали.

Такъ я прошла до самаго храма Христа Спасителя. Устала страшно. Около храма было причудливо. Каменное строеніе, прозрачно-бѣлое, среди тѣней, казалось призрачнымъ. А качающіяся тѣни электрическихъ фонарей казались реальными и живыми.

Я постояла у каменнаго парапета сада; потомъ пошла назадъ. Минутами мнѣ хотѣлось взять извозчика и ѣхать домой. Четверть часа спустя я, конечно, такъ и поступила бы.

На уровнѣ Никитскаго бульвара меня догналъ какой-то молодой человѣкъ. Онъ былъ въ шляпѣ съ большими полями и одѣтъ хорошо. Явно онъ былъ пьянъ.

Онъ мнѣ сказалъ:

— Мадонна! позвольте мнѣ быть вашимъ пажемъ.

Я посмотрѣла на его лицо, съ рыжеватой бородкой, и отвѣтила:

— Для пажа вы слишкомъ стары.

— Тогда вашимъ рыцаремъ.

— А посвящены ли вы въ рыцари?

— Меня посвятилъ славный рыцарь донъ-Кихотъ Ламанчскій.

Все это было глупо, но развѣ можно разсчитывать, что повстрѣчаешь на улицѣ „Помпея“ или „Цезаря“.

Я покорно шла рядомъ съ незнакомцемъ, а онъ продолжалъ пьяную болтовню:

— Мадонна! на эту ночь я избираю васъ дамой своего сердца. И своего портмоне, если вамъ угодно. Развѣ чувство измѣряется фунтами и аршинами? Я буду вамъ вѣренъ одну ночь, но моя вѣрность будетъ тверже, чѣмъ рыцаря Тогенбурга. У меня не будетъ времени вызвать на бой для прославленія вашего имени великановъ и волшебниковъ, но я вызываю сонъ, всѣпобѣдный сонъ, и всяческую усталость, и клянусь вамъ сражать этихъ демоновъ дотолѣ, доколѣ вамъ будетъ угодно дѣлить со мной ваши часы. Для прославленія вашего имени, сказалъ я, но я еще его не знаю.

— Какъ и я вашего.

— Меня зовутъ донъ Хуанъ Фердинандъ Кортецъ, маркизъ делла Валле Оахаки. Я—новое воплощеніе завоевателя Мексики. Если же имя мое кажется вамъ слишкомъ длиннымъ вы можете называть меня просто Хуаномъ.

— Позвольте называть васъ Жуаномъ, потому что мое имя донна Анна.

— О, мадонна! ѣдемъ на нашъ пиръ, и да явится въ свой часъ

къ намъ статуя твоего покойнаго мужа. Командоръ! приглашаю тебя, приди и стань на стражѣ у дверей нашей спальни.

— Вамъ приходится передавать приглашеніе лично за неимѣніемъ Лепорелло.

— Лепорелло ждетъ насъ. Но подобно божественной Дульцинеѣ, превращенной въ Альдонсу, злыми чарами обращенъ онъ въ ресторанаго офиціанта. Ѣдемъ, и вы его увидите!

Незнакомецъ сдѣлалъ знакъ лихачу и предложилъ мнѣ садиться въ пролетку. Я повиновалась. Мы полетѣли вдоль бульвара, продолжая шутливый разговоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были въ отдѣльной комнатѣ гостиницы. На столѣ стояло шампанское. Такъ какъ оказалось, что мой спутникъ одѣтъ изысканно и, по всему судя, принадлежитъ къ высшимъ слоямъ общества, я стала бояться, что впослѣдствіи онъ меня гдѣ-нибудь встрѣтитъ и узнаетъ. Я усердно наливала ему вина, и онъ пьянѣлъ.

Былъ страшный соблазнъ въ томъ, что мы не знали другъ друга, что мы, одинъ для другого, вышли изъ тайны и должны были вернуться въ тайну.

Незнакомецъ сталъ на колѣни передо мной и сталъ говорить:

— Донна Анна! Ты—прекрасна. Ты—прекраснѣе всѣхъ женщинъ, какихъ я видѣлъ на свѣтѣ. Хочешь, я съ сегодняшняго вечера порву свою жизнь пополамъ и отнынѣ останусь съ тобой навсегда. Буду твоимъ рыцаремъ, твоимъ пажемъ, твоимъ служителемъ. Мы уѣдемъ на твою истинную родину, въ Севилью, или куда хочешь. Брось свою жизнь, отдайся мнѣ, и я буду поклоняться тебѣ, какъ божеству.

Въ словахъ незнакомца было столько совпаденій съ рѣчами Модеста, что мнѣ стало жутко. Я постаралась стряхнуть съ себя этотъ кошмаръ и повернуть наше свиданіе въ другую сторону. Сдѣлать это было не трудно...

Но когда незнакомецъ, немного спустя, восторженно цѣловалъ мнѣ колѣни, жуткое чувство вторично овладѣло мной: мнѣ представилось, что меня цѣлуетъ Володя.

Мы растались подъ утро. Незнакомецъ настойчиво требовалъ, чтобы я дала ему свой адресъ. Я назвала какія-то фиктивныя буквы, предложивъ писать poste-restante.

Но я болѣе никогда въ жизни не хочу увидѣть моего Донъ-Жуана.

Прощаясь, онъ, не безъ колебанія, вложилъ мнѣ въ руку бумажку въ двадцать пять рублей. Я взяла. Вотъ первая плата, которую я получила за продажу своего тѣла. Впрочемъ, нѣтъ: раньше мнѣ за то же платилъ мой мужъ.

XV.

19 октября.

У меня голова кружится отъ тѣхъ открытій, которыя я сдѣлала. Въ первый разъ въ жизни я боюсь окончательныхъ выводовъ. Мнѣ страшно мыслить.

Сегодня я проснулась поздно и медлила вставать. Сознаюсь, мнѣ страшно было встрѣтиться съ Лидочкой. Лидочка знала, что я вернулась домой поздно ночью, и могла думать, что ночь я провела у Модеста.

Вотъ почему мнѣ стало очень не по себѣ, когда въ столовой, гдѣ я пила кофе, ко мнѣ подошла Лидочка.

— Наташа, мнѣ надо говорить съ тобой.

— Послѣ, моя дѣвочка, я утомлена очень, у меня голова болитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь.

Допивая кофе, я разсматривала Лидочку. Лицо ея было блѣдно, безъ слѣдовъ слезъ, выраженіе глазъ какое-то сухое и рѣшительное.

Мы перешли въ маленькую гостиную, и Лидочка здѣсь спросила меня:

— Знаешь, кто здѣсь былъ вчера?

— Гдѣ здѣсь?

— У насъ.

— Кто же?

— Модестъ Никандровичъ.

— Что жъ такого. Онъ не засталъ меня дома. Пріѣдетъ другой разъ.

Мнѣ пришло въ голову, не хочетъ ли Лидочка дать мнѣ понять, что Модестъ, не заставъ меня дома, такъ сказать, уличилъ меня въ невѣрности себѣ. Но Лидочка, съ расчетомъ на свое торжество, продолжала, прямо глядя мнѣ въ лицо:

— Онъ былъ не у тебя. Онъ былъ у насъ въ домѣ тайно.

— Ты говоришь глупости. У кого же онъ былъ?

— У Глаши.

Это было абсурдно. Я стала разспрашивать. Лидочка разсказала, что она давно подмѣтила какія-то странныя отношенія между Модестомъ и Глашей. Вчера, когда меня не было дома, Лидочка по разнымъ признакамъ догадалась, что Глаша въ своей комнатѣ не одна. Лидочка стала слѣдить, и около полуночи видѣла, какъ Глаша чернымъ ходомъ выпускала Модеста. Оба они что-то говорили очень оживленно, но вполголоса, и, уходя, Модестъ поцѣловалъ Глашу въ губы.

— Видишь,—съ усиліемъ сказала Лидочка,—ты его любишь... а онъ... обманываетъ тебя... съ твоей горничной.

Разсказъ Лидочки взволновалъ меня сильно, такъ что сердце начало у меня въ груди колотиться, какъ соскочившее съ пружины. Кое-какъ успокоивъ Лидочку, я ее отослала и позвала къ себѣ Глашу.

Съ Глашей говорить пришлось недолго. Она послѣ первыхъ вопросовъ созналась и, по какому-то атавистическому влеченію, повалилась мнѣ въ ноги.

Да, она любовница Модеста. Онъ ее увѣрилъ, что любитъ ее, а за мной ухаживаетъ изъ чести (какъ не стыдно ему было повторять Молчалинскія слова!) Онъ обѣщалъ взять ее жить къ себѣ и дѣлалъ ей дорогіе подарки. Возилъ ее кататься за городъ, и поилъ шампанскимъ, и потомъ „пользовался ея слабостью и довѣрчивостью“. А я ничего не знала и не замѣчала!

Но вотъ что самое важное. Модестъ былъ у Глаши въ ночь на

15 сентября, т.-е. *въ ночь убійства.* Правда, она сама проводила Модеста и закрыла за нимъ дверь еще раньше полночи, и, возвращаясь къ себѣ, слышала шаги Виктора Валерьяновича, который ходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Слѣдовательно, убійство совершилось *послѣ того,* какъ Модестъ вышелъ изъ нашей квартиры. Но развѣ не могъ онъ переждать нѣсколько времени на лѣстницѣ и вернуться съ помощью заранѣе подобраннаго ключа? Эта мысль сразу явилась мнѣ и засѣла у меня въ мозгу, словно отравленная стрѣла.

„Современный человѣкъ долженъ умѣть все: писать стихи и управлять электрической машиной, играть на сценѣ и *убивать*“, припомнились мнѣ слова Модеста, записанныя въ этомъ дневникѣ.

Что до Глаши, то ей, кажется, такія подозрѣнія не приходили въ голову. Но, по ея словамъ, Модестъ былъ очень напуганъ, узнавъ объ убійствѣ, тотчасъ вызвалъ ее и строго запретилъ ей говорить кому бы то ни было о томъ, что былъ у нея наканунѣ... Глаша исполнила его требованіе, но совѣсть ее мучитъ и ей хочется пойти все „открыть“ слѣдователю.

Разумѣется, Глаша разсказывала мнѣ все это длинно и сбивчиво, прерывая слова всхлипываніями и рыданіями. Я поняла теперь, почему Глаша все время, со дня убійства, ходитъ разстроенной и подавленной. Чтобы хранить большую тайну, надо имѣть душу воспитанную: простымъ существамъ это не подъ силу.

Что я могла отвѣтить Глашѣ? Я ей сказала, что доносить на Модеста, конечно, не надо. Что онъ поступилъ дурно, соблазнивъ бѣдную дѣвушку, но къ убійству, во всякомъ случаѣ, не причастенъ и было бы зло впутывать его въ это дѣло. Въ заключеніе я обѣщала Глашѣ, что поговорю объ ней съ Модестомъ и заставлю его позаботиться объ ней какъ должно.

Съ Глашей мы разстались друзьями.

О Модестѣ мнѣ еще надо будетъ думать и много думать. Но чего же теперь стоятъ всѣ его слова о вѣрности и объ измѣнахъ. Какъ негодовалъ онъ на то, что я ему „измѣняю“. Ахъ, люди!

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей!

XVI.

21 октября.

Я получила ужасное письмо отъ Володи. Было въ его словахъ столько отчаянья, что я поѣхала къ нему тотчасъ. Но послѣднее время всѣ мои свиданія кончаются плохо.

Неудачи начали меня преслѣдовать еще на улицѣ.

Я, разумѣется не могла взять нашей лошади, и вышла пѣшкомъ. Черезъ нѣсколько шаговъ догналъ меня какой-то человѣчекъ и сталъ, кланяясь, что-то говорить.

— Я васъ не знаю,—сказала я,—что вамъ надо?

— Помилуйте-съ,—возразилъ человѣчекъ,—я дяденька горничной вашей, Глаши, Сергѣй Хмылевъ, изволили припомнить?

Узнавъ, съ кѣмъ я имѣю дѣло, я сказала твердо:

— Я васъ просила меня оставить. Если вы не отстанете, я позову городового.

— Къ чему тутъ полиція,—возразилъ Хмылевъ,—это дѣло деликатное, его надо безъ посторнихъ свидѣтелей проводить.

Я чувствовала, что въ рукахъ этого человѣка конецъ нити изъ запутаннаго клубка событій. Многое ли ему извѣстно, я не знала, но была убѣждена, что что-то извѣстно. Я медленно шла по тротуару, а Хмылевъ сѣменилъ за мной и говорилъ:

— Напрасно вы нами презираете, Наталья Глѣбовна. Мы люди маленькіе, но на маленькихъ людяхъ міръ стоитъ. Что я у васъ прошу: позволенія явиться и представить нѣкоторые документики и соображенія,—всего только. Вы то и другое расмотрите и рѣшите, стоитъ ли оно, чтобы заплатить слѣдуемую намъ сумму.

— Одинъ разъ я уже отказала вамъ наотрѣзъ,—произнесла я отрывочно.—Почему же вы не представили вашихъ документовъ въ другое мѣсто? Видно, они не многаго стоятъ!

— Эхъ, барыня! Представить документики не долго. И будетъ то, можетъ быть, кому-нибудь и очень непріятно. Но вѣдь *мнѣ-то* никакой изъ того прибыли не будетъ, или самая малая... А что я

съ васъ прошу? При вашемъ капиталѣ двадцать тысячъ для васъ гроши-съ, не замѣтите, если отдадите...

Я сказала медленно:

— Хорошо, я подумаю. Приходите черезъ недѣлю.

— Нѣтъ-съ, — возразилъ Хмылевъ, — черезъ недѣлю поздно-съ будетъ. Дольше трехъ дней ждать никакой возможности не имѣю.

— Какъ угодно,—сказала я.

Тотчасъ я сѣла въ пролетку ближайшаго извозчика и приказала ѣхать, не слушая, что мнѣ еще говорилъ Хмылевъ. Но въ душѣ я досадовала сама на себя и не знала, хорошо ли я поступила, отказавъ Хмылеву. Можетъ быть, слѣдовало разсмотрѣть его „документики". Я, впрочемъ, надѣялась, что онъ еще разъ явится ко мнѣ.

Вдругъ на поворотѣ изъ Настасьинскаго переулка какой-то человѣкъ прыгнулъ съ тротуара, замахалъ руками и остановилъ моего извозчика. Я узнала своего рыжаго донъ-Жуана.

— Донна Анна! Донна Анна!—восклицалъ онъ.—Я брошусь подъ колеса, если вы не отзоветесь. Я помѣшался съ того дня, какъ встрѣтилъ васъ. Я не могу безъ васъ жить.

Рѣдкіе прохожіе останавливались и смотрѣли на скандальную сцену.

— Etez-vous fou, monsieur, je ne vous connais pas,—сказала я почему-то по-французски.

Извозчикъ хлестнулъ лошадь. Незнакомецъ минуты двѣ еще бѣжалъ за моей пролеткой, потомъ отсталъ.

Настроеніе мое окончательно испортилось. То была уже не досада, а какая-то злоба на себя и на весь міръ...

Въ тотъ же день.

Пріѣзжала Вѣра, прервала меня, сидѣла часъ, говорила глупости. Продолжаю.

Володю я нашла въ состояніи крайняго возбужденія. Онъ исхудалъ, словно послѣ жестокой болѣзни. Съ горящими зрачками онъ имѣлъ видъ маленькаго пророка.

Въ чемъ дѣло? Ахъ, онъ узналъ все, и окончательно, о моихъ

отношеніяхъ къ Модесту; ему даже передали мое письмо къ Модесту, которое тотъ ухитрился гдѣ-то потерять.

На этотъ разъ свѣдѣнія Володи оказались столь точными, что мнѣ осталось только удивляться, кто могъ ему сообщить ихъ. Одно я могу предположить, это—что въ доносѣ участвовалъ самъ Модестъ. Чтобы избавиться отъ соперника, онъ извѣстилъ его о самомъ себѣ и самъ подослалъ ему одно изъ моихъ писемъ (не могу я повѣрить, что Модестъ „потерялъ“ его!) Такой дьявольскій планъ достоинъ черной души Модеста.

Во всякомъ случаѣ, отпираться было невозможно. Я сказала Володѣ прямо, что онъ мнѣ нравится, но что мнѣ его маленькой души мало. Что слишкомъ многаго во мнѣ онъ не можетъ понять. Что во многомъ онъ не можетъ быть моимъ сотоварищемъ. Онъ нѣженъ, робокъ, правдивъ, добродѣтеленъ. Это все мнѣ нравится. Но, кромѣ того, я люблю мужскую силу, люблю страсть, люблю исхищренность и изысканность чувствъ. Если онъ хочетъ ставить точки на і, я—развратна. Такой меня создалъ Богъ или жизнь, и я хочу оставаться сама собой. Мнѣ, какъ спутникъ, какъ другъ, какъ любовникъ, нуженъ человѣкъ, который былъ бы способенъ меня понимать всю, отвѣчать на всѣ запросы моей души. Если нѣтъ такого одного, мнѣ нужно двоихъ, троихъ, пятерыхъ, почемъ я знаю сколько! Пусть онъ, Владимиръ, усложняетъ и возвышаетъ свою душу, пусть онъ дорастаетъ до меня, пусть онъ одолѣетъ меня въ поединкѣ любви,—и я буду рада оказаться побѣжденной. Но поддаваться или притворяться побѣжденной я не хочу.

Приблизительно такъ я говорила Володѣ. Онъ тихо рыдалъ. Мнѣ было его очень жалко и хотѣлось поцѣловать въ его темную голову, въ милый, любимый мною затылокъ. Но я себя преодолѣла, рѣшивъ высказать всю правду.

— Итакъ, вы играли мною,—сказалъ между рыданіями Володя, —играли, какъ дѣти играютъ плюшевымъ медвѣдемъ...

— Я любила тебя, мальчикъ!

Едва я это сказала, какъ съ Володей сдѣлался настоящій припадокъ изступленія. Онъ вскочилъ и сталъ кричать мнѣ:

— Лжешь! Весь міръ знаетъ, что такое любовь, а вы и вамъ подобныя исказили смыслъ этого слова! Вы обратили любовь въ какую-то игру въ бирюльки. Вы постоянно твердите о любви, только и дѣлаете, что разсматриваете свое чувство, но все это у васъ въ головѣ, а не въ сердцѣ! Для васъ любовь или развратъ, или математическая задача. А любви, какъ любви, какъ чувства одного человѣка къ другому, вы не знаете.

— Твои слова,—сказала я холодно, но мягко,—только доказываютъ мнѣ еще разъ, какъ ты отъ меня далекъ. Какъ же ты требуешь, чтобы я всю себя отдала тебѣ, когда ты меня даже не понимаешь? А если я столь низменна, какъ ты говоришь, зачѣмъ ты отъ меня требуешь, чтобы я тебя любила?

Я старалась говорить сдержанно и вообще за все время свиданія не позволила себѣ ни одного рѣзкаго или жестокаго слова. Но Володей рѣшительно владѣлъ какой-то демонъ, потому что, не слушая моихъ доводовъ, онъ вновь сталъ кричать на меня. Должно быть, онъ многое передумалъ въ одиночествѣ послѣднихъ дней, и теперь всѣ эти думы безпорядочнымъ потокомъ вырывались изъ его души.

— У меня было свое дѣло,—продолжалъ Володя.—Я былъ маленькимъ колесикомъ, но въ великомъ механизмѣ, который работалъ на благо цѣлаго народа и всего человѣчества. Я былъ счастливъ своей работой, и у меня было удовлетвореніе въ сознаніи, что жизнь моя нужна на что-то. Ты меня вырвала изъ этого міра, ты меня, какъ сирена, зачаровала своимъ голосомъ и заставила сойти съ моего корабля. Что же ты мнѣ дала взамѣнъ? Жизнь, которая любовь ставитъ въ центръ міра, какъ божество, а потомъ самую эту любовь подмѣниваетъ лицемѣріемъ, фальшью, притворствомъ! Ты научила меня жить однимъ чувствомъ, а сама вмѣсто чувства давала мнѣ искусную ложь! Ты постепенно коварствомъ и ласками довела меня до того, что я сталъ твоимъ альфонсомъ. Мнѣ страшно встрѣчаться съ прежними друзьями. Я стыжусь своей жизни, своего лица, своихъ рукъ!

Володя кричалъ долго, бѣснуясь. Я пыталась возражать, онъ не

давалъ мнѣ вымолвить слова. Я сложила руки и молча смотрѣла на него. Наконецъ, въ слѣпой ярости, Володя схватилъ съ этажерки томикъ Тютчева, бросилъ его на полъ и сталъ топтать. Мнѣ удалось сказать:

— Научись тому, что первый признакъ культурнаго человѣка —уваженіе къ книгѣ.

— Проклинаю ваши книги,—закричалъ въ отвѣтъ Володя.—Всѣ вы книжные, и чувства ваши книжныя, и поступки книжные, и говорите такъ, словно читаете книгу. Не хочу я васъ больше! Хочу на волю, къ жизни, къ дѣлу!

Конечно, въ томъ, что говорилъ Володя, было не мало правды (потому-то я и записываю здѣсь его слова), но я не могла уступить ему. Надо было разъ навсегда отстоять свою свободу. Я сказала Володѣ все съ прежней холодностью:

— Ты молодъ. У тебя вся жизнь впереди. Вернись къ своимъ друзьямъ-революціонерамъ. Вѣроятно, они примутъ вновь въ партію заблудшаго товарища.

Поправивъ шляпу, я пошла къ выходу.

Видя, что я ухожу, Володя поблѣднѣлъ смертельно, загородилъ мнѣ дорогу, сталъ на колѣни. Задыхаясь, не договаривая словъ, онъ началъ умолять меня не покидать его. Онъ просилъ прощенія во всемъ, что говорилъ, и назвалъ себя безумцемъ.

Я готова была заключить миръ. Но когда понемногу между нами начали устанавливаться добрыя отношенія, Володя вдругъ поставилъ такое требованіе:

— Но ты поклянешься мнѣ, что отнынѣ будешь принадлежать мнѣ одному? ты *тому* пошлешь тотчасъ письмо, что все между вами кончено?

— Ты опять сумасшествуешь,—сказала я.

— Я требую,—повторилъ Володя, вновь поблѣднѣвъ.

Тогда я отвѣтила рѣшительно:

— Своими поступками я хочу распоряжаться сама. Не могу допустить, чтобы кто-либо съ меня что либо требовалъ. Бери меня такой, какова я, или ты меня не получишь вовсе.

Я вновь направилась къ двери. Володя вновь загородилъ мнѣ дорогу. Весь блѣдный, онъ стоялъ, простеревъ руки, словно распятый.

— Ты не уйдешь,—проговорилъ не онъ, а его губы.

Покачавъ головой, я попыталась отстранить его отъ двери.

Володя упалъ на полъ и охватилъ мои ноги.

— Если ты уйдешь, я убью себя.

Я съ силой растворила дверь и вышла.

Что удивительнаго, что послѣ такого вечера я сегодня показалась Вѣрѣ неинтересной. То-есть она мнѣ сказала, что я выгляжу нездоровой. Но я знаю, что значитъ это слово въ устахъ женщины.

XVII.

23 октября.

Итакъ, свершилось.

Моя судьба рѣшена, и рѣшена неожиданно.

Всю ночь меня преслѣдовалъ образъ юноши, распятаго у двери. Я просыпалась отъ кошмаровъ, и мнѣ слышались слова Володи: „Если ты уйдешь, я убью себя“. Утромъ я встала въ такой тоскѣ, сносить которую не было силъ.

— Да вѣдь это же любовь!—вдругъ сказала я самой себѣ.— Ты любишь этого мальчика, гибкаго, какъ былинка. Зачѣмъ же ты отказываешься отъ любви: развѣ въ этомъ свобода?

Едва я это подумала, какъ мнѣ показалось, что все рѣшается очень легко. Я тотчасъ сѣла къ столу и безъ помарокъ, сразу, написала два письма: Володѣ и Модесту.

Володю прежде всего я просила простить меня. Я писала ему, что отказалась вчера послать то письмо, которое онъ требовалъ, только ради отвлеченнаго принципа, чтобы сохранить свою свободу. Но что на дѣлѣ я вполнѣ и окончательно порвала все съ „тѣмъ другимъ“ (т.-е. съ Модестомъ). Я писала еще, что твердо рѣшила въ самомъ скоромъ времени уѣхать надолго, на нѣсколько лѣтъ въ Италію, и хочу, чтобы онъ, Володя, ѣхалъ со мной...

Модесту письмо я написала гораздо болѣе короткое и сухое, всего нѣсколько фразъ. Я напоминала, что Модестъ далъ мнѣ мѣсяцъ сроку, чтобы отвѣтить на его предложеніе. Но, говорила я, уже теперь мой отвѣтъ мнѣ вполнѣ извѣстенъ, и я могу ему сказать, что никогда его женой я не буду. Въ заключеніе я писала, что, согласно со словами Модеста, считаю, послѣ моего письма, всѣ наши отношенія конченными и прошу болѣе не пытаться видѣться со мной. Хотѣла было я прибавить просьбу—возвратить мои письма, которыми Модестъ, повидимому, не дорожитъ, такъ какъ они попадаютъ въ чужія руки, но это показалось мнѣ слишкомъ банальнымъ.

Сначала я думала послать оба письма одновременно, но какой-то инстинктъ предосторожности удержалъ меня. Я отправила только одно письмо—Модесту.

Тотчасъ же я получила и отвѣтъ: Модестъ преклонялся передъ моей волей, но просилъ послѣдней милости: пріѣхать къ нему проститься. Послѣ нѣкотораго колебанія я согласилась.

Все, что случилось на этомъ свиданіи, было для меня и непредвидѣнно и чудесно. И чувства, которыя я пережила за эти часы, проведенные съ Модестомъ, принадлежатъ къ числу самыхъ сильныхъ, какія я испытывала когда-либо.

Непредвидѣнное ждало меня тотчасъ за дверью квартиры Модеста. Онъ встрѣтилъ меня не въ своемъ обычномъ костюмѣ, но въ странной восточной хламидѣ, расшитой золотомъ. Обстановкѣ комнатъ тоже былъ приданъ восточный, древне-халдейскій характеръ. Картины со стѣнъ были сняты.

Я вспомнила слова maman, что Модестъ сумасшедшій, и испугалась.

— Модестъ, ты не помѣшался?—спросила я.

— Нѣтъ, царица! Но эти священные часы нашего съ тобой прощанія я хочу провести внѣ ненавистной и нестерпимой стихіи современности. Тебя, какъ и меня, равно мучитъ пошлость нашей жизни, и я не хочу, чтобы въ наши послѣднія воспоминанія врывалось что-нибудь изъ нея: звонки телефона или свистки автомо-

биля. Я хочу на нѣсколько часовъ погрузить тебя и себя въ болѣе благородную атмосферу.

Комнаты Модеста оказались преображенными: онѣ были всѣ убраны въ древне-ассирійскомъ стилѣ. Модестъ откуда-то досталъ множество статуй и барельефовъ, изображающихъ ассирійскихъ боговъ и царей, увѣсилъ стѣны страннымъ, древнимъ оружіемъ, лампочки превратилъ въ факелы, весь воздухъ напоилъ какими-то сильными, пряными духами и куреніями. Я себя чувствовала не то въ музеѣ, не то въ храмѣ, мнѣ было странно и не по себѣ, но дѣйствительность какъ-то отошла отъ меня, и я почти забыла, зачѣмъ я здѣсь.

Модестъ долгое время ни словомъ не напоминалъ ни о моемъ, ни о своемъ письмѣ. Онъ совершенно серьезнымъ тономъ, словно только за этимъ приглашалъ меня, разсказывалъ мнѣ миѳы о героѣ Издубарѣ и о схожденіи богини Истаръ въ Адъ. На какой-то странной дудкѣ онъ игралъ мнѣ простую, но своеобразную мелодію, которую назвалъ гимномъ Лунѣ. Потомъ онъ шепталъ мнѣ нѣжныя признанія въ своей любви, превращая ихъ почти въ псалмы, говоря кадансированной прозой, употребляя пышныя, чисто-восточныя выраженія.

Отъ аромата куреній у меня кружилась голова. Одно время я плохо сознавала, что я дѣлаю и говорю. И о цѣли своего пріѣзда я почти совсѣмъ забыла. Мнѣ было хорошо съ Модестомъ, и я не спѣшила уѣзжать.

Мы перешли въ спальню. Вмѣсто постели въ ней было сооружено высокое ложе, поставленное на изображеніи четырехъ крылатыхъ львовъ. Въ глубинѣ комнаты на треножникѣ курились легкимъ дымомъ какія-то сильно пахнущія снадобья.

— Можетъ быть, ты хочешь меня усыпить и убить?—спросила я.

— Нѣтъ, моя царица,—возразилъ Модестъ,—я хочу убить воспоминанія только. Это жертва безкровная. И еще я хочу молить древнихъ боговъ, чтобы они послали намъ ту полноту страсти и то самозабвеніе, какое знали люди ихъ временъ. Хочу молить, чтобы меня поддержалъ герой Мардукъ, а тебѣ дала силы богиня Эа.

Безъ малѣйшей черты шутки или игры, Модестъ бросилъ на жаровню какія-то зерна и палъ ницъ. Длинная его одежда распростерлась на полу и черная его голова коснулась самаго пола. Ему такъ шла эта жреческая поза, что я почти почувствовала себя въ древнемъ Вавилонѣ, ночью, въ башнѣ, отроковицей, ждущей сошествія бога Бэла... Я на время забыла всѣ свои мучительныя мысли и самую свою жизнь, помнила только, что я наединѣ съ *нимъ*, съ мужчиной, съ тѣмъ, кому я должна принадлежать...

Обычно я во всѣ минуты, даже въ самыя интимныя, сохраняю полное обладаніе своимъ сознаніемъ. Но этотъ разъ, часъ, прошедшій на ассирійскомъ ложѣ, въ полутемной комнатѣ, въ запахѣ пряныхъ куреній, показался мнѣ какимъ-то сліяніемъ яви и сна, чѣмъ-то, стоящимъ на границѣ дѣйствительности и мечты. Я говорила что-то, слушала какія-то рѣчи, но не сумѣла бы записать ихъ здѣсь, перомъ по бумагѣ, въ грамматически-правильныхъ предложеніяхъ: то было нѣчто иное...

Понемногу словно изъ рѣдѣющаго тумана стали выступать передо мной слова Модеста:

— Все же я тебя любилъ, царица, любилъ всей полнотой чувства, не знающаго предѣла и не хотящаго границъ. Что̀ бы ни совершала ты, что̀ бы ни совершалъ я, отвѣчала ли ты мнѣ на любовь или оскорбляла меня, отваживался ли я на великій подвигъ или на низкое преступленіе, эта любовь оставалась неизмѣнной. И что̀ ни ждетъ насъ въ будущемъ, жизнь или смерть, существованіе или небытіе, въ этомъ мірѣ и въ другихъ мірахъ, я буду любить тебя. Уѣду ли я на свой далекій итальянскій островъ, или направлю себѣ прямо въ сердце ассирійскій клинокъ, я буду любить тебя. Буду изнемогать отъ ненужной жизни, благословляя твое имя, и въ минуту смерти позову тебя, потому что, кромѣ любви къ тебѣ, нѣтъ, не было и не будетъ у меня божества!

Долго я слушала эти ласкательныя рѣчи, полузакрывъ глаза, убаюкиваясь нѣжными словами, какъ милой музыкой, но вдругъ сѣла на ложѣ и, смотря Модесту въ лицо, спросила:

— Модестъ, это ты убилъ моего мужа, Виктора?

Никогда не видѣла я, чтобы люди такъ блѣднѣли, какъ поблѣднѣлъ Модестъ при моемъ вопросѣ. При слабомъ свѣтѣ завуалированныхъ электрическихъ лампочекъ, изображавшихъ факелы, лицо Модеста показалось мнѣ бѣлѣе бѣлаго цвѣта. Его глаза остановились на мнѣ съ тѣмъ выраженіемъ ужаса, какое можно видѣть лишь на картинкахъ. Должно быть, съ полминуты длилось молчаніе, и въ этой комнатѣ, похожей на склепъ, стояла такая тишина, что трескъ пламени на треножникѣ производилъ впечатлѣніе страшнаго грохота.

Медленно Модестъ также сѣлъ рядомъ со мной и произнесъ тихо:

— Я.

И снова мы молчали сколько-то времени. Потомъ я опять спросила:

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— Я люблю тебя,—отвѣтилъ Модестъ.

— Неправда,—грубо возразила я,—ты все требовалъ, чтобы я вышла за тебя замужъ. Ты хотѣлъ тѣхъ денегъ, которыя достались мнѣ послѣ мужа!

Съ сильнымъ подъемомъ Модестъ отвѣтилъ мнѣ:

— Клянусь тебѣ всѣми святынями, которыя мы съ тобой признаемъ, клянусь Искусствомъ, клянусь Любовью, клянусь Смертью (эти большія буквы были въ его голосѣ),—это неправда! Я совершилъ свой поступокъ, чтобы обладать тобой безраздѣльно. Если ты знаешь мою душу, ты должна понять, что деньги сами по себѣ не могутъ быть для меня соблазномъ. Да, я—убилъ. Убилъ затѣмъ, чтобы въ своей любви пройти до послѣдняго предѣла. Убилъ затѣмъ, чтобы сознавать, что любви къ тебѣ я пожертвовалъ всѣмъ: своимъ именемъ, своей жизнью, своей совѣстью. Я хотѣлъ убѣдиться въ своей силѣ и узнать, достоинъ ли я обладать тобой. И вотъ я побѣжденъ, увидѣлъ, что я безсиленъ, какъ всѣ другіе, увидѣлъ, что тебя я не достоинъ, и ты отвергла меня,—и я покорно принимаю свой приговоръ. Теперь казни меня, — ты имѣешь на то право, но не оскорбляй подозрѣніями, которыхъ я не заслужилъ.

Модестъ, произнося эту рѣчь, былъ прекрасенъ. Съ обнаженной грудью и шеей онъ былъ похожъ на ассирійскаго героя. И вдругъ какое-то совершенно новое чувство выросло въ моей душѣ, сразу, въ одну минуту, какъ, говорятъ, вырастаетъ чудесное деревцо въ рукѣ факировъ. Вдругъ Модестъ предсталъ предо мной во весь свой ростъ, и я, наконецъ, поняла, какая таится въ немъ сила, схватила его за плечи, наклонила свое лицо къ его лицу и воскликнула съ послѣдней искренностью:

— Нѣтъ, Модестъ, нѣтъ! Не называй себя побѣжденнымъ! Все, что я говорила и писала тебѣ,—неправда. Я тебя люблю, и я буду твоей,—твоей женой, рабой, чѣмъ хочешь. И ты будешь жить, и мы будемъ счастливы!

Модестъ смотрѣлъ на меня, словно не понимая моихъ словъ, потомъ проговорилъ угрюмо:

— Итакъ ты меня прощаешь... Но знаешь ли ты, что я самъ не могу простить себѣ? Больше мнѣ ничего не должно таитъ отъ тебя, и я тебѣ сознаюсь: мнѣ страшно того, что я совершилъ. Я думалъ, что моя душа выдержитъ испытаніе, что она—иная, чѣмъ у другихъ. Что же! я мучусь, какъ самый обыкновенный преступникъ, чуть ли не угрызеніями совѣсти! Мнѣ бываетъ страшно оставаться одному ночью въ комнатѣ! Вотъ почему я говорю, что я побѣжденъ. И ты должна оставить меня, Талія, потому что я оказался недостоинъ тебя... Ты была права въ своемъ письмѣ...

Но во мнѣ уже было только одно чувство—безмѣрный, неодолимый восторгъ передъ этимъ человѣкомъ, который посмѣлъ совершить и совершилъ то, на что современный человѣкъ не смѣетъ отважиться. Въ ту минуту Модестъ мнѣ казался истиннымъ „Übermensch“, и я хотѣла лишь одного—спасти его. Я ему сказала:

— Полно, Модестъ! Твои страхи—временное разстройство нервовъ, которое ты сумѣешь одолѣть. Иди же до конца, если ты уже совершилъ рѣшительный шагъ. Теперь тебѣ говорить объ отступленіи, о бѣгствѣ—стыдно. Будь тѣмъ, какимъ я тебя хочу видѣть,—и въ награду я тебѣ отдаю себя, всю, вполнѣ, какъ ты этого всегда хотѣлъ.

Я не лгала, я именно такъ чувствовала въ тѣ минуты. Я ободряла Модеста, я напоминала ему его прежнія слова, я обращалась къ его уму и къ его гордости... Понемногу мрачное выраженіе сошло съ лица Модеста, онъ поддался моему вліянію, онъ вновь сталъ самимъ собой, сильнымъ, рѣшительнымъ...

И вотъ исчезли два любовника, которые за полчаса передъ тѣмъ были въ этой комнатѣ: на ихъ мѣстѣ оказались два сообщника. Мы бросили всѣ споры о любви и свободѣ въ любви, которые еще такъ недавно казались намъ важнѣе всего на свѣтѣ. Мы стали говорить дѣловымъ тономъ о томъ, что должно теперь дѣлать.

Я доказала Модесту, что онъ напрасно такъ полагается на свою безопасность. Слишкомъ много людей замѣшано въ это дѣло. Я ему напомнила о Глашѣ и разсказала о послѣдней моей встрѣчѣ съ Хмылевымъ. Разсказала, какимъ образомъ сама разгадала страшную тайну. Теперь одного неосторожнаго слова достаточно, чтобы поселить въ комъ не слѣдуетъ подозрѣніе...

Въ концѣ-концовъ мы порѣшили, что Модестъ долженъ не медля выѣхать за границу и жить тамъ подъ чужимъ именемъ. Я же должна дождаться своего утвержденія въ правахъ наслѣдства и тотчасъ обратить все свое состояніе въ наличныя деньги. Послѣ этого я присоединюсь къ Модесту, и на нѣсколько лѣтъ мы уѣдемъ куда-нибудь далеко, хотя бы въ Буеносъ-Айресъ...

Отъ Модеста я вышла рано: не надо подавать повода къ лишнимъ толкамъ. Вернувшись домой, я разорвала письмо, написанное Володѣ.

Боже мой! а что если эти строки попадутъ кому-нибудь на глаза? Что изъ того, что я храню свой дневникъ въ тайномъ ящикѣ. Есть руки, которыя проникаютъ всюду.

Эти страницы надо вырѣзать.

XVIII.

24 октября.

Послѣ того, какъ я записала здѣсь признаніе Модеста, я рѣшаюсь взять этотъ дневникъ въ руки, только заперевъ дверь комнаты. Но я *должна* сохранить для самой себя то, что пережила сегодня.

Утромъ я получила письмо отъ Володи. Онъ прощался со мной и писалъ, что не можетъ болѣе жить послѣ того, какъ я, его святыня, для него осквернена... Я тотчасъ поѣхала къ нему, но было уже поздно. Письмо онъ велѣлъ отнести мнѣ только утромъ, а самъ въ полночь выстрѣлилъ себѣ въ сердце. Его повезли въ больницу, но по дорогѣ, въ каретѣ „скорой помощи", онъ умеръ.

Смотрѣть тѣло Володи я не поѣхала: это было бы слишкомъ жестокое испытаніе для моихъ нервовъ.

Несмотря на то, обликъ Володи преслѣдуетъ меня, какъ кошмаръ. Вездѣ вижу его блѣдное лицо, какой онъ былъ, когда, распятый, преграждалъ мнѣ дорогу къ двери. Этотъ ликъ мерещится мнѣ и на подушкѣ, и на бѣлой стѣнѣ, и въ раскрытой книгѣ. Его губы скривлены, словно онъ хочетъ проклясть меня. Надо овладѣть собой, преодолѣть волненіе, иначе я помѣшаюсь...

Его послѣднія слова ко мнѣ были: „Если ты уйдешь, я убью себя". Но сколько разъ прежде онъ говорилъ мнѣ, что убьетъ себя. Я тоже уходила, не слушая его угрозъ, и онъ не стрѣлялъ въ себя изъ револьвера. Могу ли я, по совѣсти, принять его кровь на свою душу.

И все же, еслибы я не ушла, еслибы еще разъ успокоила его нѣжностью и лаской, еще разъ обманула его обѣщаніями и клятвами...

Что же! это только отсрочило бы событія...

А еслибы я совсѣмъ не становилась на пути его жизни, не смущала его наивной души, не вовлекала его въ міръ страстей, для бурь котораго оказался онъ слишкомъ слабымъ, слишкомъ хрупкимъ?

Господи! Развѣ я виновата, если люблю и если меня любятъ! Никогда я не требовала любви. Я искала лишь одного: чтобы тѣ, кто мнѣ нравится, пожелали провести со мной столько-то часовъ или дней, или недѣль. Если мнѣ отказывали, я покорялась, не добиваясь болѣе. Всѣмъ я предоставляла свободу любить меня или нѣтъ, быть мнѣ вѣрными или покидать меня. Почему же мнѣ не даютъ такой же свободы, требуютъ, чтобы я непремѣнно любила такого-то, любила именно такъ, какъ ему угодно, и столько вре-

мени, сколько ему угодно, т.-е. вѣчно. А если я отказываюсь, онъ убиваетъ себя, и мнѣ весь міръ кричитъ: ты—убійца!

Я хочу свободы въ любви, той свободы, о которой вы всѣ говорите и которой не даете никому. Я хочу любить или не любить, или разлюбить, по своей волѣ или пусть по своей прихоти, а не по вашей. Всѣмъ, всѣмъ я готова предоставить то же право, какое спрашиваю себѣ.

Мнѣ говорятъ, что я красива и что красота обязываетъ. Но я и не таю своей красоты, какъ скупецъ, какъ скряга. Любуйтесь мною, берите мою красоту! Кому я отказывала изъ тѣхъ, кто искренно добивался обладать мною? Но зачѣмъ же вы хотите сдѣлать меня своей собственностью и мою красоту присвоить себѣ? Когда же я вырываюсь изъ цѣпей, вы называете меня проституткой, и, какъ послѣдній доводъ, стрѣляете себѣ въ сердце!

Или я безнадежно глупа, или сошла съ ума, или это—величайшая несправедливость въ мірѣ, проходящая сквозь вѣка. Всѣ мужчины тянутъ руки къ женщинѣ и кричатъ ей: хочу тебя, но ты должна быть только моей и ничьей больше, иначе ты преступница. И каждый увѣренъ, что у него всѣ права на каждую женщину, а у той нѣтъ никакихъ правъ на самое себя!

Володя, любимый мой Володя, милый мальчикъ, сошедшій съ портрета Ванъ-Дика! Какъ мнѣ хорошо было съ тобой, въ черной гондолѣ, на каналѣ, гдѣ-нибудь около Джованни и Паоло, слушать венеціанскія серенады и смотрѣть въ твои скромные глаза подъ большими рѣсницами! Какъ мнѣ хорошо было съ тобой въ нашей комнатѣ, которую потомъ ты убралъ гравюрами съ Рембрандта, гдѣ ты проводилъ дни и недѣли, ожидая моего прихода! Какія у тебя были ласковыя губы, пахнущія, какъ земляника въ іюлѣ, какія нѣжныя плечи, какъ у дѣвочки, которыя хотѣлось искусать вь кровь, какъ умѣлъ ты лепетать слова наивныя и страстныя вмѣстѣ... Никогда больше я тебя не поцѣлую, не обниму, не увижу, мой мальчикъ!

Прости меня, Володя, хотя я и не виновата въ твоей смерти. Я отдавала тебѣ все, что могла, а можетъ быть, и больше. То, чего ты требовалъ, я отдать не могла.

Но не надо думать, не надо, а то я помѣшаюсь. Одолѣть волненіе, овладѣть собой, забыть этотъ обликъ распятаго у двери юноши! А, какъ тяжело мнѣ сегодня!

XIX.

Около года спустя.

Съ отвращеніемъ беру я въ руки эту тетрадь. Мысль, что чужіе пальцы перелистывали эти страницы, что чужіе глаза читали мои самыя интимныя признанія, дѣлаютъ ее для меня ненавистной. Но, просто и коротко, все же запишу я о послѣднихъ событіяхъ въ моей жизни, чтобы повѣсть, начатая здѣсь, не осталась безъ окончанія.

Черезъ день послѣ самоубійства Володи, Модеста арестовали. Арестовали на вокзалѣ, когда онъ уже готовъ былъ ѣхать въ Финляндію, а оттуда за границу. Оказалось, что его подозрѣвали уже давно, только старались собрать больше уликъ и потому до времени оставляли на свободѣ. Затѣмъ арестовали и меня, такъ что нѣсколько недѣль я провела въ самой настоящей тюрьмѣ, пока дядя не взялъ меня на поруки, подъ залогъ.

Мой дневникъ сначала попалъ въ руки полиціи, которая, производя у меня обыскъ, ухитрилась отыскать его въ потайномъ ящикѣ моего письменнаго стола. Однако дядѣ Платону, какъ моему довѣренному лицу, удалось добиться, что этотъ дневникъ былъ ему возвращенъ среди разныхъ „ничтожныхъ“ бумагъ, а не переданъ слѣдователю и не пріобщенъ къ числу „вещественныхъ доказательствъ“. Иначе были бы всѣ улики для обвиненія меня, если не въ соучастіи, то въ „недонесеніи“ на преступника, который былъ мнѣ извѣстенъ. Всего вѣроятнѣе, что присяжные меня оправдали бы, но мнѣ пришлось бы пережить всѣ униженія суда. Теперь же предварительное слѣдствіе выяснило мою „непричастность“ къ преступленію, и мнѣ не пришлось садиться на „скамью“ подсудимыхъ, подъ лорнеты моихъ прежнихъ подругъ...

Такъ, по крайней мѣрѣ, изъяснялъ мнѣ ходъ дѣла мой дядя Платонъ, который взялъ съ меня за хлопоты десять тысячъ. Эти

деньги, по его словамъ, пошли на „подмазку“ кого слѣдуетъ.. Я не очень-то довѣряю всему этому разсказу и скорѣе склонна думать, что мой дневникъ если былъ у кого въ рукахъ, то не у полицейскихъ, а только у самого дядюшки, и что десять тысячъ рублей цѣликомъ остались въ его карманахъ. Но, право, не таково было мое положеніе, чтобы торговаться или спорить, и я съ удовольствіемъ отдала бы впятеро больше, только бы избавиться отъ позора.

Противъ Модеста улики были подавляющія. Глаша разсказала все, и еще припомнила, что послѣ одного посѣщенія Модеста пропалъ ключъ отъ чернаго хода, такъ что пришлось сдѣлать новый. Среди предметовъ, найденныхъ въ комнатѣ мужа, послѣ убійства, оказалась пуговица съ рукава костюма Модеста: Викторъ, защищаясь схватилъ Модеста за рукавъ и оборвалъ ее. Выяснили опредѣленно, что въ ночь убійства Модестъ вернулся къ себѣ лишь подъ утро, и т. д.

Впрочемъ, Модестъ и не спорилъ съ очевидностью. Когда онъ увидѣлъ, что обстоятельства обличаютъ его, онъ сознался и разсказалъ подробно, какъ совѣршилъ свое преступленіе. При этомъ онъ со всей твердостью стоялъ на томъ, что мнѣ ничего не было, я извѣстно, ни до убійства, ни послѣ, что никогда, ни однимъ словомъ, не давалъ онъ мнѣ понять, что убійца—онъ. Говорятъ, что эта твердость оказала мнѣ большую услугу. Еслибы Модестъ обмолвился, что признавался мнѣ въ своемъ поступкѣ, не миновать бы мнѣ скамьи съ жандармами...

Газетные писаки хорошо поживились около этого скандальнаго дѣла. Сначала, когда я читала все, что писалось въ „прессѣ“ о Модестѣ, обо мнѣ и моемъ мужѣ, со мной дѣлались припадки ярости отъ сознанія своего безсилія передъ наглыми оскорбителями. Хотѣлось куда-то побѣжать, кому-то плюнуть въ лицо... Потомъ, — потомъ я перестала читать газеты и вдругъ поняла, что все написанное въ нихъ не имѣетъ ровно никакого значенія.

Мотивомъ своего преступленія Модестъ объявилъ ревность. По его словамъ, онъ былъ ослѣпленъ своей любовью ко мнѣ и не могъ

переносить мысли, что кто-то другой со мной близокъ. Модестъ разсказывалъ, что, проникнувъ ночью въ кабинетъ къ Виктору, онъ потребовалъ, чтобы Викторъ далъ мнѣ добровольно разводъ. Когда Викторъ отказался, Модестъ, въ раздраженіи, не помня себя, схватилъ лежавшую на этажеркѣ гирю и убилъ соперника... Конечно, этотъ разсказъ никому не могъ показаться правдоподобнымъ, потому что непонятнымъ оставалось, зачѣмъ Модесту понадобилось являться къ Виктору тайно, ночью, съ помощью украденнаго ключа... Модестъ объяснялъ это причудой своей художественной души, но никто не склоненъ считать позволительнымъ для человѣка нашихъ дней то, что насъ плѣняетъ въ Бенвенуто Челлини или Караваджо.

На судѣ Модестъ держалъ себя съ достоинствомъ. Такъ мнѣ разсказывали, такъ какъ сама я не присутствовала. Я была вызвана только какъ свидѣтельница, но передъ судомъ, отъ всего пережитаго, я заболѣла нервнымъ разстройствомъ, и найдено было возможнымъ слушать дѣло безъ меня. Защитникъ, по *требованію Модеста*, всю свою рѣчь основалъ на томъ, что обвиняемый былъ ослѣпленъ аффектомъ ревности. Это не могло разжалобить присяжныхъ. Модеста приговорили на десять лѣтъ въ каторжныя работы. Ужасно.

Что до меня, я убѣждена, что Модестъ — одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей нашего времени. Онъ прообразъ тѣхъ людей, которые будутъ жить въ будущихъ вѣкахъ и соединятъ въ себѣ утонченность поздней культуры съ силой воли и рѣшимостью первобытнаго человѣка. Я убѣждена также, что Модестъ — великій художникъ, и что, при другихъ условіяхъ жизни, его имя было бы вписано въ золотую книгу человѣчества и всѣми повторялось бы съ трепетомъ восхищенія. Но что до этого „среднему“ присяжному, сѣрому, международному вершителю человѣческихъ судебъ, безликому голосоподавателю, когда-то приговорившему Сократа къ чашѣ съ омегой и недавно Уайльда къ Рэдингской тюрьмѣ!

Въ своемъ „послѣднемъ словѣ“ Модестъ просилъ передать его картины въ одинъ изъ художественныхъ музеевъ. Врядъ ли его просьба будетъ уважена.

Я до конца процесса не могла уѣхать изъ Россіи: сначала была

связана подпиской о невыѣздѣ, а потомъ была больна. Модестъ передъ тѣмъ какъ его отправляли изъ Москвы, просилъ меня увидѣться съ нимъ. Я не рѣшилась отказать ему, хотя и считала, что это свиданіе должно быть излишней пыткой и для него и для меня.

Лицомъ Модестъ измѣнился мало, но арестанскій халатъ обезображивалъ его страшно. Я вспомнила его въ мантіи ассирійскаго жреца и зарыдала. Модестъ поцѣловалъ мнѣ руку и сказалъ только:

— Освобождаю тебя ото всѣхъ твоихъ клятвъ.

Не помню, что̀ я ему говорила: вѣроятно, какой-то незначащій вздоръ.

Черезъ нѣсколько дней я уѣзжаю на югъ Франціи. Я не въ силахъ жить въ Россіи, гдѣ мое имя стало синонимомъ всего постыднаго. Я не смѣю показаться въ общественномъ мѣстѣ, потому что на меня будутъ показывать пальцами. Я боюсь встрѣчать на улицѣ знакомыхъ, такъ какъ не знаю, захотятъ ли они поклониться мнѣ. Никто изъ моихъ бывшихъ подругъ не пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы выразить мнѣ свое сочувствіе. А теперь мнѣ были бы дороги даже ихъ утѣшенія!

Управленіе своими дѣлами я передаю дядѣ Платону и maman. Оба они весьма этимъ довольны и, конечно, поживятся около моихъ денегъ.

Лидочка ѣдетъ со мной. Ея преданность, ея ласковость, ея любовь—послѣдняя радость въ моемъ существованіи. О, я очень нуждаюсь въ нѣжномъ прикосновеніи женскихъ рукъ и женскихъ губъ.

7—9 іюля 1910 г. Бѣлкино.

ПУСТОЦВѢТЪ.

1.

Художникъ Рудаковъ работалъ. Съ лѣтняго этюда онъ писалъ картину разсвѣта. Рудакову хотѣлось уловить первый, еще зеленоватый лучъ сѣверной зари.

У двери раздался звонокъ. Рудаковъ недовольно вздрогнулъ. Онъ не держалъ прислуги (такъ ему казалось удобнѣе), но не любилъ, чтобы его тревожили во время работы. На входной двери даже была прибита записка, съ просьбой не безпокоить хозяина квартиры безъ крайней надобности.

Рудаковъ пошелъ отпирать. За порогомъ стояла незнакомая барышня. Она была одѣта просто, но не безъ элегантности.

— Чѣмъ могу служить?

— Вы Семенъ Рудаковъ?

— Это—я, что вамъ угодно?

— Видите, мы съ вами сосѣди. То есть, вѣрнѣе, мы живемъ vis-à-vis. Намъ съ сестрой видно изъ нашихъ оконъ, какъ вы работаете.

Рудаковъ вспомнилъ, что и онъ не разъ видѣлъ, въ окнѣ противоположнаго дома, двѣ женскихъ фигуры. По студенческой привычкѣ, онъ иногда даже „переглядывался“ съ незнакомками. Но, догадываясь, что у посѣтительницы не было къ нему никакого опредѣленнаго дѣла, онъ сказалъ, какъ можно болѣе сухо:

— Извините меня, пожалуйста... Виноватъ, я не знаю вашего имени и отчества.

— Меня зовутъ Ира.

— Ира, а дальше?

— Зачѣмъ вамъ дальше? Я думала, что вы, художники, свободны отъ предразсудковъ.

— Хорошо. Такъ, извините меня, пожалуйста, m-lle Ира, но дѣло въ томъ, что я очень занятъ. Я долженъ просить васъ, какъ можно короче сообщить мнѣ, чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ.

Ира перешагнула черезъ порогъ, вошла въ переднюю и тамъ отвѣтила:

— Я видѣла много вашихъ картинъ. Онѣ мнѣ очень нравятся. И, вообще, мнѣ нравится ваше творчество. Вы—смѣлый. Мнѣ хочется съ вами познакомиться.

Пока Рудаковъ собирался что-нибудь возразить, его гостья увѣреннымъ жестомъ, сбросила съ плечъ верхнюю кофточку, которую художнику оставалось только поймать на лету и повѣсить на вѣшалку. Послѣ того Ира, столь же увѣренно, пошла въ комнаты, говоря на ходу:

— Конечно, вы очень заняты, но познакомиться съ вами все же позволите?

Слѣдуя за Ирой, Рудаковъ отвѣчалъ ей уже со злостью:

— Я занятъ тѣмъ, что пишу. Для этого нужно особое расположеніе духа, вдохновеніе, какъ говорятъ. Оно приходитъ не часто, и я не имѣю права его нарушать для разговоровъ, какъ бы интересны они ни были. Позвольте просить васъ зайти другой разъ, и я буду весьма счастливъ познакомиться съ вами.

Ира, между тѣмъ, подошла къ мольберту и стала разсматривать начатую картину. Рудаковъ, съ сердцемъ, порывистымъ движеніемъ повернулъ ее къ стѣнѣ.

— Я не люблю, когда смотрятъ на мои неоконченныя вещи,— сказалъ онъ, оправдываясь.

Нисколько не обидившись, Ира спросила его:

— Развѣ вы пейзажистъ? А мнѣ нравились ваши портреты.

— Что это значитъ „пейзажистъ“? Я не понимаю. Я пишу то,

что мнѣ нравится. Если мнѣ нравится картина природы, пишу ее. Если человѣческое лицо, пишу портретъ.

— Я говорила, что вы—смѣлый!—воскликнула Ира.

Она сѣла на кушеткѣ, не дожидаясь приглашенія, и обводила глазами студію.

— У васъ тутъ хорошо,—сказала она,—вездѣ картины, гипсъ, мольберты, краски... Словно въ мастерской какого-нибудь художника Ренессанса. Вы, художники, за четыре столѣтія не измѣнились.

Рудаковъ не зналъ, что ему дѣлать: сердиться или обратить все въ шутку. Онъ предпочелъ второе и сказалъ:

— Мы не измѣнились, а наши поклонники измѣнились. Карлъ Пятый поднялъ кисть, которую уронилъ Тиціанъ, а вы упорно не хотите исполнить моей просьбы—прійти въ другой разъ и сегодня позволить мнѣ работать.

— Я сейчасъ уйду,—сказала Ира,—но вѣдь вы еще не знаете, зачѣмъ я приходила. Я хочу, чтобы вы написали мой портретъ.

„Часъ отъ часу не легче“, подумалъ Рудаковъ и отвѣтилъ громко:

— Когда я буду свободенъ, съ удовольствіемъ. Но въ настоящее время у меня столько работы, что я не могу браться за новую.

— Развѣ я—уже такой не интересный оригиналъ?—спросила Ира.—Посмотрите на меня хорошенько: я и красива и оригинальна. У меня особенный разрѣзъ глазъ и уши, какъ у женщинъ Мины да Фьезоле. Кромѣ того я хочу, чтобы вы написали меня раздѣтой.

— Раздѣтой?

— Да, голой, совсѣмъ раздѣтой. Увѣряю васъ, что у меня очень красивое тѣло.

Рудаковъ посмотрѣлъ на Иру глазами художника. Онъ убѣдился, что она хорошо сложена. Въ тѣлѣ, еще дѣвическомъ, были рѣзко выражены черты женщины. Станъ и бедра были безукоризненно правильны. Рудаковъ подумалъ, что дѣвушка, дѣйствительно, стоила того, чтобы написать ее.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—я согласенъ. Когда же вы будете мнѣ позировать?

— Когда хотите. Вы заняты, а я вполнѣ свободна. То есть я числюсь на курсахъ, но лекцій все равно не посѣщаю. Назначьте день, и я приду.

„Мое настроеніе пропало,—подумалъ Рудаковъ,—я не буду откладывать представившагося случая".

— Начнемте сегодня,—предложилъ онъ.

— Нѣтъ, только не сегодня.

— Почему же?

— Сегодня мнѣ не хочется. Развѣ это не достаточная причина?

— Какъ вамъ угодно. Тогда завтра, въ это же время.

— Хорошо, завтра я буду у васъ.

Рудаковъ проводилъ Иру въ переднюю и помогъ ей одѣться.

„Навѣрное, бѣлье на ней было не совсѣмъ чистое,—зло подумалъ онъ,—потому она и отказалась позировать сегодня."

Онъ попробовалъ продолжать начатую картину, но работа не спорилась.

2.

На другой день, въ назначенный часъ, Ира пришла.

Какъ старая знакомая, она осмотрѣла мастерскую Рудакова, перелистала его альбомы, перебрала фотографіи, лежавшія грудами на столахъ, поинтересовалась коллекціей японскихъ бездѣлушекъ, собранной Рудаковымъ еще въ тѣ годы, когда собирать „японщину" было не такъ demodé, какъ въ наши дни. Наконецъ, она спросила:

— Гдѣ же вы будете меня писать?

Рудаковъ предложилъ ей лечь на широкомъ диванѣ, покрытомъ барсовой шкурой, — подарокъ пріятеля-офицера, служившаго въ Средней Азіи.

Ира поморщилась:

— Женщина на шкурѣ, довольно банально!—сказала она.—Впрочемъ, пусть будетъ, какъ вамъ угодно. Сумѣйте найти новое въ старомъ.

Безо всякаго стѣсненія, не уходя за ширмы, а здѣсь же, передъ Рудаковымъ, Ира раздѣлась и легла, въ позѣ, указанной художникомъ.

У Рудакова было уже заготовлено полотно. Онъ тотчасъ принялся за работу, и скоро она увлекла его. У Иры, въ самомъ дѣлѣ, было интересное тѣло: правильно сформированное, молодое, крѣпкое. Съ четверть часа онъ писалъ, не отрываясь, и оба молчали.

Вдругъ Ира позвала его:

— Послушайте, Рудаковъ, вы не устали?

— Я нѣтъ. А вы хотите отдохнуть?

— Мнѣ просто скучно. Подите, посидите со мной.

Нехотя, Рудаковъ подошелъ къ кушеткѣ и сѣлъ рядомъ съ Ирой.

— Нравится вамъ мое тѣло?

— Да, формы тѣла у васъ красивыя.

— Какъ вы это безобразно говорите! Вы, очевидно, не читаете стиховъ. Иначе вы сумѣли бы выбрать болѣе красивыя слова.

— Правда, стиховъ я не читаю. Но вѣдь я не поэтъ, а художникъ.

— Стыдно такъ говорить! Художнику всѣ искусства должны быть равно близки и понятны.

— Должно быть, я не настоящій художникъ. Я просто ремесленникъ, мастеръ своего дѣла. И заниматься другими искусствами у меня нѣтъ времени.

Ира недовольно сжала губы.

— Я думала, что художники интереснѣе. Я думала, что они живутъ полной жизнью. Откуда же вы черпаете ваше вдохновеніе, если ваша душа пуста, какъ безводный колодецъ, куда братья посадили Іосифа?

— Къ сожалѣнію,—сказалъ Рудаковъ, котораго слова Иры нѣсколько раздражали,—я вовсе не идеальный художникъ. Мое дѣло—умѣть рисовать. Кажется, я это дѣлаю не безъ мастерства. А умѣть жить это уже дѣло другихъ.

Наступило молчаніе. Потомъ Ира спросила:

— Вамъ не хочется меня поцѣловать?

— Я на васъ смотрю, какъ художникъ,—возразилъ Рудаковъ,— и мнѣ хочется одного: вѣрно воспроизвести ваше тѣло на полотнѣ.

— Поцѣлуйте меня въ плечо,—попросила Ира.

— Зачѣмъ?

— Я такъ хочу.

Рудаковъ поцѣловалъ плечо Иры. Она подставила ему другое. Онъ поцѣловалъ и другое. Она стала оборачивать къ нему все свое тѣло, заставляя Рудакова цѣловать себя.

Незамѣтно для себя, Рудаковъ былъ увлеченъ близостью обнаженнаго женскаго тѣла. Сжавъ Иру въ объятіяхъ, Рудаковъ цѣловалъ ее уже со страстью. Но тогда Ира вырвалась изъ его рукъ и, громко хохоча, сказала ему:

— Я доказала вамъ, что вы не только художникъ. Ну, довольно, ступайте назадъ, къ вашему мольберту!

Сжавъ зубы, съ раздраженіемъ, Рудаковъ вернулся къ полотну. Онъ закурилъ папиросу, не спросивъ позволенія, и попробовалъ снова писать, но работа уже не удавалась ему. Побившись нѣкоторое время, онъ бросилъ уголь, которымъ набрасывалъ контуръ.

— Нѣтъ,— сказалъ онъ,—я сегодня не могу больше рисовать.

— Вотъ какъ, — произнесла протяжно Ира. — Я считала васъ сильнѣе. Потому только, что вы меня цѣловали, вы уже не можете работать?

— Совсѣмъ не потому,—возразилъ Рудаковъ,—а потому, что вы сердите меня своими дѣтскими выходками. Зачѣмъ вамъ были нужны мои поцѣлуи,—человѣка вамъ чужого, незнакомаго? Вы можете на меня обидѣться, но я вамъ скажу, что вы поступаете... не хорошо.

— Чѣмъ не хорошо, если мнѣ ваши поцѣлуи пріятны? Вы мнѣ нравитесь. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы въ меня влюбились.

— Для этого вы выбрали самый невѣрный путь.

— Ну, не сердитесь, мой милый художникъ. Я была виновата, что пошутила надъ вами. Садитесь опять рядомъ и цѣлуйте меня, сколько хотите.

— Но я нисколько не хочу васъ цѣловать.

Ира настаивала; Рудаковъ угрюмо отказывался. Ира сама подошла къ нему, и обѣими руками обняла его шею. Рудаковъ пытался высвободиться, но Ира, съ ласковымъ усиліемъ, увлекла его на кушетку и опять стала подставлять для его поцѣлуевъ свои руки, плечи, грудь.

Однако, едва Рудаковъ снова поддался вліянію женщины, Ира вторично вырвалась изъ его объятій и гнѣвно закричала ему:

— Это нечестно! Вы пользуетесь своей силой! Пустите меня, вы мнѣ стали противны!

Окончательно разстроенный, Рудаковъ сказалъ гнѣвно:

— Вотъ, что, Ира! Одѣвайтесь и уходите. Я не просилъ васъ приходить ко мнѣ и не просилъ у васъ позволенія цѣловать васъ. Ничего хорошаго изъ нашихъ сеансовъ не выйдетъ. Я беру свое слово назадъ и не буду васъ писать.

Ира посмотрѣла на него пристально. Рудаковъ отвернулся и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Когда онъ вернулся, Ира была уже одѣта.

— До свиданія, Рудаковъ!—сказала она.

— Прощайте, Ира!—отвѣтилъ онъ.

Ира ушла. „Чертъ съ ней“! подумалъ Рудаковъ.

3.

Однако, на другой день, въ тотъ же часъ, Ира пришла снова.

— Заключимте миръ, — сказала она. — Я обѣщаю вамъ лежать смирно и не смущать васъ. Я убѣдилась, что человѣкъ вы не интересный, такой же какъ всѣ. Но художникъ вы прекрасный, и мнѣ будетъ очень пріятно, если будетъ существовать мой портретъ, написанный вами.

Послѣ недолгаго спора, Рудаковъ согласился продолжать начатый портретъ.

Ира позировала молча до тѣхъ поръ, пока самъ Рудаковъ не усталъ и не попросилъ позволенія отдохнуть и выкурить папиросу.

Онъ сѣлъ около Иры на стулъ, а она заговорила:

— Теперь я могу вамъ сказать, Рудаковъ, то, что вчера утаила. Это уже прошло и объ этомъ теперь можно говорить. Дѣло въ томъ, что я была въ васъ влюблена

— Какой вздоръ вы говорите, Ира!—возразилъ Рудаковъ.

— Почему же это вздоръ?

— Какъ вы могли быть въ меня влюбленной, если вы меня не знали вовсе.

— Я знала ваши картины.

— Этого не достаточно.

— Я думала, что достаточно. Я думала, что въ картинахъ художника вся душа его. Теперь вижу, что я ошиблась. Въ своихъ картинахъ вы—смѣлый, свободный, а въ жизни вы—какъ всѣ: опутанный предразсудками, слабый.

— Допустимъ, что вы правы, что я слабъ и опутанъ предразсудками. Но вы-то откуда это узнали? Кажется, вчера эти качества проявили скорѣе вы, чѣмъ я.

— Вы намекаете на то, что я не позволила вамъ себя изнасиловать?

— Простите: такого намѣренія у меня не было. Но во всякомъ случаѣ прошу у васъ прощенія, если я васъ обидѣлъ. Примите во вниманіе, что я васъ совершенно не зналъ.

— То есть не знали, что я такое: дѣвушка или женщина, которой можно воспользоваться мимоходомъ? Такъ? Говорите прямо, Рудаковъ! Если вы не умѣете говорить красиво, говорите прямо! Это лучше, чѣмъ ваши салонныя фразы.

Рудаковъ закурилъ вторую папиросу. Манера говорить Иры раздражала его. Она держала себя съ нимъ, какъ старшая съ младшимъ, и онъ постарался принять покровительственный тонъ.

— Да, милая барышня,—сказалъ онъ,—я вамъ посовѣтую другой разъ быть осторожнѣе. Нельзя приглашать цѣловать себя, а потомъ объяснять, что вы пошутили. Можетъ встрѣтиться человѣкъ, который вашу шутку приметъ серьезно, и тогда выйдетъ плохо.

— Это, кажется, изъ „Евгенія Онѣгина“:

Не всякій васъ, какъ я, пойметъ,
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.

Но успокойтесь, я не такъ неопытна, какъ вы предполагаете.

— Очень жаль,—сухо сказалъ Рудаковъ и всталъ. — Позвольте вернуться къ работѣ.

Онъ опять началъ писать и работалъ съ увлеченіемъ около часа. Портретъ ему удавался. Только почувствовавъ крайнее утомленіе въ рукѣ и увидя, что Ира тоже устала лежать въ одной позѣ, Рудаковъ рѣшилъ прервать сеансъ.

— На сегодня довольно,—сказалъ онъ.—Благодарю васъ за то, что вы такъ хорошо позировали. Если вамъ можно, приходите еще завтра.

Ира медленно начала одѣваться. Но вдругъ она остановилась и воскликнула другимъ, нервнымъ голосомъ:

— Неужели, Рудаковъ, вы въ самомъ дѣлѣ не человѣкъ, а художникъ! Неужели вы не видите, что я вамъ солгала, что я васъ вовсе не разлюбила, а люблю! Я и портретъ только потому выдумала, что люблю васъ!

Рудаковъ нѣсколько растерялся. Онъ отвѣтилъ мягко:

— Я надѣюсь, что вы опять шутите, Ира. Еслибы вы говорили правду, намъ пришлось бы прекратить наши сеансы. Вѣдь я васъ не люблю и отвѣчать на ваше чувство не могу.

— Почему же вы меня не любите?

— Прежде всего потому, что я-то васъ уже совсѣмъ не знаю.

— Я вамъ разскажу свою біографію. Это очень несложно. Слушайте.

Рудаковъ пытался протестовать, но Ира, полуодѣтая, заставила его сѣсть и начала разсказывать:

— Я родилась въ Харьковѣ. Тамъ и живутъ мои родные. Здѣсь я съ старшей сестрой. Я кончила гимназію. То-есть не кончила, потому что должна была выйти изъ послѣдняго класса. Это было въ 906 году, и мы образовали „преступное сообщество съ цѣлью ниспроверженія существующаго правительства“. Насъ даже судили, не такъ давно. Но оправдали. За молодостью лѣтъ. Признали, что мы

дѣйствовали безъ надлежащаго разумѣнія. Впрочемъ, я это давно оставила: революціонныя идеи. Я убѣдилась въ истинности старинаго изреченія, что каждый народъ имѣетъ такое правительство, какого онъ достоинъ. Надо измѣнить не правительство, а народъ.

— Почему же вы объ этомъ не стараетесь?—вставилъ Рудаковъ.

— Объ этомъ я стараюсь.

— Чѣмъ же?

— Не могу же я измѣнить сразу всѣ полтораста милліоновъ россійскихъ гражданъ!—Ихъ, кажется, полтораста милліоновъ?—И, во-первыхъ, я измѣняю себя самое. А, во-вторыхъ, я измѣняю, или стараюсь измѣнить, напримѣръ, васъ. Вѣдь вы тоже часть народа? Но возвращаюсь къ разсказу. Выйдя изъ гимназіи, я увлеклась Арцыбашевымъ. Зачитывалась „Санинымъ". Участвовала въ нашей харьковской „лигѣ любви". Что вы такъ на меня смотрите? Съ вашей точки зрѣнія это чудовищно? А какъ вы себя вели въ тѣ же годы? Но, конечно, вы—мужчина, вамъ это позволено. Послѣ Арцыбашева я увлеклась Оскаромъ Уайльдомъ и читала нашихъ декадентовъ. Но это мнѣ скоро надоѣло. Теперь я на курсахъ, на естественномъ факультетѣ, но интересуюсь искусствомъ. Я тоже хочу начать учиться живописи.

Рудаковъ выслушалъ до конца біографію Иры и отвѣтилъ ей:

— Вотъ что я вамъ скажу, милая Ира. Мы съ вами другъ къ другу не подходимъ совершенно. Я съ дѣтства любилъ только одно: живопись. И до старости и смерти буду любить только одно: живопись. А вы въ жизни смѣните еще тысячу увлеченій. Быть вашимъ триста пятымъ увлеченіемъ я не хочу. Лучше попрощаемся мирно, хотя мнѣ и жалко, что вашъ портретъ останется неоконченнымъ.

Свою жизнь Ира разсказывала чуть-чуть шутливымъ тономъ, но послѣ словъ Рудакова она заговорила серьезно и даже страстно:

— Я не знаю, будутъ ли у меня еще тысячи увлеченій, но васъ я люблю по-настоящему. Я васъ давно знаю. Я слѣдила за вами на улицахъ. Я поджидала васъ у подъѣзда, чтобы только посмотрѣть на ваше лицо. Я посылала вамъ цвѣты: помните, вы получали цвѣты

отъ неизвѣстной? Я долго съ собой боролась. Я говорила себѣ, что я вамъ не нужна. Но вѣдь вы же единственный! Во всей Россіи, больше во всемъ мірѣ—нѣтъ подобнаго вамъ. Вы въ своихъ портретахъ открываете всю глубину души! Красками вы словно снимаете покровъ съ души и обнажаете ее. Вы — геній, вѣдь вы это знаете! Кто это понялъ, тотъ не можетъ васъ не любить. Не все ли вамъ равно, разлюблю я васъ или нѣтъ, если сейчасъ я васъ боготворю! Когда вы меня вчера цѣловали, мнѣ казалось я съума сойду отъ счастія. Я васъ оттолкнула только оттого, что такого счастія не было силъ вынести. Мнѣ хочется стать передъ вами на колѣни.

Ира, дѣйствительно, стала на колѣни передъ художникомъ, схватила его руку и стала цѣловать ее. Рудаковъ не зналъ, какъ ему поступить. Онъ бормоталъ несвязныя слова, а про себя думалъ: „сумасшедшая она или просто истеричка?“ Наконецъ, видя, что Ира плачетъ, онъ поднялъ ее, посадилъ на кушетку и попытался успокоить, говоря, что они познакомятся ближе, что, можетъ быть, онъ полюбитъ ее послѣ, и многое другое, что обычно говорятъ въ такихъ случаяхъ.

Переставъ плакать, Ира сама начала цѣловать его. Рудаковъ про себя далъ себѣ клятву—не сдѣлать ни одного лишняго движенія. Однако, когда Ира настойчиво стала добиваться ласкъ Рудакова, почувствовалъ, что его рѣшимость слабѣетъ. Ира, все еще не одѣтая, нѣжно обнимала его, прижималась къ нему всѣмъ тѣломъ, шептала ему ласковыя слова: „милый! мой свѣтлый! я тебя люблю!“

Въ концѣ концовъ Рудаковъ сказалъ себѣ: „Глупо разыгрывать изъ себя прекраснаго Іосифа. Если она того хочетъ...“ Онъ пересталъ сопротивляться ласкамъ и, напротивъ, самъ повлекъ къ себѣ Иру. Но тотчасъ она вся перемѣнилась и стала вырываться изъ его рукъ.

Позднѣе Рудаковъ со стыдомъ вспоминалъ, что онъ дошелъ почти до насилія. Онъ выпустилъ Иру изъ объятій лишь послѣ того, какъ она закричала ему бранныя слова: „Подлецъ! Негодяй! Низкій человѣкъ!“ и, отбиваясь отъ него, укусила его за палецъ. Руда-

ковъ оттолкнулъ Иру и отошелъ отъ нея. Онъ тяжело дышалъ и былъ блѣденъ.

— Этого я отъ васъ не ожидала,—сказала Ира.

— Перестаньте играть комедію,—крикнулъ въ отвѣтъ Рудаковъ, хотя и чувствовалъ, что говоритъ смѣшныя, условныя слова. — Будетъ вамъ притворяться невинностью! Послѣ „лиги любви", вамъ, конечно, нужны самыя утонченныя наслажденія. Но знаете, любая развратница, отдающаяся первому встрѣчному, поступаетъ честнѣе васъ.

Ира смѣрила его надменнымъ взглядомъ, поспѣшно одѣлась и, не говоря ни слова, пошла къ выходу.

— Надѣюсь, вы не вернетесь,—крикнулъ ей въ догонку Рудаковъ, которому хотѣлось сказать что-нибудь особенно обидное.

4.

Три дня Ира не появлялась у Рудакова. Въ окнахъ противоположнаго дома, гдѣ Ира жила, постоянно были спущены шторы. Рудаковъ сталъ успокаиваться. Онъ считалъ, что происшествіе вполнѣ закончено. „Инцидентъ исчерпанъ", говорилъ онъ себѣ, привыкнувъ къ газетному языку.

На четвертый день, однако, Ира опять пришла къ Рудакову. Онъ изумился, когда, отперевъ дверь, увидалъ ея стройную фигуру на порогѣ. Давъ ей войти, онъ спросилъ холодно:

— Что же вамъ отъ меня угодно, послѣ всего бывшаго между нами? Предупреждаю васъ: я больше ни на какія заискиванія не поддамся. Вы можете говорить что хотите, я вамъ не повѣрю. И писать съ васъ портретъ я не желаю. Можетъ быть, вы пришли просить прощенія?

Ира медленно прошла въ ту комнату, гдѣ Рудаковъ обычно работалъ, здѣсь сняла съ себя верхнюю кофточку и шляпку, тихо опустилась на кушетку и, наконецъ, не глядя на Рудакова, произнесла:

— Я пришла, чтобы отдаться вамъ. Вы безъ этого любви не понимаете. А я васъ люблю и хочу, чтобы вы меня любили.

— Вы съ ума сошли, Ира,—воскликнулъ Рудаковъ.—Откуда вы взяли, что я хочу обладать вами? Я могъ поддаться минутному порыву, но вы сами вызвали его. Теперь же, въ полномъ обладаніи собой, я прямо вамъ говорю, что не люблю васъ. Мало того, вы мнѣ вовсе не нравитесь. Вы—красивы, но у меня нѣтъ претензіи обладать всѣми красивыми женщинами въ мірѣ. И единственное, о чемъ я васъ прошу, это—оставьте меня въ покоѣ.

Ира начала тихо плакать.

— Я васъ такъ люблю!—прошептала она.

— Перестаньте плакать, это къ вамъ не идетъ,—возразилъ Рудаковъ, съ жестокостью. — А что до того, будто вы меня любите, то я этому не вѣрю. Просто я—прихоть вашей изломанной и искалѣченной души. Все ваше поколѣніе, увлекавшееся то революціей, то Пинкертономъ, то Санинымъ, утратило способность чувствовать здраво и просто. Вы всѣ неврастеники, истерики, психопаты. Малѣйшее чувство вы раздуваете до размѣровъ пожара, но этотъ пожаръ такъ же быстро гаснетъ, какъ загорается. Вы уже утомлены, раньше чѣмъ начинаете что-либо дѣлать. И теперь ваша любовь и ваши слезы это—только минутный призракъ, который завтра же развѣется, какъ туманъ.

— Я васъ такъ люблю!—повторила Ира.

— Хорошо,—сказалъ Рудаковъ,—любите меня, я не отказываю вамъ въ своемъ знакомствѣ. Мы будемъ встрѣчаться, будемъ иногда проводить вмѣстѣ вечера. Можетъ быть, изъ этого, со временемъ возникнетъ настоящая близость.

Ира продолжала плакать и, сквозь слезы, просила:

— Милый, дорогой, возьмите меня. Вы — мужчина, вы на это смотрите легко. Вѣдь проводите же вы ночи съ проститутками. Я—красива, я не заражу васъ никакой болѣзнью. Почему вы не хотите обладать мной?

Рудакова покоробило отъ словъ Иры. „А еще меня упрекала, что я не умѣю говорить красиво!“ подумалъ онъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, Рудаковъ подошелъ къ Ирѣ и сталъ говорить серьезно, внушительно:

— Поймите меня. Я не хочу пользоваться вашей неуравновѣшенностью. Черезъ недѣлю вы сами пожалѣете о томъ, что говорите сегодня. Я предлагаю вамъ пока дружбу. Если черезъ мѣсяцъ вы повторите мнѣ тѣ же слова, можетъ быть, я соглашусь на все. Но сейчасъ вы не владѣете собой. Сейчасъ вы не имѣете права принимать рѣшенія.

— Но вѣдь, когда я была у васъ послѣдній разъ, вы сами хотѣли меня изнасиловать.

Рудаковъ покраснѣлъ, какъ мальчикъ.

— Ира,—сказалъ онъ,—я уже объяснилъ вамъ, что дѣйствовалъ тогда не сознательно. Нельзя же раздражать человѣка въ теченіе получаса и потомъ требовать отъ него благоразумія. И святой Антоній не могъ преодолѣть всѣхъ искушеній. А вы нарочно соблазняли меня, какъ дьяволъ во образѣ женщины.

— Я соблазняла васъ?—воскликнула Ира.—Да я только одного и желала: вашихъ ласкъ! А если я оттолкнула васъ, то это потому, что у меня не достало смѣлости. Вы не вѣрьте тому, что я вамъ говорила о „лигѣ любви“. Я клеветала на себя. Мнѣ казалось, что тогда вы скорѣе согласитесь овладѣть мною. Клянусь вамъ, что я—дѣвушка, и ни одинъ мужчина не обладалъ мною.

— Тѣмъ болѣе, —отвѣтилъ Рудаковъ, — вы не должны дѣлать такой шагъ необдуманно. Вы еще встрѣтите человѣка, котораго полюбите не такъ, какъ меня, а по настоящему, и который васъ полюбитъ. Берегите себя для него.

— Я никого не полюблю, послѣ васъ,—возразила Ира.—Послѣ васъ нельзя любить другого. Вы—великій, а всѣ другіе—маленькіе. Вы—геній, а остальные люди—просто мужчины.

— Неужели вы не чувствуете,—раздраженно сказалъ Рудаковъ, —что ваши слова звучатъ комично? Какой же я міровой геній? Это можно сказать лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать меня смѣшнымъ.

— Не знаю,—возразила Ира,—можетъ быть, я ошибаюсь. Но я васъ люблю. Развѣ удивительно, что тотъ, кого любишь, кажется выше всѣхъ въ мірѣ. Мнѣ кажется, что выше васъ никого нѣтъ и не будетъ. И еще мнѣ кажется, что прекраснѣе васъ никого нѣтъ

и не будетъ. Я хочу принадлежать вамъ и никому больше. Я хочу чтобы вы меня ласкали, и не когда-нибудь, а сегодня, сейчасъ!

Она опять стала на колѣни передъ Рудаковымъ, опять цѣловала его руки. Онъ отступалъ передъ ней, а она ползла за нимъ по полу, цѣпляясь за его ноги. Онъ ее отталкивалъ, а она въ слезахъ, припадала къ нему.

Опять началась упорная борьба между ними, но на этотъ разъ Рудаковъ не позволилъ себѣ поддаться минутной страсти. Онъ настойчиво отрывалъ отъ себя руки Иры и не отвѣчалъ на ея поцѣлуи. Когда она начала рыдать, онъ принесъ ей воды, но не сѣлъ рядомъ съ ней.

Оправившись немного, Ира спросила грустно:

— Значитъ, ты меня не любишь? Это окончательно?

— Я васъ совсѣмъ не знаю. Я вамъ предлагаю встрѣчаться. Кто знаетъ, что будетъ послѣ.

— У васъ черствая душа педанта, — воскликнула Ира, — а не душа художника! Вы способны разсуждать въ такую минуту, когда должно чувствовать! Пусть я раскаялась бы послѣ въ этомъ порывѣ, пусть раскаялись бы вы, но мы пережили бы прекрасную минуту! Зачѣмъ вы разбили ее? Мы увидѣли бы солнце! „Что послѣ, не все ли равно?“

— Вы ошибаетесь, Ира. Чудной минуты мы не пережили бы. Чудныя минуты существуютъ для тѣхъ, кто любитъ другъ друга, а въ моей душѣ нѣтъ любви къ вамъ, я хочу сказать, еще нѣтъ.

— Вы дали бы эту минуту мнѣ!

— Тоже нѣтъ, потому что вы почувствовали бы съ моей стороны притворство...

Ира встала.

— Прощайте,—сказала она.—Я ухожу и никогда болѣе не вернусь къ вамъ.

— Это ваша воля.

Ира ушла.

5.

Рудаковъ, противъ воли, не могъ не думать о Ирѣ. Временами онъ жалѣлъ, что оттолкнулъ ее. „Кто знаетъ,—думалъ онъ,—можетъ быть, она дѣйствительно, полюбила меня". Были даже минуты, когда онъ думалъ, что поступилъ не хорошо, отказавъ дѣвушкѣ въ ея просьбѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ послѣдней встрѣчи Рудаковъ получилъ письмо отъ Иры. Она писала, что дѣлала попытки забыть его, но что это оказалось свыше ея силъ, и просила его пріѣхать за городъ въ опредѣленное мѣсто. Рудаковъ поѣхалъ.

Ира ждала его, блѣдная, похудѣвшая. Мѣстность была пустынная, дачный сезонъ еще не начался и въ паркѣ никого не было. Они гуляли по безлюднымъ тропинкамъ, среди свѣжей, весенней зелени. Разговоръ шелъ вяло. О своихъ чувствахъ оба долго не заговаривали.

Всматриваясь въ Иру, Рудаковъ находилъ ее все болѣе и болѣе привлекательной. Ему нравились ея глаза, со страннымъ вырѣзомъ, ея уши, такія, какъ у мраморовъ Мины да Фьезоле, ея луиневская улыбка. „Ее, дѣйствительно, можно любить", подумалъ Рудаковъ.

Ему стало жалко, что онъ отвергъ любовь дѣвушки, и на одномъ поворотѣ аллеи, въ тѣни старыхъ сосенъ, онъ попытался обнять ее и поцѣловать.

— Оставьте меня,—гнѣвно сказала Ира, отталкивая руки Рудакова.—Я не хочу вашихъ поцѣлуевъ.

— Ира!—возразилъ Рудаковъ.—Я вамъ говорилъ, что, узнавъ васъ ближе, я, можетъ быть, полюблю васъ. Теперь мнѣ это кажется еще возможнѣе.

— А мнѣ теперь кажется невозможнымъ, чтобы я васъ любила —отвѣтила Ира.—Вы мнѣ не нравитесь болѣе.

— Ира! Не будемъ разыгрывать въ лицахъ басню о журавлѣ, и цаплѣ!

— Вы мнѣ противны! Понимаете вы это?

— Зачѣмъ же вы меня позвали сюда?

— Чтобы сказать вамъ это.

— Быстро мѣняются у васъ чувства.

— Потому что я чувствую, а вы разсуждаете.

— Нѣтъ, потому что ваши чувства—пустоцвѣтъ. Душа у васъ безплодная. Въ ней расцвѣтаютъ пышные цвѣты, но они—на одинъ день. Потомъ опадаютъ, и отъ нихъ ничего не остается.

Они еще съ полчаса бродили по пустымъ аллеямъ, обмѣниваясь время отъ времени злыми словами. Наконецъ, Ира сказала:

— Поѣдемте въ городъ.

Когда они уже подходили къ станціи желѣзной дороги, Ира внезапно остановилась.

— Знаете,—сказала она,—зачѣмъ, на самомъ дѣлѣ, я позвала васъ сюда? Я хотѣла убить васъ. Вотъ посмотрите!

Она показала ему револьверъ, который былъ спрятанъ въ ея сумочкѣ.

— Почему же вы меня не убили?

— Убѣдилась, что вы и этого не стоите!

— Нѣтъ, просто у васъ не достало духу даже на это. Вы способны говорить громкія слова, способны горѣть на минуту титаническими чувствами, но что-нибудь сдѣлать,—нѣтъ, это свыше вашихъ силъ!

Ира ничего не отвѣтила. „Почувствовала, что я—правъ", подумалъ Рудаковъ.

Въ городѣ они тотчасъ разстались.

Опять прошло нѣсколько дней, и опять Рудаковъ получилъ письмо отъ Иры.

„Я ошибалась,—писала она,—думая, что разлюбила васъ. Нѣтъ, эта проклятая любовь вошла въ мою душу, какъ смертная отрава. Я знаю теперь, что она останется тамъ на всю жизнь. Безъ васъ я жить не могу. Это глупо, это смѣшно, но это такъ. Я буду вашей женой, вашей любовницей, вашей игрушкой, вашей забавой на день или на часъ, чѣмъ хотите. Напишите мнѣ, и я приду. Вы говорили мнѣ, при послѣдней встрѣчѣ, что начинаете любить меня. Возьмите же меня, я буду вашей, пока вамъ это будетъ угодно"

Рудаковъ долго колебался, одно время совсѣмъ рѣшилъ не отвѣчать на письмо, но, въ концѣ концовъ, написалъ:

„Придите, когда хотите. Иногда вы мнѣ нравитесь. Иногда я почти люблю васъ. Иногда вы мнѣ чужды вполнѣ. Что будетъ, узнаемъ. Жду васъ".

Ира не пришла, а черезъ день Рудаковъ узналъ, что она застрѣлилась.

Первую минуту это извѣстіе поразило Рудакова. Ему казалось, что онъ виноватъ въ смерти Иры. Цѣлый день онъ былъ такъ взволнованъ, что ни о чемъ другомъ не могъ думать. Образъ Иры стоялъ передъ нимъ.

Однако, подумавъ хорошенько, онъ скоро успокоился. „Это поколѣніе самоубійцъ,—сказалъ онъ себѣ.—Я здѣсь ни при чемъ. Не будь меня, она влюбилась бы въ другого сосѣда. Не будь любви, она застрѣлилась бы отъ того, что въ жизни нѣтъ смысла. Или изъ любопытства, чтобы узнать, правы ли спириты. Люди безъ стержня, растенія безъ корней, пустоцвѣтъ, который не можетъ принести плода."

1912.

ЗА СЕБЯ ИЛИ ЗА ДРУГУЮ?

I.

— Она! Нѣтъ, конечно, она!—сказалъ самъ себѣ Петръ Андреевичъ Басмановъ, когда дама, обратившая на себя его вниманіе, пятый или шестой разъ прошла мимо его столика.

Онъ не сомнѣвался болѣе, что это Елизавета. Конечно, они не видались уже почти двѣнадцать лѣтъ, и за этотъ срокъ лицо женщины не могло не измѣниться. Черты, прежде тонкія и острыя, нѣсколько располнѣли, взглядъ, прежде по-дѣтски довѣрчивый, сталъ холоднымъ и строгимъ, въ выраженіи всего лица появилась самоувѣренность, которой не было раньше. Но развѣ это не тѣ же самые глаза, которые Басмановъ любилъ сравнивать съ огнями св. Эльма, не тотъ же овалъ, который успокаивалъ волненія одной чистотой своихъ очертаній, не тѣ же маленькія уши, которыя такъ сладко было цѣловать! Это—Елизавета, потому что не можетъ быть двухъ женщинъ тождественныхъ, какъ тождественны два отраженія въ двухъ смежныхъ зеркалахъ!

Быстро окинулъ Басмановъ умственнымъ взоромъ исторію своей любви къ Елизаветѣ. Ахъ, онъ не въ первый разъ дѣлалъ этотъ обзоръ, потому что изъ всѣхъ его воспоминаній не было болѣе дорогого, болѣе священнаго, чѣмъ эта любовь. Молодой, вступающій въ жизнь адвокатъ, онъ встрѣтилъ женщину нѣсколько старше себя, которая полюбила его со всѣмъ ослѣпленіемъ страсти, безумной, яростной, изступленной. Въ эту любовь Елизавета вложила всю свою душу, и ей стало ненужнымъ все въ мірѣ, кромѣ одного: обладать

своимъ возлюбленнымъ, предаваться ему, поклоняться ему. Елизавета готова была пожертвовать всѣми условностями ихъ „свѣта“, умоляла Басманова позволить ей бросить мужа и прійти къ нему; въ обществѣ не только не стыдилась своей связи, которая, конечно, была замѣчена, но какъ бы гордилась ею. Никогда послѣ не встрѣчалъ Басмановъ любви столь самозабвенной, столь готовой на жертвы, и онъ не могъ сомнѣваться, что еслибы, въ свое время, потребовалъ отъ Елизаветы, чтобы она умерла, она исполнила бы приказаніе съ тихимъ, покорнымъ восторгомъ.

Какъ же онъ, Басмановъ, воспользовался этой, одинъ разъ посылаемой намъ въ жизни, любовью? Онъ испугался ея, испугался ея громадности и ея силы. Онъ понялъ, что тамъ, гдѣ приносятся безмѣрныя жертвы, невольно ставятся и смѣлыя требованія. Онъ побоялся взять эту любовь, потому что взамѣнъ надо было что-то дать, а онъ чувствовалъ себя духовно нищимъ. И еще онъ побоялся взять эту любовь, чтобы не затруднить своей карьеры, которая тогда начиналась не неудачно... Какъ воръ, Басмановъ укралъ полгода любви, которая не принадлежала бы ему, еслибы онъ сразу показалъ истинный свой обликъ, и потомъ воспользовался первымъ вздорнымъ предлогомъ, чтобы „порвать связь“.

Ахъ, и теперь ему стыдно вспоминать послѣднія свиданія передъ разлукой. Елизавета, ослѣпленная своей любовью, ничего не понимала, не видѣла того, что ея возлюбленный слишкомъ низокъ, чтобы передъ нимъ унижаться, и на колѣняхъ умоляла его не покидать ея. Онъ помнитъ, какъ, рыдая, она обнимала его ноги, волочилась за нимъ по полу, билась, въ отчаяньи, головой объ стѣны. Ему стало потомъ извѣстно, что, брошенная имъ, Елизавета едва не помѣшалась отъ горя, что одно время она хотѣла пойти въ монастырь, что позже она овдовѣла и уѣхала за границу. Здѣсь Басмановъ потерялъ слѣды Елизаветы.

Неужели же онъ встрѣтилъ ее теперь вновь, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ ихъ разрыва, здѣсь, въ Интерлакенѣ, спокойную, строгую, все еще прекрасную, и для него неизъяснимо очаровательную, по мучительно-сладостнымъ воспоминаніямъ прошлаго? Басмановъ,

сидя за столикомъ кафе, смотрѣлъ, какъ мимо него медленно проходила высокая дама, въ большой парижской шляпѣ, и все существо его томительно горѣло образами и ощущеніями прошлаго, всплывавшими и въ памяти ума, и въ памяти тѣла. Она, она, Елизавета, которой онъ не далъ любить себя съ той полнотой, какъ она того ждала, и которую самъ онъ не посмѣлъ любить съ той полнотой, съ какой могъ бы и желалъ бы! Она, лучшая часть его, уже почти прожитой жизни, ожившая, живая, она, — воплощенная возможность воскресить то, что было, дополнить его, исправить его.

У Басманова, несмотря на все его самообладаніе, закружилась голова. Онъ расплатился за мороженое, всталъ, и пошелъ по той же аллеѣ, по которой гуляла высокая дама.

II.

Когда Басмановъ и высокая дама повстрѣчались, онъ, почтительно снявъ шляпу, поклонился ей. Дама посмотрѣла на него такъ, какъ смотрятъ на незнакомыхъ. Басмановъ спросилъ ее по-русски:

— Неужели вы не узнаете меня, Елизавета Васильевна?

Послѣ нѣкотораго колебанія, дама отвѣчала, также по-русски, хотя и съ небольшимъ акцентомъ:

— Простите, но вы, вѣроятно, ошиблись: мы съ вами не знакомы.

— Елизавета Васильевна! — воскликнулъ Басмановъ, раненый больно такимъ отвѣтомъ.—Неужели вы можете меня не узнать! Я— Петръ Андреевичъ Басмановъ.

— Я это имя слышу въ первый разъ,—сказала дама,—и васъ совершенно не знаю.

Нѣсколько мгновеній Басмановъ смотрѣлъ на говорившую съ нимъ даму, задавая себѣ вопросъ, точно, не ошибся ли онъ. Но сходство было до такой степени несомнѣнно, онъ такъ опредѣленно узналъ Елизавету, что, загораживая дорогу этой дамѣ въ большой парижской шляпѣ, онъ съ настойчивостью повторилъ ей:

— Я васъ узналъ, Елизавета Васильевна! Я понимаю, что у васъ

могутъ быть причины къ тому, чтобы скрывать свое настоящее имя. Я понимаю, что вы можете не желать встрѣчи съ прежними знакомыми. Но поймите и вы, что мнѣ необходимо сказать вамъ нѣсколько словъ! Послѣ того, какъ мы разстались, я пережилъ слишкомъ многое! Я долженъ оправдаться передъ вами! Я не хочу, чтобы вы презирали меня!

Басмановъ самъ не вполнѣ сознавалъ, что̀ онъ говоритъ. Онъ хотѣлъ лишь одного, чтобы Елизавета призналась, что это она. Онъ боялся, что она уйдетъ, и не вернется, и исчезнетъ уже навсегда, и эта встрѣча окажется видѣніемъ сна.

Дама тихо обошла Басманова и бросила ему нѣсколько словъ по-французски:

— Monsieur, laissez-moi passer s'il vous plait! Je ne vous connais pas.

Дама не обнаружила никакого волненія и нисколько не измѣнилась въ лицѣ отъ словъ Басманова. Но онъ все-таки не хотѣлъ оставить ее въ покоѣ, а послѣдовалъ за ней, говоря:

— Елизавета! Прокляни меня, назови меня послѣднимъ негодяемъ, скажи мнѣ, что ты не хочешь болѣе меня знать, — я все приму съ покорностью, какъ должное. Но не дѣлай вида, что ты не знаешь меня, этого я не въ силахъ стерпѣть! Такъ оскорблять меня ты не смѣешь, не должна!

— Увѣряю васъ,—проговорила дама уже болѣе строгимъ голосомъ, — что вы меня принимаете за другую. Вы меня называете Елизаветой Васильевной, но меня зовутъ иначе. Я—Екатерина Владиміровна Садикова, дѣвичья моя фамилія—Армандъ. Достаточно ли съ васъ этихъ свѣдѣній и не дадите ли вы мнѣ теперь возможность гулять такъ, какъ я хочу?

— Но почему же, — воскликнулъ, дѣлая послѣднюю попытку, Басмановъ, — почему же вы такъ долго сносите мои приставанія? Если я вамъ человѣкъ совершенно постороній, почему вы не прикажете мнѣ немедленно замолчать и не позовете себѣ на помощь полицейскаго? Развѣ обращаются такъ мягко, какъ вы, съ уличными нахалами?

— Я очень хорошо вижу,—отвѣтила дама,—что вы не уличный нахалъ и что ничего лишняго вы себѣ не позволите. Вы просто ошиблись, введены въ заблужденіе моимъ сходствомъ съ какой-нибудь вашей знакомой. Это не преступленіе и мнѣ незачѣмъ звать полицію. Но теперь все разъяснилось, прощайте.

Басмановъ не рѣшился настаивать далѣе. Онъ остановился, и дама медленно прошла мимо. Но весь этотъ разговоръ, тонъ голоса незнакомой дамы, ея походка, все—только подтверждало Басманову, что это—Елизавета.

Потрясенный, взволнованный, пошелъ онъ къ себѣ въ отель. За луговиной, какъ исполинскій призракъ, сіяли вѣчные снѣга Юнгфрау. Она казалось близкой, но была безмѣрно далеко отсюда. Не то же ли Елизавета, которая казалась воскресшей, и вотъ снова ушла въ невѣдомую даль.

Не стоило большого труда Басманову узнать, гдѣ живетъ встрѣченная имъ дама. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ написалъ ей письмо. Онъ писалъ въ немъ, что не хочетъ спорить съ очевидностью; что онъ явно ошибся, принявъ незнакомую даму за старую знакомую; но что эта краткая встрѣча его поразила глубоко, и онъ проситъ позволенія раскланиваться на прогулкахъ, въ память случайнаго знакомства. Письмо было написано въ выраженіяхъ крайне осторожныхъ и почтительныхъ. Когда на другой день Басмановъ встрѣтился на Höheweg съ дамой, которая назвала себя Садиковой, она первая поклонилась ему и первая заговорила съ нимъ. Такъ началось ихъ знакомство.

III.

Садикова ничѣмъ не выдавала, что была знакома съ Басмановымъ раньше. Напротивъ, она держала себя съ нимъ, какъ съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ. Они говорили о безразличныхъ новостяхъ, преимущественно курортной жизни. Разговоръ Садиковой былъ интересенъ, остроуменъ, она обнаружила большую начи-

танность. Но когда Басмановъ пытался перейти къ вопросамъ болѣе острымъ, болѣе жгучимъ, его собесѣдница легко и умѣло уклонялась отъ нихъ.

Все убѣждало Басманова, что передъ нимъ Елизавета. Онъ узналъ ея голосъ, ея любимые обороты фразъ, узналъ то неуловимое нѣчто, что образуетъ индивидуальность человѣка, но что трудно опредѣлить словами. Басмановъ могъ бы покляться, что онъ правъ.

Правда, были и маленькія отличія, но развѣ нельзя было объяснить ихъ промежуткомъ времени въ двѣнадцать лѣтъ? Естественно, что испытанія жизни изъ пламенной страстности Елизаветы выковали стальную холодность. Естественно, что, живя много лѣтъ за границей, Елизавета нѣсколько разучилась родному языку и говоритъ съ акцентомъ. Естественно, наконецъ, что въ манерѣ держать себя, въ жестахъ, въ смѣхѣ появились новыя черты, которыхъ не было прежде...

Впрочемъ, иногда Басманова охватывало сомнѣніе, и тогда онъ начиналъ мысленно замѣчать сотни маленькихъ особенностей, отличающихъ Екатерину отъ Елизаветы. Но достаточно ему было вновь взглянуть въ лицо Садиковой, услышать ея рѣчь, чтобы всѣ сомнѣнія разсѣивались, какъ туманъ. Онъ ощущалъ, онъ чуялъ душой, что это та, которую онъ любилъ когда-то!

Разумѣется, Басмановъ дѣлалъ все, что только могъ, чтобы распутать эту тайну. Онъ пытался сбивать Садикову нечаянными вопросами: она всегда была настороже и безъ труда ускользала изо всѣхъ ловушекъ. Онъ пытался разспрашивать о Садиковой окружающихъ: никто объ ней ничего не зналъ. Онъ дошелъ до того, что перехватилъ одно письмо къ Садиковой: оно оказалось изъ Парижа и все состояло изъ безличныхъ французскихъ фразъ.

Однажды, вечеромъ, когда Басмановъ былъ съ Садиковой въ ресторанѣ на Гардерѣ, онъ не выдержалъ постояннаго напряженія, и вдругъ воскликнулъ:

— Зачѣмъ мы играемъ въ эту мучительную игру! Ты — Елизавета, я это знаю. Ты не могла забыть, какъ ты меня любила. И, конечно, ты не могла забыть, какъ подло я тебя бросилъ. Теперь

я приношу тебѣ все раскаянье моей души. Я презираю себя за свой прежній поступокъ. Я предлагаю тебѣ: возьми меня на всю жизнь, если можешь простить меня. Но я говорю это Елизаветѣ, я ей отдаю себя, а не другой женщинѣ!

Садикова молча выслушала этотъ маленькій монологъ, выходящій за рамки свѣтскаго разговора, и отвѣтила спокойно:

— Милый Петръ Андреевичъ! Еслибы вы обратились ко мнѣ, я, можетъ быть, что-нибудь и отвѣтила бы вамъ на ваши слова. Но такъ какъ вы предупредили, что говорите къ Елизаветѣ, мнѣ остается промолчать.

Въ величайшемъ волненіи, Басмановъ всталъ и спросилъ:

— Вы хотите утверждать, что вы не Елизавета Васильевна Свиблова? Повторите это мнѣ рѣшительно, и я уѣду, немедленно скроюсь съ вашихъ глазъ, исчезну изъ жизни. Тогда мнѣ больше незачѣмъ жить.

Садикова мило засмѣялась и сказала:

— Вамъ такъ хочется, чтобы я была Елизаветой. Ну, хорошо, я буду Елизаветой.

IV.

Началась вторая игра, быть можетъ, еще болѣе жестокая, чѣмъ первая. Садикова называла себя Елизаветой и держала себя съ Басмановымъ, какъ со старымъ знакомымъ. Когда онъ говорилъ о прошломъ, она дѣлала видъ, что вспоминаетъ лица и событія. Когда онъ, весь дрожа, напоминалъ ей о любви къ нему, она, смѣясь, соглашалась, что любила его, но намекала, что съ годами эта любовь погасла, какъ гаснетъ всякое пламя.

Чтобы добросовѣстно играть свою роль, Садикова сама заговаривала о событіяхъ прошлаго времени, но при этомъ путала годы, упоминала невпопадъ имена, выдумывала то, чего никогда не было. Особенно мучительно было то, что, говоря о любви своей къ Басманову, она изображала ее, какъ легкое увлеченіе, какъ случайную

забаву свѣтской дамы. Это Басманову казалось оскорбленіемъ святыни, и онъ, почти со стономъ, просилъ Садикову въ такихъ случаяхъ замолчать.

Но этого мало. Непримѣтно, подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ, Садикова вносила отраву въ самыя завѣтныя воспоминанія Басманова. Своими намеками она развѣнчивала всѣ прекраснѣйшіе факты прошлаго. Она давала понять, что многое изъ того, что Басмановъ считалъ проявленіемъ ея самозабвенной любви, было лишь притворствомъ и игрой.

— Елизавета!—спросилъ какъ-то разъ Басмановъ.—Неужели же я могу повѣрить, что твои безумныя клятвы, твои рыданія, твое отчаянье, когда ты бросалась, не помня себя, на полъ, — что все это было притворствомъ? Такъ не сумѣетъ играть лучшая драматическая артистка! Ты клевещешь на самое себя.

Садикова, отвѣчая отъ имени Елизаветы, какъ она всегда говорила послѣднее время, сказала съ улыбкой:

— Какъ различить, гдѣ кончается притворство и начинается искренность? Мнѣ хотѣлось тогда чувствовать сильно, и вотъ я позволяла себѣ дѣлать видъ, что я въ отчаяньи и безуміи. Еслибы на твоемъ мѣстѣ былъ не ты, а кто-либо другой, я поступала бы точно такъ же. Но въ то же время мнѣ ничего не стоило овладѣть собой, и не рыдать вовсе. Вѣдь мы всѣ въ жизни — актеры, и не столько живемъ, сколько изображаемъ жизнь.

— Неправда,—воскликнулъ Басмановъ,—ты это говоришь потому, что не знаешь, какъ любила Елизавета. Та не сказала бы этого! Вѣдь ты только играешь ея роль! Вѣдь ты—не она, ты—Екатерина.

Садикова засмѣялась, и сказала другимъ тономъ:

— Какъ вамъ будетъ угодно, Петръ Андреевичъ. Я вѣдь только для вашего удовольствія взяла на себя эту роль. Хотите, и я снова стану сама собой, Екатериной Владимировной Садиковой.

— Почемъ же я знаю, гдѣ ты настоящая! — сквозь зубы прошепталъ Басмановъ.

Ему начинало казаться, что онъ сходитъ съ ума. Вымыселъ и

дѣйствительность для него сливались, смѣшивались. Минутами онъ терялъ пониманіе, кто онъ самъ.

Между тѣмъ, Садикова, вставъ, предложила ему пройтись на Ругенъ и снова заговорила съ нимъ отъ имени Елизаветы.

V.

Дни проходили. Сезонъ въ Интерлакенѣ кончался.

Басмановъ, прикованный къ своей таинственной нзнакомкѣ, позабылъ, зачѣмъ онъ здѣсь, позабылъ всѣ свои дѣла, не отвѣчалъ на письма изъ Россіи, жилъ какой-то безумной жизнью. Словно маніакъ, онъ думалъ объ одномъ: какъ разгадать тайну Свибловой-Садиковой.

Былъ ли онъ влюбленъ въ эту женщину, — этого онъ не сумѣлъ бы сказать. Она влекла его къ себѣ, какъ пропасть, какъ ужасъ, какъ то мѣсто, гдѣ можно погибнуть. Могли бы проходить мѣсяцы и годы, а онъ былъ бы радъ длить этотъ поединокъ мысли и находчивости, эту борьбу двухъ умовъ, изъ которыхъ одинъ стремится сохранить свою тайну, а другой усиливается ее вырвать.

Но неожиданно, въ первыхъ числахъ октября, Садикова уѣхала. Уѣхала, не простившись съ Басмановымъ, не предупредивъ его. Однако, на другой день онъ получилъ по почтѣ письмо, посланное изъ Берна.

„Я не лишу васъ удовольствія гадать, кто я такая,—писала Садикова,—рѣшеніе этого вопроса я оставлю вашему остроумію. Но если вы устали отъ догадокъ и хотите простѣйшаго рѣшенія, я вамъ подскажу его. Предположите, что я была совершенно незнакома съ вами, но, узнавъ изъ вашихъ взволнованныхъ разсказовъ, какъ жестоко вы обошлись когда-то съ нѣкоей Елизаветой, я рѣшилась отомстить вамъ за нее. Мнѣ кажется, я своего достигла, и мщеніе мое состоялось: вы никогда не забудете этихъ мучительныхъ недѣль въ Интерлакенѣ. А за кого я мстила, за себя или за другую, въ концѣ концовъ, не все ли равно. Прощайте, больше вы меня не увидите никогда. Елизавета-Екатерина.“

1911.

ЕЯ РѢШЕНІЕ.

Разсказъ стараго врача.

I.

Ко мнѣ пріѣхала Мари, разстроенная и взволнованная. Впрочемъ, когда же бывала она не разстроенной и не взволнованной?

— Вы мой старый другъ,—сказала она,—и къ вамъ я привыкла обращаться, какъ къ оракулу, въ тѣхъ случаяхъ, когда сама теряюсь и не знаю, на что рѣшиться. Дайте мнѣ совѣтъ, но совѣтъ мудрый, потому что дѣло идетъ обо всей моей жизни, и не объ одной только моей.

— Боюсь, — возразилъ я, — что и самъ царь Соломонъ, написавшій Пѣсню Пѣсней, потерялъ бы свою славу, еслибы заранѣе обязывали его говорить однѣ премудрости. Утѣшаетъ меня лишь одно: во всемъ, что съ вами случается, дѣло всегда идетъ по меньшей мѣрѣ обо всей вашей жизни.

— Одинъ человѣкъ любитъ меня, и любитъ безумно, — сказала мнѣ Мари.

— Но васъ всегда кто-нибудь безумно любитъ, — отвѣтилъ я, все еще продолжая шутить. — Я думаю, что уже разъ двадцать вы приходили ко мнѣ, чтобы подѣлиться со мной такой тайной.

Мари, однако, упорно не замѣчала насмѣшки въ моихъ словахъ и продолжала говорить со страстью:

— Ахъ, этотъ разъ все иное, чѣмъ бывало прежде. Я встрѣтила, наконецъ, ту истинную любовь, которую напрасно искала всю жизнь. Любовь, которая наполняетъ всю душу человѣка и уничтожаетъ въ ней всѣ другія чувства и желанія. То, что описываютъ въ стихахъ

и романахъ, я вижу теперь на самомъ дѣлѣ. Тотъ, кто любитъ меня, знаетъ только одно счастіе: быть со мной и исполнять мою волю. Онъ такъ любитъ, что похожъ на сумасшедшаго. Если я ему скажу: умри,—онъ застрѣлится черезъ пять минутъ. И если я ему скажу: уйди отъ меня и никогда не возвращайся,—онъ сдѣлаетъ то же самое!

Выслушавъ эту восторженную рѣчь, я спросилъ:

— Кто же этотъ милый безумецъ, воскресившій въ наши дни нравы временъ Петрарки?

Послѣ нѣкотораго колебанія, Мари сказала:

— Это вашъ племянникъ, Владимиръ.

Мнѣ нравится правило стоиковъ: ничему не изумляйся, nil admirari, однако мнѣ трудно было не нарушить его, выслушавъ признаніе Мари. Вспомнивъ тихій, скромный образъ своего племянника, юноши молчаливаго, чуть-чуть застѣнчиваго, я никакъ не могъ представить его себѣ въ роли влюбленнаго Орланда. Помолчавъ и подумавъ, я сказалъ:

— Неужели вы думаете, Мари, что я захочу спасать Владимира отъ вашихъ чаръ и буду чѣмъ-либо мѣшать вашему роману? Хотя я и старикъ, но, слава Богу, не Тартюфъ, и только радуюсь, когда вижу, что молодые люди заняты тѣмъ, чѣмъ и подобаетъ имъ заниматься: любовью. Могу только позавидовать Владимиру, и вамъ каяться передо мной не въ чемъ.

Мари стала ломать руки. Это было ея привычкой, но когда она дѣлала то же на сценѣ, всѣ говорили, что она играетъ неестественно.

— Я не потому пріѣхала къ вамъ,—сказала она мнѣ,—что Владимиръ—вашъ племянникъ, но потому, что мнѣ нуженъ дружескій совѣтъ. Вспомните, что Владимиру двадцать лѣтъ, а мнѣ... мнѣ на много больше. Я его первая настоящая любовь, и все, что онъ чувствуетъ, все, что онъ говоритъ, такъ прекрасно! Иногда я слушаю его слова и плачу. А что я могу ему дать въ обмѣнъ? Вы сейчасъ, смѣясь, сказали, что я двадцать разъ приходила къ вамъ, чтобы назвать имя своего новаго любовника. А сколько именъ осталось вамъ неизвѣстно! Ко мнѣ приближались какіе-то люди, пользуясь тѣмъ, что я—актриса, говорили мнѣ банальныя слова о любви, а я

вѣрила имъ съ наивностью дѣвченки и каждому отдавалась со всей полнотой страсти! Я безразсудно расточала всѣ сокровища чувства, какія только у меня были. Узнавъ, что меня опять обманули, я рыдала до изступленія, я съ ума сходила отъ отчаянья, но приходилъ кто-нибудь другой, и я вновь воображала, что это именно тотъ, кого я жду. Я напрягала послѣднія усилія, изъ жалкихъ остатковъ творила новую душу и опять бросала ее въ чьи-нибудь безжалостныя руки... И вотъ теперь, когда, дѣйствительно, пришелъ человѣкъ, принесшій мнѣ любовь истинную, единственную, ту, о которой я всегда мечтала, — мнѣ больше нечего ему дать. Я — нищая, у меня нѣтъ ничего, нѣтъ словъ, чтобы отвѣтить на его признанія, нѣтъ губъ, чтобы принять его поцѣлуи, нѣтъ рукъ, чтобы удержать его...

Я постарался успокоить Мари.

— Дорогая моя,—сказалъ я ей,—вы заблуждаетесь; душу нельзя исчерпать: это колодецъ бездонный. Отвѣтьте себѣ со всей откровенностью: любите ли вы его, и, если любите, не бойтесь оказаться нищей. Любовь—то же, что неразмѣнный золотой въ сказкѣ. Жаль, что вы не знаете математики, а то я сравнилъ бы любовь съ безконечностью: сколько ея не дробить, часть равна цѣлому.

Мои утѣшенія помогли мало, и Мари продолжала исповѣдаться мнѣ и съ такой тоской въ голосѣ, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало жаль ее:

— Мое тѣло и моя душа утомлены смертельно. Во мнѣ больше нѣтъ чувствъ, а только смутная память о чувствахъ. Люблю ли я его? Не знаю. Я хочу его любить, потому что его я ждала долгіе годы. Но, можетъ быть, я уже не въ силахъ любить. Владимиръ мнѣ безконечно нравится — своей любовью, своей страстностью! я на него любуюсь, а, можетъ быть, и молюсь. Но мнѣ все кажется, что на него и на себя я смотрю уже изъ другой жизни, словно я умерла давно.

Чтобы перемѣнить ходъ ея мыслей, я спросилъ:

— Вы хотѣли моего совѣта: о чемъ же?

Мари тотчасъ оживилась и заговорила опять со страстью·

— Да! да! я хочу вашего совѣта! Вы должны сказать мнѣ, какъ

поступить. Онъ мнѣ признался, что любитъ меня, а я ему ничего не отвѣтила. Я мучу его своимъ молчаніемъ, я обращаюсь съ нимъ, какъ расчетливая прелестница. Для меня было бы высшимъ счастіемъ броситься въ его объятія, а я едва рѣшаюсь дать ему поцѣловать мои пальцы. Однако, рано или поздно, я должна буду ему сказать окончательное „да“ или окончательное „нѣтъ“. Посовѣтуйте же мнѣ, что̀ отвѣтить. Какъ могу я сказать ему „нѣтъ“, когда это—неправда, когда этимъ я убью самое прекрасное, что есть въ моей жизни! И еще: какъ могу я сказать это „нѣтъ“, когда послѣ того онъ пойдетъ и выстрѣлитъ себѣ въ високъ... Такъ онъ мнѣ поклялся, и я знаю, что это не обычныя слова влюбленныхъ, а твердое, настоящее рѣшеніе! Но, Боже мой! какъ могу я сказать ему и „да“? Вѣдь онъ ждетъ, что это „да“ принесетъ ему высшее блаженство міра. А вмѣсто того онъ получитъ мою истоптанную душу и мое истомленное тѣло! Я больше не найду ни одного движенія, которое не было бы повтореніемъ! ни одного слова, которое не было бы заученнымъ! ни одной ласки, которой я уже не отдавала бы другимъ! И когда онъ увидитъ, что обманулся во всѣхъ своихъ надеждахъ, когда онъ узнаетъ, что такое на самомъ дѣлѣ я, та, которую онъ сейчасъ считаетъ идеаломъ,—вѣдь онъ тоже пуститъ себѣ пулю въ високъ! Что же мнѣ лучше сдѣлать: убить его ложью и не узнать его любви? или взять его любовь и убить его правдой? Обмануть его и себя, но остаться для него прекрасной? или унизить себя передъ нимъ, развѣнчать себя въ его глазахъ, но быть съ нимъ искренней, сказать ему все, что у меня въ душѣ?

— Мари,—возразилъ я, — вы начинаете говорить, какъ героиня въ мелодрамѣ. Напрасно вы не пишете пьесъ, вы бы имѣли большой успѣхъ, но только у галлереи. Всѣ эти антитезы очень пышны, но настоящее чувство выражается проще. Когда вы говорите такъ хитро и цвѣтисто, я начинаю думать, что вы моего Володю вовсе не любите.

Эти послѣднія слова я сказалъ въ несчастный мигъ. Мари заломила руки и закричала уже совсѣмъ истерически:

— Какъ! я не люблю Владимира! вы мнѣ говорите, что я его не люблю! Послѣ этого вы ничего не понимаете въ женской душѣ! Я

была глупа, что пришла къ вамъ! У васъ не сердце, а грифельная доска съ вычисленіями!

Тутъ она уже не могла удержать рыданій, и съ кресла, на которомъ сидѣла, опустилась на коверъ, потому что въ минуты отчаянья ее всегда влекло къ землѣ. Она стала плакать, смѣяться и биться у моихъ ногъ, и мнѣ пришлось вспомнить, что я не только врачъ души, но и тѣла. Никакого совѣта не подалъ я Мари въ тотъ вечеръ.

II.

Послѣ разговора съ Мари, я сталъ присматриваться къ жизни Владимира.

Я узналъ, что онъ и Мари встрѣчаются часто. На всѣхъ спектакляхъ, когда Мари играла, Владиміръ непремѣнно присутствовалъ въ театрѣ. Онъ терпѣливо, въ десятый и въ пятнадцатый разъ, смотрѣлъ ее въ одной и той же роли. Вѣроятно, ему даже нравилась ея игра, хотя, говоря со всей откровенностью, Мари была актриса только-что посредственная.

Изъ театра Владиміръ каждый разъ провожалъ Мари. Иногда ихъ видѣли вмѣстѣ въ ресторанѣ. А такъ какъ Мари въ то же время рѣшительно отказала всѣмъ своимъ поклонникамъ, то Владимира называли ея новымъ любовникомъ. Какъ это всегда бываетъ, одни ему завидовали, другіе его жалѣли.

Я, однако, былъ увѣренъ, что молва предваряетъ событія. Во всемъ поведеніи Владимира, въ его движеніяхъ, въ его словахъ была та напряженность, которую даетъ лишь ожиданіе. По обыкновенію, онъ былъ сдержанъ, замкнутъ, но по его лицу, по его глазамъ я угадывалъ, что онъ ждетъ рѣшенія своей участи. Въ людяхъ, достигшихъ цѣли, всегда есть какое-то унижающее самодовольство; у тѣхъ, кто цѣли добивается, есть постоянное благородное безпокойство.

Нѣсколько разъ я пытался переговорить съ Владиміромъ откровенно. Онъ долго не хотѣлъ отвѣчать мнѣ на мои вызовы, дѣ-

лая видъ, что не понимаетъ моихъ намековъ. Я не могъ сердиться на него за это. Для него я былъ старикъ, человѣкъ другого поколѣнія, ему трудно было повѣрить, что я его пойму. Да и есть такія чувства, такія мысли, которыя больно довѣрить самому близкому, которыя не укладываются въ слова, произносимыя вслухъ, которыя можно лишь таить въ самомъ себѣ.

Все же одинъ разъ, вечеромъ, мнѣ удалось настичь Владимира въ такую минуту, когда душа его была не въ силахъ сопротивляться моимъ настояніемъ. Онъ, повидимому, только-что вернулся отъ Мари, еще разъ не получивъ отвѣта на свой роковой вопросъ, измученный, почти потерявшій всѣ надежды. Ему хотѣлось кому бы то ни было громко заявить о своемъ рѣшеніи, чтобы какъ бы освятить его, чтобы отрѣзать для самого себя всѣ пути отступленія.

Вдругъ отказавшись отъ своихъ обычныхъ уклончивыхъ выраженій, онъ, на мой прямой вопросъ, прямо признался мнѣ, что любитъ Мари, и затѣмъ, высоко закинувъ голову, сказалъ мнѣ слѣдующее, дѣлая удареніе на словахъ:

— Ну да, дядя, я ее люблю! Знаю все, что вы мнѣ скажете. Между нами пятнадцать лѣтъ разницы, а, можетъ быть, и больше. Что же изъ того, если ея душа прекраснѣе всѣхъ, какія я могу вообразить? И что изъ того, если ни одно женское лицо не можетъ быть болѣе красивымъ для меня? Мнѣ въ ней нравится все: улыбка, смѣхъ, поворотъ головы, походка, голосъ! Вы мнѣ скажете, что моя жизнь лишь начинается, а она уже совершила половину круга. Что черезъ пять лѣтъ она будетъ старухой, а я останусь юношей. Такъ, но сейчасъ счастливымъ я могу быть только съ ней, только около нея. Или счастіе такая обыкновенная вещь, что можно бросать его съ пренебреженіемъ, повстрѣчавъ на своемъ пути? Вдругъ я теперь отвергну это счастіе изъ-за холодныхъ разсудочныхъ доводовъ, ради того, что̀ будетъ черезъ пять лѣтъ, — а черезъ пять лѣтъ никакого счастья не встрѣчу, и мнѣ останется только жалѣть о тѣхъ возможностяхъ, отъ которыхъ я отказался? И, наконецъ, я люблю Мари! развѣ это не по-

слѣдній доводъ, который опровергнуть нечѣмъ! Я ее люблю, и, значитъ, я правъ!

— Мой дорогой,—возразилъ я,—послѣдній твой доводъ, дѣйствительно убѣдителенъ, и спорить противъ него не приходится. Но я вѣдь и не собирался запрещать тебѣ любить и наслаждаться жизнью: я еще не настолько выжилъ изъ ума. Я только хотѣлъ узнать, чего ты ждешь отъ этой любви. Изъ твоихъ словъ вижу, что ты смотришь на нее довольно трезво, и это меня успокаиваетъ.

Владимиръ вдругъ поблѣднѣлъ. Какъ всѣ застѣнчивые люди, онъ способенъ былъ съ крайней твердостью проводить въ жизнь тѣ свои рѣшенія, которыя онъ обдумалъ зрѣло. Словно повторяя заученный урокъ, онъ сказалъ мнѣ, съ дрожью въ голосѣ:

— Отъ этой любви я жду в с е г о. Если Мари меня любитъ, я узнаю въ этой любви все то счастіе, которое, хотя разъ въ жизни, суждено извѣдать каждому человѣку. Если же она меня не любитъ, тогда мнѣ суждено будетъ извѣдать отчаянье, которое также предназначено на долю каждаго изъ насъ... Но отъ этого отчаянья я сумѣю освободить себя, потому что его униженій я пережить не хочу. Есть люди, которые убиваютъ себя, чтобы избавиться отъ физической боли; еще больше причинъ прекратить свою жизнь, чтобы избавиться отъ страданій душевныхъ. Это я рѣшилъ окончательно, и вы, дядя, можете не возражать мнѣ.

Я думаю, что Владимиръ весь разговоръ началъ именно затѣмъ, чтобы произнести послѣднія слова. Сказавъ ихъ съ такимъ лицомъ, съ какимъ бросаются подъ пули, онъ быстро вышелъ изъ комнаты. Онъ не хотѣлъ слушать тѣхъ стариковскихъ истинъ, которыя я, дѣйствительно, готовъ былъ представить ему, какъ возраженія. Юность презираетъ старыя, прописныя истины, которыя отъ того не становятся менѣе истинными.

Больше съ Владимиромъ мнѣ говорить не пришлось.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того былъ бенефисъ Мари. Владимиръ былъ, конечно, въ театрѣ. Я работалъ у себя въ кабинетѣ и ждалъ возвращенія Владимира. Когда, далеко за полночъ, его еще не было дома, я понялъ, что онъ у Мари.

Какъ всѣ старики, я сплю мало и люблю совершать прогулки по ночамъ.

Одѣвшись, я вышелъ на улицу. Была лунная ночь, когда улицы кажутся перерѣзанными тѣнью пополамъ, а дома особенно неподвижными.

Незамѣтно и почти безсознательно оказался я передъ домомъ, гдѣ жила Мари. Всѣ окна ея квартиры были уже темны, кромѣ двухъ: то были окна ея спальной. Я хорошо зналъ эту обширную комнату, служившую Мари также и кабинетомъ. Здѣсь же она любила принимать своихъ близкихъ друзей. Въ комнатѣ стояла мебель самыхъ разныхъ стилей и самаго разнообразнаго назначенія. Одинъ уголъ, отгороженный китайскими ширмами, былъ занятъ спальной; въ другомъ стоялъ англійскій письменный столъ и строгія, обтянутыя кожей, кресла; въ третьемъ—широкій турецкій диванъ и мягкіе пуфы... Я представлялъ себѣ, что Мари сидитъ глубоко на этомъ диванѣ, полузакрывъ глаза, а Владимиръ опустился передъ ней на колѣни и цѣлуетъ ей руки...

Сознаться тайно, я бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобы быть на мѣстѣ Владимира. Конечно, еслибы мнѣ было лѣтъ на двадцать меньше...

Стоя на противоположномъ тротуарѣ, я всматривался въ палевыя занавѣски двухъ, слабо освѣщенныхъ, оконъ. Я зналъ, что за этими занавѣсками совершается роковое объясненіе двухъ любящихъ другъ друга. Мари говорила Владимиру свое окончательное „нѣтъ“ или свое окончательное „да“.

Былъ ли этотъ часъ часомъ отчаянья или счастія? Нашла ли въ себѣ женщина героическое мужество сказать тому, кого любила, „оставь меня!“ — ради того, чтобы сохранить его мечту во-вѣкъ невоплощенной и свой образъ въ его душѣ во-вѣкъ прекраснымъ? Или, съ послѣдней смѣлостью страсти, она бросила себя въ его объятья, и что тогда обрѣлъ онъ: осуществленіе всѣхъ своихъ тайныхъ грезъ или холодный ужасъ разочарованія?

Я долго смотрѣлъ на слабо освѣщенныя окна, и освѣщеніе ихъ не измѣнялось.

Пьяная проститутка, возвращаясь домой, прошла мимо, шатающейся поступью, и окликнула меня:

— Старичекъ, подари папироску!

Отъ меня она не ждала большаго.

По пустой улицѣ медленно проѣхалъ извозчикъ, и сѣдокъ, въ пролеткѣ, сонно кивалъ головой. Былъ часъ, когда подводились итоги всему, начатому въ тотъ день.

Въ послѣдній разъ взглянувъ на палевыя занавѣски, я вернулся къ себѣ. Былъ шестой часъ утра. Не замѣтивъ того, я простоялъ на тротуарѣ нѣсколько часовъ.

Когда вернулся Владимиръ, никто не знаетъ. На другой день его нашли въ постели мертвымъ: онъ выстрѣлилъ себѣ въ сердце. Мари уѣхала изъ города въ тотъ же день, и я съ тѣхъ поръ не встрѣчалъ ее нигдѣ. Что произошло между ней и Владимиромъ, въ ту ночь, въ ея спальной, осталось для меня тайной.

1911.

ЧЕРЕЗЪ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Разсказъ нашего современника.

I.

Москвѣ художественной и отчасти Москвѣ свѣтской извѣстно было, что Борисъ Петровичъ Корецкій, нашъ знаменитый архитекторъ, ежедневно, вотъ уже десятый годъ, обѣдаетъ у Анны Николаевны Нерягиной. Каждый день, около 7 часовъ вечера, можно было видѣть, какъ экипажъ Корецкаго направлялся къ Пречистенкѣ, загибалъ въ одинъ изъ переулковъ, гдѣ еще сохранились старинные московскіе домики, и останавливался у подъѣзда маленькаго особняка. Корецкій звонилъ у подъѣзда, и когда дверь отпирала все та же степенная горничная, входилъ въ домъ привычнымъ движеніемъ, а кучеръ уѣзжалъ въ ближайшій трактиръ, чтобы вернуться за бариномъ около 11 часовъ вечера.

Анна Николаевна Нерягина была еще молода и красива. Но никакіе злые языки не могли сказать ничего предосудительнаго объ ея отношеніяхъ съ Корецкимъ. Такъ какъ это кое-кого интересовало, то пускались въ ходъ всѣ средства домашняго сыска, вплоть до разспросовъ прислуги,—но приходилось увѣриться, что Корецкій былъ частымъ посѣтителемъ дома, и ничего болѣе. Рѣдко кто присутствовалъ на обѣдахъ у Нерягиной, большею частью за столомъ не было никого, кромѣ нея и Корецкаго, но извѣстно было, что никогда не позволялъ онъ себѣ по отношенію къ Аннѣ никакой вольности, чего-либо большаго, чѣмъ почтительный поцѣлуй руки. Послѣ обѣда, если были въ домѣ какіе-либо посѣтители, пили кофе въ гостиной

и бесѣдовали, но чаще Корецкій читалъ Аннѣ вслухъ послѣдній французскій романъ. Во всякомъ случаѣ раньше полночи Корецкій уже былъ въ своемъ клубѣ, гдѣ велъ большую игру, и окна особняка, гдѣ жила Анна, темнѣли.

Молодежь больше ничего не знала о Корецкомъ и Аннѣ и только смѣялась надъ забавной, идеальной связью съ отцвѣтающей красавицей молодого, красиваго и богатаго человѣка, которому ни одна женщина не отказала бы въ своемъ вниманіи. Но тѣ, которымъ было подъ-сорокъ и за-сорокъ, могли бы разсказать не мало любопытнаго объ томъ, какъ возникли эти странныя отношенія.

Анна Нерягина появилась въ московскомъ обществѣ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда она вышла замужъ за состоятельнаго экъ-дипломата, будировавшаго правительство и потому покинувшаго Петербургъ. Съ первыхъ же шаговъ Анна завоевала сердца всѣхъ мужчинъ своей красотой, своимъ умѣніемъ блистать, смѣлой оригинальностью своего обращенія съ людьми. Вокругъ нея тотчасъ составился широкій кругъ поклонниковъ, которые твердили ей о ея красотѣ и о своей безумной любви. Корецкій тогда только-что кончилъ курсъ Академіи, начиналъ свою дѣятельность архитектора, и былъ еще никому неизвѣстенъ. Онъ влюбился въ Анну сразу, по-юношески, но то была любовь рѣдкая въ наши дни: та, которая остается въ душѣ на всю жизнь. Анна не оцѣнила этого чувства и, кажется, охотно смѣялась надъ наивной страстью своего новаго обожателя. Корецкій этого не вынесъ, и однажды, вернувшись изъ дому Нерягиныхъ, гдѣ бывалъ часто, выстрѣлилъ себѣ въ грудь.

Поступокъ Корецкаго Анну поразилъ. Она немедленно пріѣхала къ нему, просила у него прощенія, сказала, что его не любитъ и не можетъ полюбить, но предложила ему свою дружбу. Корецкій отъ своей раны выздоровѣлъ, и съ того времени сдѣлался у Нерягиныхъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, „другомъ дома“ и повѣреннымъ всѣхъ тайнъ Анны, даже тайнъ ея любви. По общему мнѣнію, только ловкости Корецкаго обязана Анна тѣмъ, что ея мужъ въ теченіе двухъ лѣтъ ничего не подозрѣвалъ о той благосклонности, съ какой принимала она ухаживанія нѣкоторыхъ изъ своихъ поклонни-

ковъ. Молва же приписывала ей одного любовника за другимъ и много говорила о какомъ-то основанномъ Анной обществѣ „гамадріадъ“, гдѣ дамы лучшаго круга, вмѣстѣ съ основательницей общества, предавались утонченному разврату.

Около двухъ лѣтъ Корецкій игралъ близъ Анны эту роль наперсника, пока не свершилось неожиданной катастрофы. Анна влюбилась въ проѣзжаго итальянца, скрипача-виртуоза. Вся ловкость Корецкаго оказалась въ этомъ дѣлѣ безполезной, потому что Анна и не хотѣла скрывать своей страсти къ итальянцу, но, напротивъ, надменно выставляла ее на видъ. Когда же слухи объ этомъ дошли, наконецъ, и до мужа, Анна, не задумываясь, покинула его домъ и переѣхала къ своему любовнику. Произошелъ, конечно, скандалъ, съ которымъ немногое можетъ сравниться въ лѣтописяхъ московской жизни. Вскорѣ послѣ того Анна вдвоемъ съ итальянцемъ уѣхала за границу.

Никто въ точности не знаетъ, какъ жила Анна внѣ Россіи. Увѣряютъ, что итальянецъ обращался съ нею дурно, всячески ее оскорблялъ, даже билъ, обиралъ ее, сколько могъ, и, въ концѣ-концовъ, просто прогналъ. Изъ трехъ лѣтъ, что Анна провела за границей, она жила со своимъ любовникомъ только нѣсколько первыхъ мѣсяцевъ. Потомъ, ослѣпленная любовью, она продолжала повсюду слѣдовать за нимъ въ его артистическихъ поѣздкахъ, писала ему умоляющія письма, все ждала, что онъ вернетъ ее къ себѣ... Наконецъ, стало ясно, что надѣяться болѣе не на что. Тогда, осенью на четвертый годъ послѣ своего отъѣзда изъ Россіи, Анна вновь появилась въ Москвѣ. Съ мужемъ она къ тому времени была уже въ разводѣ.

Корецкій ни на день не терялъ Анну изъ виду. Онъ былъ съ ней въ постоянной перепискѣ и много разъ просилъ у нея позволенія пріѣхать къ ней за границу, чтобы жить рядомъ и помогать ей въ чемъ бы то ни было. Анна всегда отказывала. Но когда ей пришлось, наконецъ, порвать съ итальянцемъ и вернуться въ Москву, она не нашла никого другого, къ кому обратиться, кромѣ Корецкаго. Это Корецкій нашелъ для нея тотъ особнякъ, гдѣ она по-

селилась, и хлопоталъ обо всемъ устройствѣ ея новаго дома. Когда же Анна окончательно устроилась въ Москвѣ, Корецкій сдѣлался ея постояннымъ и почти единственнымъ посѣтителемъ.

Надо сказать, что иные жители переулка, узнавъ, что особнякъ снятъ Анной Нерягиной, пришли въ немалое волненіе. Они даже негодовали на хозяина дома, сдавшаго его такой порочной женщинѣ, которая, конечно, не преминетъ всю мѣстность опозорить своимъ поведеніемъ. Но уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ появленія Анны выяснилось, что она намѣрена вести жизнь очень скромную. Кромѣ Корецкаго, она почти никого у себя не принимала, отказывалась возобновить отношенія даже съ тѣми изъ старыхъ знакомыхъ, которые сами этого добивались, рѣдко куда выѣзжала, и вообще не давала никакихъ поводовъ говорить о себѣ. Лѣто Анна проводила въ имѣніи у тетки, отдѣльно отъ Корецкаго, который всегда весной уѣзжалъ за границу.

Годы проходили за годами. Поколѣніе, помнившее о Аннѣ, какъ о надменной красавицѣ, законодательницѣ модъ, сходило со сцены. Стала изглаживаться и память о давнемъ скандальномъ дѣлѣ, о тотъ, какъ жена русскаго аристократа убѣжала съ скрипачомъ-итальянцемъ, а тотъ ее бросилъ. На глазахъ у всѣхъ была только трогательная преданность Корецкаго Аннѣ. Корецкаго жалѣли, надъ нимъ смѣялись, но объ Аннѣ уже всѣ говорили съ уваженіемъ.

II.

Въ тринадцатую годовщину того дня, когда Анна покинула домъ своего мужа, Корецкій, по обыкновенію, обѣдалъ у нея.

Послѣ обѣда, за кофе, Анна спросила Корецкаго:

— Вы читаете газеты?

— Вы хорошо знаете,—отвѣтилъ онъ,—что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я отучаю себя отъ этого яда. Конечно, полезно дѣлать себѣ утромъ предохранительную прививку пошлости,—это нѣсколько оберегаетъ въ теченіе дня. Но, увы! наши газеты предлагаетъ намъ пошлость въ слишкомъ большихъ дозахъ.

— Тогда прочтите вотъ это.

Анна указала мѣсто въ газетѣ. То было извѣстіе о смерти того скрипача-виртуоза, съ которымъ когда-то Анна уѣхала изъ Россіи.

Прочтя замѣтку, Корецкій съ легкимъ поклономъ возвратилъ газету, и разговоръ перешелъ на другія новости. Послѣ обѣда Корецкій читалъ Аннѣ вслухъ только-что вышедшія письма Сентъ-Бева. Но когда чтеніе кончилось и было уже время Корецкому распрощаться, онъ неожиданно попросилъ позволенія затворить дверь, чтобы переговорить о важномъ дѣлѣ. Изумленная, Анна позволила.

Корецкій сказалъ:

— Анна! Пятнадцать лѣтъ тому назадъ вы мнѣ объявили, что не любите меня и не полюбите никогда. Я вамъ отвѣтилъ, что буду васъ любить всегда. Я свои слова оправдалъ; можетъ быть, оправдали и вы. Но развѣ, кромѣ любви, нѣтъ ничего, что связываетъ одного человѣка съ другимъ? Развѣ я не сталъ необходимой частью вашей жизни, хотя вы меня, попрежнему, не любите? Какъ стали бы вы жить, еслибы я не приходилъ къ вамъ каждый день, и еслибы въ деревнѣ вы не ждали каждый день моего письма? Вы моей преданностью связаны со мной тѣснѣе, чѣмъ связываетъ страсть. Пока былъ живъ тотъ человѣкъ, я не хотѣлъ говорить вамъ о нашей близости ни слова. У васъ, можетъ быть, еще оставалась безумная надежда, что онъ вновь васъ захочетъ видѣть, позоветъ васъ... Но онъ умеръ. Прошлое все кончилось. Теперь ясно, что наша близость не нарушится до конца нашихъ дней. Я никогда не захочу отойти отъ васъ; а вамъ некуда уйти. Хотите, Анна, утвердить этотъ союзъ? Я вамъ предлагаю, я васъ прошу—быть моей женой.

Анна выслушала всю эту рѣчь молча, потомъ отвѣтила коротко:

— Я слишкомъ дорожу нашей жизнью. Не хочу и боюсь нарушать ее чѣмъ бы то ни было. Дѣйствительно, вы безконечно близки мнѣ, какъ мой другъ. Я безмѣрно благодарна вамъ за вашу преданность. Но не знаю, остались ли бы мы столь же близкими, какъ мужъ и жена. Итакъ, устранимъ этотъ вопросъ навсегда.

Корецкій, не возражая, простился и уѣхалъ.

Однако, черезъ нѣсколько дней, онъ вернулся къ тому же разговору.

— Вы мнѣ запретили говорить о моей любви къ вамъ, — сказалъ онъ.—Но съ того дня, какъ вы сообщили мнѣ о смерти человѣка, котораго вы любили, я болѣе не въ силахъ молчать. Пока онъ былъ живъ, вы были въ правѣ мнѣ отвѣтить: я люблю другого. Теперь вамъ нечего сказать мнѣ. Я не прошу у васъ любви, —это не въ нашей власти. Я предлагаю вамъ принять все то же, что вы принимали отъ меня до сихъ поръ, но на правахъ моей жены. Я буду попрежнему какъ бы вашъ рабъ, преданный и покорный. Вы можете быть увѣрены, что я не потребую отъ васъ ничего, противъ вашего желанія. Но неужели моя вѣрность не заслуживаетъ такой скромной награды, какъ признаніе ея передъ нашимъ свѣтомъ!

Анна, какъ и въ первый разъ, отвѣтила Корецкому тихо и твердо:

— Я уже васъ просила не говорить объ этомъ.

И все же этотъ разговоръ сталъ возобновляться, сначала при каждомъ удобномъ случаѣ, потомъ каждый день... А потомъ—другой темы для разговора у Корецкаго и Анны не стало.

— Ваше согласіе быть моей женой было бы наградой за мою преданность, — повторялъ Корецкій,—и оно ни къ чему не обязывало бы васъ.

— Я не хочу пустыхъ формъ безъ содержанія, — возражала Анна,—я не хочу считаться вашей женой, когда не могу быть ею по совѣсти.

Когда Корецкій продолжалъ настаивать, Анна говорила ему:

— Я не понимаю, какъ для васъ можетъ имѣть какое-либо значеніе одно званіе моего мужа? И не понимаю, какъ вѣрность и преданность могутъ ждать какой-либо награды?

Много разъ на такіе вопросы Корецкій отвѣчалъ уклончиво прибѣгая ко всѣмъ исхищреніямъ своей діалектики, но, наконецъ, сказалъ прямо:

— Вы правы, Анна. Я до сихъ поръ лгалъ и лицемѣрилъ. Я говорилъ о имени вашего мужа, о наградѣ за свою преданность, тогда какъ разумѣлъ другое. Дѣло въ томъ, что я люблю васъ такъ же

страстно, какъ любилъ двадцатилѣтнимъ юношей. Годы ничего не измѣнили въ моемъ обожаніи вашей души, вашего тѣла, всего вашего существа. Попрежнему, какъ мальчикъ, я дрожу при мысли о томъ, что прикоснусь губами къ вашимъ губамъ. Неужели этому не суждено осуществиться никогда? Я ждалъ пятнадцать лѣтъ. Я пятнадцать лѣтъ говорилъ вамъ „вы“. Я доказалъ вамъ, что люблю васъ, — всѣмъ, вѣрностью, заботливостью, самопожертвованіемъ... Чтобы не уступить такой любви, надо быть изъ камня. Или я вамъ такъ отвратителенъ, что вамъ нестерпимо мое прикосновеніе? Почему же вы не сказали мнѣ этого давно? Зачѣмъ же обманывали меня, притворяясь, что расположены ко мнѣ? Зачѣмъ же принимали мою дружбу?

Въ волненіи, Анна попыталась его успокоить:

— Не надо этого разговора! Именно потому, что вы дороги мнѣ, что я цѣню вашу вѣрность, я и не хочу обманывать васъ притворной нѣжностью. Я вамъ даю то, что могу дать искренно, отъ всей души. Не спрашивайте съ меня большаго.

Корецкій, потерявъ надъ собой власть, бросилъ Аннѣ оскорбительныя слова:

— Вамъ тридцать шесть лѣтъ! Это возрастъ, когда женщина не увлекается какъ дѣвочка, но когда все ея существо требуетъ, чтобы съ нею былъ мужчина. Десять лѣтъ вы отказывали мнѣ въ настоящей близости. Хотите ли вы заставить меня повѣрить, что у васъ есть кто-то другой, какъ любовникъ?

Поблѣднѣвъ, Анна возразила:

— Я не угадывала, какъ много низости вы ловко умѣли таить въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

Она встала. Корецкій схватилъ ее за руку, пытался обнять, повторялъ:

— Я люблю тебя! Я хочу тебя!

Анна освободилась изъ его рукъ и вышла изъ комнаты.

III.

Такъ вырвалась на волю страсть, таившаяся пятнадцать лѣтъ.

Встрѣчи Корецкаго и Анны превратились въ мучительные поединки мужчины и женщины.

Внѣшнія формы ихъ жизни не измѣнились. Корецкій пріѣзжалъ къ Аннѣ къ обѣду, оставался у нея всего нѣсколько часовъ, и раньше полночи появлялся въ своемъ клубѣ. Какъ всегда, онъ былъ строго корректенъ, ничѣмъ не выдавалъ переживаемой имъ драмы.

Но каждый день между Корецкимъ и Анной возобновлялась трагическая распря предыдущаго дня. Тема ихъ разговора не мѣнялась. Корецкій требовалъ любви, Анна отказывала ему. Съ каждымъ днемъ Корецкій становился болѣе настойчивымъ, болѣе упорнымъ. Въ эти часы, наединѣ съ Анной, онъ терялъ свою обычную сдержанность.

Онъ становился на колѣни передъ Анной, онъ обнималъ ея ноги, онъ ее умолялъ, онъ ее убѣждалъ, онъ ее проклиналъ. Когда она сопротивлялась, старалась освободиться, онъ силой добивался ея поцѣлуевъ, порой опрокидывалъ ее на коверъ, и они боролись, лежа, стараясь не дѣлать шума, чтобы не услышали въ сосѣдней комнатѣ. Въ порывѣ борьбы Корецкій порой рвалъ платье Анны, а она ударяла его по лицу, вырываясь. Безобразныя сцены происходили между этими людьми, которые въ теченіе десяти лѣтъ избѣгали рѣзкаго выраженія, рѣзкаго движенія.

Теперь они говорили другъ другу самыя безпощадныя, самыя грубыя слова.

— У тебя были десятки, сотни любовниковъ!—говорилъ Корецкій Аннѣ.—Неужели я хуже всѣхъ этихъ мужчинъ? Неужели тебѣ болѣе противны мои ласки, чѣмъ какого-то итальянца, который презиралъ тебя!

— Да! да!—кричала ему Анна.—Ты мнѣ противенъ, ты мнѣ ненавистенъ! Я лучше отдамся послѣднему изъ прохожихъ, пойду продаваться на улицу, чѣмъ буду твоей!

Эти ожесточенныя сцены не мѣшали имъ встрѣчаться на слѣ-

дующій день, и, словно по уговору, возобновлять споръ съ того мѣста, на которомъ онъ остановился вчера.

Очень вѣроятно, что еслибы имъ представилась возможность вернуться къ прежней мирной жизни, оба они, и Анна и Корецкій, схватились бы за эту возможность. Но уже нельзя было забыть произнесенныхъ словъ и поставленныхъ Корецкимъ требованій. Мирная жизнь, которая въ теченіе десяти лѣтъ баюкала все существо Анны, была безнадежно разломана. Оставалось или отказаться ото всего, что создалось за эти годы, отъ всего уклада жизни, отъ ея усыпляющаго спокойствія и уюта, или уступить желаніямъ Корецкаго. Тринадцать лѣтъ тому назадъ Анна нашла въ себѣ достаточно силъ и воли, чтобы переломить одно свое существованіе пополамъ и смѣло начать новое, — но многіе ли способны совершить такой подвигъ въ жизни дважды? Между тѣмъ, отвѣчая упорно „нѣтъ“ на всѣ настоянія Корецкаго, Анна дѣлала и второй выходъ все болѣе труднымъ:—мечта разгоралась такъ пламенно, что дѣйствительность не могла бы ее не обмануть.

Такое положеніе длилось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, настало утомленіе. Въ словахъ Корецкаго стало сказываться меньше страсти, въ поступкахъ меньше изступленія. Такъ, понемногу, могла отцвѣсть, тихо поблекнуть и вся его любовь.

Анна вдругъ рѣшилась.

Въ одинъ изъ ихъ вечеровъ она сказала Корецкому:

— Другъ мой! Пора окончить нашъ споръ, недостойный насъ. Сейчасъ мы безумны, и не можемъ разсуждать здраво. Я хочу исцѣлить насъ обоихъ. Сегодня я не буду сопротивляться вашимъ желаніямъ. Напротивъ, я прямо скажу вамъ, что хочу вамъ принадлежать. Я хочу отдаться тебѣ. Подойди и возьми меня.

Пораженный, Корецкій спросилъ:

— Но вѣдь ты не любишь меня? Ты меня ненавидишь?

Анна отвѣтила грустно:

— Если бы десять лѣтъ назадъ ты спросилъ у меня то же, что потребовалъ недавно, я уронила бы себя въ твои объятья съ послѣдней радостью. Первые годы я ждала этого съ тайной надеждой.

Я берегла свое тѣло, я заботилась объ немъ для тебя. Потомъ я отъ своей мечты должна была отказаться. Я рѣшила, что, послѣ всего совершившагося, тебѣ не нужна я, какъ женщина. Что теперь осталось во мнѣ? Обезцвѣченная страсть и усталое тѣло. Я забыла, я утратила всѣ слова любви, которыя слишкомъ часто обращала къ тебѣ, когда оставалась одна. Я больше не найду всѣхъ движеній ласки, которыя столько разъ простирала къ тебѣ во снѣ. И я уже не хотѣла отдавать тебѣ обломковъ того прекраснаго цѣлаго, взять которое ты не захотѣлъ... Но если ты хочешь меня,—возьми.

Корецкій воскликнулъ:

— Такъ ты любишь меня! Боже мой! Ты любила меня всѣ эти десять лѣтъ!

— Я любила тебя всѣ десять лѣтъ,—произнесла Анна.

Корецкій слишкомъ желалъ вѣрить въ то, что ему говорила Анна, чтобы онъ могъ заподозрѣть правду ея словъ. Призывъ Анны слишкомъ нѣжилъ его слухъ, чтобы онъ могъ въ ея голосѣ различить притворство,—даже если оно было... Корецкій сталъ на колѣни передъ Анной и прижался губами къ ея рукѣ.

IV.

Въ тотъ вечеръ Корецкій вышелъ отъ Нерягиной позже обыкновеннаго. Онъ все же поѣхалъ въ клубъ, игралъ въ карты и проигралъ довольно большую сумму. Это было ему досадно.

Вернувшись домой, онъ къ своему изумленію нашелъ, что, вмѣсто чувства удовлетворенія, въ душѣ у него какое-то растерянное сомнѣніе. Онъ заставилъ себя думать о Аннѣ, и поймалъ себя на томъ, что ему страшно ожиданіе новыхъ съ нею свиданій.

Тутъ въ первый разъ ему пришла мысль—немедленно уѣхать изъ Москвы.

Онъ легъ въ постель и долго читалъ новый томикъ Анатоля Франса.

Утромъ Корецкій проснулся съ твердымъ намѣреніемъ — ѣхать.

Онъ позвалъ своего слугу и приказалъ взять билетъ въ Вѣну. Потомъ сѣлъ писать письмо къ Аннѣ. Разорвавъ нѣсколько листовъ бумаги, Корецкій рѣшилъ, что все же благороднѣе переговорить съ Анной лично.

Было только двѣнадцать часовъ дня, но Корецкій рѣшилъ ѣхать къ Аннѣ немедленно.

Что-то необычное поразило его въ самомъ обликѣ дома Анны. Онъ позвонилъ у подъѣзда уже со смутнымъ безпокойствомъ. Отворила дверь все та же степенная горничная. Лицо ея было заплакано.

Въ домѣ уже слышался унылый голосъ монахини, читавшей надъ тѣломъ Анны.

1909.

ТОЛЬКО УТРО ЛЮБВИ ХОРОШО...

Разсказъ бывшаго студента.

I.

Мнѣ было тогда восемнадцать лѣтъ; ей врядъ ли больше. Съ ней я познакомился на дачномъ балу, одномъ изъ тѣхъ, которые такъ хорошо описалъ Викторъ Гофманъ:

Былъ тихій вечеръ, вечеръ бала,
Былъ лѣтній балъ межъ темныхъ липъ,
Тамъ, гдѣ рѣка образовала
Свой самый выпуклый изгибъ...

Стоялъ уже конецъ іюля, всѣ жители маленькаго дачнаго поселка давно знали другъ друга, и появленіе среди насъ новаго лица произвело большое впечатлѣніе. Валя только-что вернулась отъ тетки, у которой,—гдѣ-то въ Западныхъ губерніяхъ,—гостила съ весны, и, какъ Чацкій или Онѣгинъ, попала, если не „съ корабля“, то изъ вагона — „на балъ“. Маленькая, худенькая, хрупкая, съ лицомъ русской Гретхенъ, въ скромномъ платьицѣ, она показалась всѣмъ „кавалерамъ“ очаровательной и всѣмъ барышнямъ „совсѣмъ неинтересной“. Впрочемъ, многіе изъ насъ уже были съ Валей знакомы съ прошлаго года, такъ какъ она не была случайной дачницей, но постоянно жила съ матерью въ этой мѣстности, вѣроятно, ради дешевизны жизни за городомъ.

Мнѣ Валя понравилась сразу, я безъ труда добился, чтобы меня познакомили съ ней, и готовъ былъ съ ней съ одной танцовать весь вечеръ, совершенно забывъ толстенькую и апатичную Соню, которой все лѣто объяснялся въ любви и съ которой мы уходили цѣ-

ловаться къ пруду, подъ тѣнь одряхлѣвшихъ ракитъ. Къ концу бала я уже былъ влюбленъ въ Валю безнадежно и только искалъ случая высказать ей это. Воспользовавшись тѣмъ, что послѣ какого-то танца Валя пожаловалась на жару отъ разноцвѣтныхъ фонариковъ, развѣшанныхъ въ темной зелени липъ (совсѣмъ какъ у Виктора Гофмана), я предложилъ ей пойти со мною въ другія аллеи парка, гдѣ рѣяла нѣжная свѣжесть іюльской ночи. Валя согласилась охотно.

Въ то лѣто я впервые надѣлъ студенческій мундиръ, готовясь осенью вступить „подъ сѣнь аудиторій“, но, конечно, почиталъ себя знатокомъ въ дѣлахъ любви и втайнѣ гордился рядомъ своихъ „побѣдъ“ надъ женщинами,—побѣдъ, не всегда „платоническихъ“. Поэтому я нисколько не смутился, оставшись съ дѣвочкой наединѣ, но, послѣ первыхъ вступительныхъ фразъ, сразу сталъ ей говорить, какое поразительное впечатлѣніе она на меня произвела, цитируя стихи Бальмонта и Валерія Брюсова. Валя, слушая мои полупризнанія, смѣялась и не возражала, что дѣлало меня все смѣлѣе и смѣлѣе.

Такъ мы дошли до круглой бесѣдки надъ обрывомъ. Свѣтила луна, хотя и не полная; внизу звякала струя ключа, но безобразной бочки, въ которую она стекала, не было видно; кусты давно отцвѣтшей сирени закрывали насъ ото всѣхъ, позволяя намъ видѣть даль неба и отлогій берегъ по другую сторону ручья... Издалека слышался звукъ бальнаго оркестра, и, на разстояніи, онъ казался чудесной музыкой... Могъ ли я выбрать лучшее мѣсто, чтобы высказать свои чувства, легко воспламеняющіяся чувства восемнадцатилѣтняго юноши, который увѣренъ, что ничто въ жизни для него уже не ново!

Мы сѣли на скамейкѣ, чуть ли не на той, гдѣ я еще недавно вырѣзалъ вензель Сони, и я все болѣе страстно сталъ говорить о томъ, что съ этой минуты я люблю въ мірѣ одну Валю, ей одной посвящаю свою жизнь, и буду такъ любить вѣчно. Потомъ я взялъ Валю за руки (крохотныя милыя руки!), и она не отняла ихъ у меня. Потомъ я быстро наклонился къ ней, неловко охватилъ ея станъ и поцѣловалъ ее прямо въ губы...

Боже мой! что сдѣлалось съ Валей! Она вдругъ вскочила, минуту стояла, вся дрожа, затѣмъ зарыдала, какъ рыдаютъ въ истерикѣ, и, упавъ на колѣни, бросилась лицомъ на деревянную скамейку. Я какъ бы оцѣпенѣлъ отъ неожиданности и остался сидѣть неподвижно, не зная, что предпринять, что сказать. До того дня я цѣловалъ всѣхъ женщинъ, съ которыми мнѣ приходилось оставаться наединѣ, иногда слышалъ лицемѣрныя возраженія и упреки, но никогда не встрѣчалъ не только такого отчаянья, но даже настоящаго сопротивленія. Нѣсколько оправившись, я сказалъ:

— Валентина Николаевна, выслушайте меня... Я вовсе не хотѣлъ васъ обидѣть... Мнѣ казалось, что вы слушаете мои признанія безъ вражды... Я думалъ...

Продолжая рыдать, всхлипивая по-дѣтски, Валя выкрикнула:

— За кого вы меня считаете!.. Ахъ, за кого вы меня считаете!

— Повѣрьте, Валентина Николаевна,—говорилъ я,—что я ничего дурного о васъ не могъ, не смѣлъ думать. Я вообще ничего не думалъ. Я просто поддался, подчинился внезапному порыву. Я сказалъ вамъ, что вы на меня произвели впечатлѣніе необыкновенное. Прикоснуться къ вашимъ губамъ мнѣ показалось счастіемъ безмѣрнымъ. Я былъ не въ силахъ бороться съ соблазномъ. Я раскаиваюсь, я—въ отчаяньи, видя ваши слезы, я извиняюсь, какъ только можетъ извиняться человѣкъ...

Валя не переставала плакать, повторяя:

— Оставьте меня, уйдите! Мнѣ стыдно смотрѣть на васъ! Мнѣ теперь стыдно всѣхъ! Я никому не могу болѣе показаться на глаза!

Я продолжалъ уговаривать и успокаивать Валю. Понемногу она перестала плакать, сѣла рядомъ со мной, но не хотѣла говорить ничего. Тогда я ей напомнилъ, что насъ навѣрное ждутъ, что неловко отсутствовать такъ долго. Валя согласилась, достала изъ своей сумочки маленькое зеркальце и пудренницу и, при свѣтѣ узкаго мѣсяца, припудрила свои покраснѣвшія щеки. Послѣ того мы съ ней вернулись къ танцующимъ.

2.

Понятно, что моя влюбленность въ Валю, послѣ этого случая, не уменьшилась, а только возросла. Скажу даже, что, если была въ моей жизни „первая любовь“, то это было именно мое чувство къ Валѣ. Всѣ мои другія, мальчишескія и юношескія увлеченія женщинами и барышнями можно опредѣлить словами Лермонтова: „То кровь кипитъ, то чувствъ избытокъ“. Валя заставила меня впервые пережить подлинныя „сладкія муки“ любви, подлинное „небесное безуміе“ страсти. Съ того самаго дня, какъ я увидѣлъ Валю въ первый разъ, ея образъ вошелъ въ мою душу и ею овладѣлъ, такъ что мои слишкомъ поспѣшныя признанія оказались чуть ли не правдой.

И что я поддѣльною болью считалъ,
То боль оказалась живая!

Валя при новыхъ нашихъ встрѣчахъ ни однимъ словомъ не напоминала мнѣ о моемъ поступкѣ въ вечеръ бала. Она была со мной очень мила, охотно принимала мои ухаживанія и даже выдѣлила меня изъ числа другихъ своихъ поклонниковъ, которыхъ скоро нашлось много. Пользуясь „сельской свободой“ и той независимостью, какой она располагала въ своей семьѣ, Валя принимала мои приглашенія на прогулки вдвоемъ по окрестностямъ, каталась со мною на лодкѣ по нашему пруду, просиживала со мною вечера въ паркѣ. Я читалъ ей своихъ любимыхъ поэтовъ, она слушала внимательно, дѣлала мѣткія замѣчанія и оттого становилась мнѣ еще милѣе. Надо ли добавлять, что я самъ тоже писалъ стихи (увы! достаточно плохіе!) и теперь всѣ ихъ посвящалъ Валѣ, а она находила ихъ прелестными.

Помня урокъ, полученный мною въ круглой бесѣдкѣ, я, первое время, держалъ себя съ Валей очень осторожно. Но постепенно свобода ея обращенія со мною вновь придала мнѣ смѣлости. Я опять сталъ говорить Валѣ о моей любви къ ней, и она очарова-

тельно краснѣла, слушая мои восторженныя клятвы. Потомъ я рѣшился цѣловать ея руки, и она оставляла ихъ въ моихъ рукахъ по долгу, такъ что каждому пальцу я могъ дать чуть ли не по сотнѣ поцѣлуевъ. Но, когда одинъ разъ я захотѣлъ обнять ее, опять на ея лицѣ выразилось такое мученіе, что мнѣ стало стыдно.

— Константинъ Петровичъ, — сказала она тихо, — этого нельзя.

— Почему нельзя, Валечка!—воскликнулъ я (я такъ ее называлъ съ ея полу-согласія),— неужели я такъ вамъ ненавистенъ, что вамъ непріятно мое прикосновеніе?

— Нѣтъ,—возразила Валя,—вовсе не непріятно, но вѣдь этого же нельзя.

Напрасно старался я „уничтожать предразсужденья, которыхъ не было и нѣтъ у дѣвочки въ тринадцать лѣтъ", Валя стояла на своемъ и, краснѣя, твердила „этого нельзя". Я, наконецъ, спросилъ ее:

— Что же, Валечка, вы считаете, что цѣловаться могутъ лишь мужъ съ женой.

Валя наклонила головку и еле слышно прошептала:

— Да.

— Какая вы глупая дѣвочка! — сказалъ я, принимая тонъ покровительственный.— Но даже еслибы и такъ, почему же мнѣ не быть вашимъ мужемъ?

— Ну вотъ, когда будете,—сказала Валя.

— А раньше нельзя?

Я засмѣялся, но теперь тонъ старшей приняла Валя и возразила:

— Не говорите пустяковъ. Вы моимъ мужемъ никогда не будете.

— Почему?

— Потому что вамъ еще учиться надо.

— Валечка! Валечка! зачѣмъ разсуждать такъ разумно! Просто все дѣло въ томъ, что вы меня не любите.

Вдругъ Валя поблѣднѣла и какъ-то невольно проговорила:

— А, можетъ быть, люблю...

И, вскочивъ, быстро, какъ маленькая дѣвочка, убѣжала прочь.

Я остался почти счастливый, готовый, тоже по дѣтски, плакать или смѣяться.

На слѣдующій день я уже добился того, что Валя, уклоняя глаза, краснѣя, отвѣтила мнѣ на мое „Вѣдь любишь?“—коротенькимъ словомъ: „Да!“ Но все же она не хотѣла, чтобы я поцѣловалъ ее, отстраняла мои руки и повторяла:

— Люблю, но вы не должны меня трогать, не должны, не должны!

Къ концу лѣта мы говорили съ Валей на „ты“, повѣряя другъ другу всѣ тайны нашей жизни (т.-е. дѣлали видъ, что повѣряемъ, потому что я, по крайней мѣрѣ, умалчивалъ о многомъ), стали почти неразлучными, вызывая тысячи насмѣшекъ и эпиграммъ нашихъ товарищей и мѣстныхъ барышенъ. Но, попрежнему, я не могъ добиться отъ Вали большаго, какъ позволенія цѣловать ея тонкіе пальчики, при чемъ она каждый разъ краснѣла отъ милаго стыда.

Только въ день моего отъѣзда Валя позволила мнѣ поцѣловать ее въ губы, но ея губы едва коснулись моихъ. То былъ только намекъ на поцѣлуй, оставившій во мнѣ впечатлѣніе чего-то мелькнувшаго, какъ привидѣніе. Разставаясь, мы дали другъ другу обѣщаніе встрѣчаться въ Москвѣ.

3.

Несмотря на новизну впечатлѣній, ждавшихъ меня въ моей новой студенческой жизни, я въ Москвѣ не забылъ Вали. Мы встрѣчались съ нею, въ дни, когда она пріѣзжала мѣнять книги въ библіотеку или къ роднымъ, гуляли по осеннимъ бульварамъ, сидѣли въ маленькихъ кафе, посѣщали синематографы. Валя была со мною добра, мила, очаровательна, и я уже серьезно думалъ о томъ, не жениться ли мнѣ на ней, хотя и понималъ все неразумѣе такого поступка. Но, когда любишь въ восемнадцать лѣтъ, развѣ хитро дѣлать глупости!

Одинъ разъ я убѣдилъ Валю зайти въ мой студенческій номеръ, въ знаменитой „Романовкѣ“. Мы вмѣстѣ пили чай, я показывалъ

мои книги и былъ почти счастливъ. Но, когда, обманутый довѣрчивостью Вали, я опять сталъ добиваться ея поцѣлуя, повторился почти тотъ же припадокъ слезъ, какъ въ круглой бесѣдкѣ. Опять Валя повторяла:

— Боже мой, Боже мой, за кого ты меня считаешь!

Я сказалъ ей, что теперь знаю, какъ ее люблю, и твердо рѣшилъ, что она будетъ моей женой. Валя печально покачала головой.

— Этого никогда не будетъ,—сказала она.

— Почему? Ты мнѣ не вѣришь?

— Я вѣрю. Но этого я не хочу.

— Почему? Ты меня не любишь?

— Люблю, но не буду твоей женой.

Я добивался объясненій, но Валя сначала ничего не хотѣла отвѣтить, а потомъ сказала все то же: что я слишкомъ молодъ, что мнѣ надо учиться, что мы оба бѣдны. А на мои страстныя возраженія отвѣтила рѣшительно:

— Я не хочу!

Большаго я отъ нея не узналъ и печально проводилъ ее на вокзалъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, мнѣ пришлось быть, съ нѣсколькими товарищами, въ дорогомъ ресторанѣ, куда студенты, вродѣ меня, попадаютъ рѣдко. Мы пили какое-то дешевое вино, и, несмотря на пренебрежительное отношеніе къ намъ лакеевъ, чувствовали себя прекрасно. Намъ было весело, мы спорили о міровыхъ вопросахъ и разсказывали другъ другу о своихъ маленькихъ романахъ, смѣялись громко и не пѣли только потому, что насъ все же подавляла пышность обстановки. Разумѣется, я ничего не говорилъ товарищамъ о Валѣ: эта любовь мнѣ казалась почти что священной, и объ ней я не могъ упоминать подъ полупьяныя шутки. Но, слушая разсказы о увлеченіяхъ квартирными хозяйками и модистками, я думалъ невольно о тоненькой, маленькой, хрупкой дѣвочкѣ, цѣловать которую мнѣ представлялось послѣднимъ блаженствомъ на землѣ, а, можетъ быть, и не только на землѣ.

Случайно взглянувъ въ сторону, я вдругъ увидѣлъ Валю.

Первую минуту я подумалъ, что это—галлюцинація; потомъ, —

что я ошибся. Но, всмотрѣвшись, я долженъ былъ убѣдиться, что въ ресторанѣ, дѣйствительно, — моя Валя. Одѣтая чуть-чуть болѣе старательно, чѣмъ обыкновенно, она сидѣла съ какимъ-то немолодымъ господиномъ за отдѣльнымъ столикомъ. Передъ ними стояла бутылка шампанскаго. Лакеи почтительно услуживали этой парѣ, очевидно, какъ посѣтителямъ „хорошимъ“. Валя сидѣла ко мнѣ въ полъ-оборота, ей меня не было видно, она была весела (можетъ быть, пьяна,—подумалъ я) и смѣялась на слова своего спутника.

Преодолѣвъ первое волненіе, я всталъ и пошелъ между столиками. Дойдя до того, гдѣ сидѣла Валя, я вѣжливо ей поклонился. Густая краска сначала покрыла щеки Вали, потомъ она поблѣднѣла, какъ говорится, смертельно; но все же она мнѣ отвѣтила на поклонъ, а я прошелъ мимо, не рѣшившись заговорить съ нею, и вернулся къ товарищамъ. Какое-то тупое отчаянье томило мою душу, я готовъ былъ плакать.

Вѣроятно, мои чувства отражались на моемъ лицѣ, такъ какъ товарищи спросили меня, что со мною. Я отговорился какой-то банальностью, вродѣ того, что у меня болитъ голова. Я болѣе не могъ принимать участія въ нашей пирушкѣ, я не слушалъ, что говорятъ другіе, я былъ прикованъ глазами къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Валя.

Я видѣлъ издалека, что спутникъ Вали спросилъ ее обо мнѣ и что она давала какія-то объясненія. Пожилой господинъ нѣсколько разъ посматривалъ на меня. Мнѣ хотѣлось встать, подойти къ нимъ, заговорить, спросить, зачѣмъ они здѣсь, какое право имѣетъ этотъ господинъ возить мою Валю по ночнымъ ресторанамъ. Но я чувствовалъ, что все это выйдетъ глупо, смѣшно, и рѣшилъ лучше слѣдить за Валей, узнать, куда уѣдетъ она отсюда, что будетъ дѣлать дальше. Я нервно пилъ вино, стаканъ за стаканомъ, и ждалъ минуты, когда Валя и ея спутникъ встанутъ, чтобы бѣжать за ними слѣдомъ.

Не знаю, подъ вліяніемъ ли выпитаго вина или подъ вліяніемъ слишкомъ сильнаго возбужденія, — только именно минуты отъѣзда Вали я и не замѣтилъ. Мнѣ казалось, что я отвернулся отъ нея

лишь на мигъ, чтобы что-то отвѣтить моему сосѣду, насмѣхавшемуся надъ моимъ видомъ. Но, когда я вновь взглянулъ на столикъ, за которымъ только что сидѣла Валя, онъ былъ уже пустъ. Вскочивъ, я кинулся въ швейцарскую. Тамъ тоже никого не было. Путаясь, я сталъ разспрашивать швейцаровъ, но тѣ дѣлали видъ, что не понимаютъ моихъ вопросовъ и обращались со мною, какъ съ пьянымъ.

Я вернулся къ своимъ товарищамъ въ состояніи, близкомъ къ изступленію. Мнѣ хотѣлось кричать, буйствовать, ударить кого-то. Видя, что успокоить меня невозможно, друзья стали меня усердно поить. Конецъ вечера прошелъ для меня въ какомъ-то туманѣ, и я даже не помню, кто позаботился довезти меня домой и уложить, конечно, одѣтымъ, на мою студенческую кровать...

4.

Когда мы встрѣтились съ Валей, я, волнуясь и негодуя, потребовалъ отъ нея объясненій. Она мнѣ разсказала какую-то неправдоподобную исторію, что въ ресторанѣ она была съ однимъ богатымъ родственникомъ, кажется, съ дядей, недавно и ненадолго пріѣхавшимъ въ Москву и захотѣвшимъ позабавить свою племянницу. Разсказъ Вали вышелъ фальшивымъ, она лгать не умѣла, и я, несмотря на всю свою молодость, не могъ ей повѣрить. Но зато Валя въ этотъ разъ была еще милѣе со мной и всячески старалась ласковыми словами заставить меня позабыть встрѣчу въ ресторанѣ.

Я, однако, рѣшилъ слѣдить за Валей. Я успѣлъ познакомиться съ ея матерью и иногда бывалъ у нихъ въ деревнѣ, чтобы привезти какую-нибудь книжку. Воспользовавшись этимъ, я сталъ пріѣзжать чаще. Меня всегда встрѣчали радушно, но Валя упорно просила меня не пріѣзжать, и это возбуждало всѣ мои подозрѣнія. Наконецъ, однажды я не засталъ Вали дома, хотя раньше она говорила мнѣ, что въ этотъ день въ Москвѣ не будетъ.

— Вдругъ собралась и уѣхала, — объяснила мнѣ мать. — Сказала, что какая-то подруга билетъ въ театръ достала.

Я опять не повѣрилъ, хотя Валя послѣ клялась мнѣ, что дѣло такъ и было: неожиданно оказался билетъ въ театръ, и она не могла противиться искушенію—посмотрѣть интересную пьесу.

— Валечка, зачѣмъ ты меня мучишь!—говорилъ я. — Ты что-то отъ меня скрываешь. Почему ты не хочешь мнѣ все довѣрить. Я такъ тебя люблю. Я такъ хочу, чтобы наша жизнь стала единой. Повторяю: все мое желаніе въ томъ, чтобы мы были въ мірѣ вдвоемъ, чтобы ты стала моей женой.

Валя печально возражала мнѣ:

— Я тебя тоже очень люблю, Костя, но твоей женой никогда не буду.

— Почему? Почему?

— Я этого не хочу.

— Вѣдь это же безуміе! Объясни мнѣ, въ чемъ дѣло.

Валя отрицательно качала головой.

— Не хочешь быть моей женой и не позволяешь мнѣ себя цѣловать!

Валя опять краснѣла по-дѣтски, низко наклоняла голову и шептала:

— Костя, милый, не принуждай меня. Я этого не могу. Можетъ быть, я — глупая, но я не могу такъ... цѣловаться... Понимаешь, не могу...

Между тѣмъ нѣсколько мелкихъ случаевъ еще болѣе увѣрили меня, что Валя часто не говоритъ мнѣ правды, что, напримѣръ, она бываетъ въ Москвѣ чаще, чѣмъ признается мнѣ. Я узналъ, что ей даже случается проводить въ Москвѣ цѣлыя ночи, будто бы у какой-то подруги. Кто была эта подруга, толковаго отвѣта отъ Вали я не могъ добиться. „Чудовище съ зелеными глазами“ мучило меня неотступно; я ни о чемъ не могъ думать, кромѣ тайны, окружавшей жизнь Вали; я былъ почти боленъ отъ сомнѣній и подозрѣній, но никогда я не любилъ Валю такъ безпредѣльно, какъ въ тѣ дни.

Въ концѣ концовъ я рѣшился на поступокъ, врядъ ли вполнѣ достойный, но еще какая-то старая французская пословица говоритъ, что на войнѣ и въ любви всѣ средства дозволены. Я установилъ за Валей настоящій надзоръ, я превратилъ себя въ подлиннаго

шпіона. Каждый день, кромѣ тѣхъ, когда мы съ Валей встрѣчались, я приходилъ на тотъ вокзалъ, съ котораго она пріѣзжала, и ждалъ ее тамъ съ утра до вечера, отъ перваго поѣзда, приходящаго съ ихъ станціи, до послѣдняго. Я въ душѣ поклялся узнать правду, забросилъ всѣ свои занятія, не видѣлся съ товарищами, учился прятаться и подстерегать.

Долгое время мнѣ не удавалось узнать ничего: Валя въ Москвѣ не появлялась. Но я не обращалъ вниманія на удивленные взгляды оффиціантовъ буфета и служащихъ вокзала, не боялся, что за мной самимъ учредитъ надзоръ полиція, и продолжалъ оставаться цѣлые дни на своемъ наблюдательномъ посту. Я возвращался домой измученный, разбитый усталостью и ожиданіемъ, со странной пустотой въ мысляхъ, но съ неодолимой увѣренностью, что завтра я начну то же. И во снѣ мнѣ снился тотъ же вокзалъ, расписаніе поѣздовъ, рѣки людей, вдругъ вливающіяся въ залы съ платформы.

Наконецъ, я дождался своей горестной удачи. Передъ послѣднимъ вечернимъ поѣздомъ, когда я уже собирался уйти домой, изнеможенный, но съ прежней упрямой настойчивостью въ мысляхъ, я вдругъ замѣтилъ среди публики того самаго господина, съ которымъ Валя была въ ресторанѣ. О, я сразу узналъ этого человѣка, хотя теперь онъ былъ въ элегантномъ пальто и модномъ котелкѣ, бросавшемъ тѣнь на его лицо. Безсознательная хитрость соглядатая заставила меня спрятаться за широкую колонну, и я сталъ выжидать.

Посмотрѣвъ на часы, господинъ взялъ въ автоматѣ перонный билетъ и пошелъ на платформу. Я послѣдовалъ за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ послѣдній поѣздъ. Изъ одного изъ вагоновъ торопливо вышла Валя, и мой незнакомецъ, быстро подойдя къ ней, почтительно поцѣловалъ ея руку. Кровь стучала мнѣ въ виски, когда, прячась въ тѣни, я слѣдовалъ за ними къ выходу съ вокзала.

„Я изобличу ее, — говорилъ я себѣ, — я брошу ей въ лицо ея ложь, а этому господину я скажу прямо, какъ называется его поведеніе“. Въ сущности, на что я могъ жаловаться? на то, что мнѣ предпочли другого? Но молодость и ревность не разсуждаютъ.

Выйдя на подъѣздъ, господинъ сдѣлалъ знакъ дожидавшемуся его извозчику, изъ тѣхъ, что въ Москвѣ называютъ „хорошими“, помогъ сѣсть въ пролетку Валѣ, и они поѣхали, вѣрнѣе помчались. Но я, все не разсуждая (до разсужденій ли и до расчетовъ ли было!) тоже подозвалъ лихача съ яркими пуговицами и, голосомъ дрожащимъ, приказалъ ѣхать слѣдомъ. Пролетка съ Валей и ея спутникомъ была недалеко впереди, мы ее безъ труда нагнали и продолжали летѣть сзади, по пустѣющимъ переулкамъ.

Немного придя въ себя, я сталъ обдумывать, что сдѣлаю. Я былъ убѣжденъ, что этотъ господинъ опять везетъ Валю въ ресторанъ. Я рѣшилъ войти вслѣдъ за ними (къ счастію, въ моемъ портмонэ было нѣсколько рублей), заговорить съ Валей, потребовать объясненій, а ея спутнику сказать, что онъ—негодяй, что я ему запрещаю съ этого дня развращать дѣвушку. „Я спасу ее изъ рукъ этого развратника“,— говорилъ я себѣ, забывая всѣ свои отвлеченныя разсужденія о свободѣ любви, которыя обычно развивалъ въ средѣ товарищей.

5.

Мы пролетѣли рядъ переулковъ, и я въ картинахъ представлялъ себѣ залъ того ресторана, куда соблазнитель везъ Валю. Я зналъ этотъ залъ и уже какъ бы видѣлъ себя въ немъ. Но извозчикъ, ѣхавшій впереди, къ моему удивленію, миновалъ подъѣздъ ресторана и вдругъ завернулъ въ ворота. Мои мысли закрутились въ какой-то хаосъ: то былъ извѣстный „домъ свиданій“.

Случилось такъ, что спутникъ Вали на одно мгновеніе замедлилъ у входа въ гостиницу, расплачиваясь съ извозчикомъ. Для меня этого было достаточно, чтобы спрыгнуть съ пролетки и загородить входившимъ дорогу. Я увидѣлъ лицо Вали, которое она прятала подъ густой вуалью, увидѣлъ спокойное мужское лицо, съ сѣдѣющими усами.

— Валя!—крикнулъ я,—зачѣмъ ты здѣсь?

Со слабымъ стономъ Валя откинулась назадъ; чтобы не упасть она должна была опереться на стѣну. Я продолжалъ стоять передъ

подъѣздомъ, чувствуя, что блѣднѣю все болѣе съ каждымъ мигомъ. Господинъ окинулъ меня взглядомъ, сразу сообразилъ, что̀ надо сдѣлать, ловко отстранилъ меня и протолкнулъ Валю въ подъѣздъ. Дверь за нею закрылась.

— Позвольте пройти, молодой человѣкъ, — рѣшительно сказалъ мнѣ этотъ господинъ.

Но я уже не владѣлъ своими словами. Я закричалъ ему:

— Негодяй! я не позволю тебѣ совершить твоей гнусности! Эта дѣвушка—моя невѣста. Уходи тотчасъ прочь, или я убью тебя.

— Вы, должно быть, пьяны, — спокойно возразилъ мнѣ господинъ,—не вмѣшивайтесь не въ ваше дѣло, дайте мнѣ пройти.

Будь у меня съ собою револьверъ, я, вѣроятно, дѣйствительно, выстрѣлилъ бы въ этого человѣка. Но теперь, въ самомъ дѣлѣ пьяный, но не отъ вина, а отъ злобы, я бросился на моего противника и кулакомъ хотѣлъ ударить его по лицу. Но оттого ли, что я не умѣлъ давать пощечины или оттого, что тотъ господинъ во время отклонился, только мой ударъ пришелся не по лицу, а по плечу. Уже гнѣвнымъ голосомъ стоявшій передо мною господинъ сказалъ мнѣ:

— Оставьте меня въ покоѣ или я позову полицію.

— Очень хорошо!—воскликнулъ я.—Вамъ дали пощечину, а вы хотите звать на помощь полицію. Теперь я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло.

— Довольно,—отвѣтилъ онъ мнѣ, стараясь войти въ подъѣздъ силой,—я васъ не знаю, и не драться же мнѣ на дуэли съ каждымъ сумасшедшимъ!

— Зато я васъ знаю,—кричалъ я въ изступленіи,—и если сейчасъ вы не отвѣтите на мой вызовъ, я подстерегу васъ въ театрѣ, я дамъ пощечину вамъ при вашихъ знакомыхъ, или убью васъ въ вашемъ излюбленномъ ресторанѣ, или задушу на улицѣ!

Я безумствовалъ. Но въ эту минуту отворилась дверь гостиницы, появился швейцаръ и, обращаясь къ моему противнику, какъ къ лицу знакомому, сказалъ ему:

— Ваше сіятельство, барышня очень безпокоятся, просятъ васъ скорѣе.

— Вотъ видите,—сказалъ тотъ, кого называли сіятельствомъ,—

просятъ меня, а не васъ. Дадите вы мнѣ теперь пройти или я долженъ буду просить помощи у этого человѣка.

При словахъ швейцара вся энергія сразу покинула меня. Я уже не зналъ, что мнѣ дѣлать. Валя, моя Валя, видѣвшая меня, не убѣжала изъ этого притона, но осталась тамъ и зоветъ къ себѣ своего соблазнителя, можетъ быть своего любовника! Мое сознаніе мутилось. Однако, чтобы не уступить, я выхватилъ изъ кармана свою визитную карточку, протянулъ ее „его сіятельству“ и повторилъ:

— Если вы не примете моего вызова, я оскорблю васъ публично!

— Мы поговоримъ объ этомъ послѣ,—сказалъ онъ мнѣ,—вы видите, что сейчасъ мнѣ некогда.

Взявъ мою карточку и не давъ мнѣ своей, онъ скрылся за дверями. Въ первую минуту я хотѣлъ опять кинуться за нимъ, но одумался. Вѣдь Валя меня видѣла! Она вошла сюда добровольно! Она закрывала лицо вуалью, значитъ знала, куда идетъ! Что же я скажу ей! Да меня и не впустятъ!

Я стоялъ у подъѣзда, подавленный совершенно, почти безъ мыслей, словно въ обморокѣ. Меня привелъ въ себя мой лихачъ, потребовавшій платы за проѣздъ. Машинально я отдалъ ему, что онъ спрашивалъ. Потомъ перешелъ на бульваръ, сѣлъ на скамейку и рѣшилъ дожидаться, когда Валя выйдетъ изъ этихъ проклятыхъ дверей. Я не зналъ, что тогда сдѣлаю, но дождаться ее мнѣ казалось необходимымъ.

Такъ, едва ли въ полномъ сознаніи, что-то думая, а, можетъ быть, и не думая ничего, я просидѣлъ нѣсколько часовъ. Я смотрѣлъ на освѣщенныя окна гостиницы и старался угадать среди нихъ тѣ, которыя выходили въ комнату, занятую Валей и ея „любовникомъ“. Со сладострастіемъ я повторялъ это слово „любовникъ“, находя наслажденіе—мучить себя его звукомъ. Я представлялъ себѣ ихъ ласки, ихъ объятія, ихъ разговоры, ихъ насмѣшки надо мной. Минутами ярость вспыхивала во мнѣ, какъ огонь въ потухающемъ кострѣ, потомъ опять я погружался въ тупое безразличіе. Было уже холодно, и мои ноги застывали, но и это мучительное чувство доставляло мнѣ странную отраду.

Кажется, я незамѣтно уснулъ на бульварной скамейкѣ. Меня разбудилъ сторожъ, заявившій, что спать на бульварахъ не полагается. Подумавъ, я всталъ и побрелъ вверхъ по бульварамъ, домой „Все равно,—думалъ я,— все кончено, все кончено, и любовь и жизнь!"

6.

Разныя мысли приходили мнѣ въ голову въ ту безсонную ночь. Сначала я хотѣлъ убить себя; потомъ—убить Валю и ея возлюбленнаго, этого пожилого развратника съ сѣдыми усами; еще послѣ — убить его одного, а Валѣ сказать, что ея лицемѣріе заслуживаетъ лишь одного—презрѣнія. Понемногу стали являться болѣе свѣтлыя мысли. Я началъ думать, что этотъ господинъ (князь или графъ?) воспользовался неопытностью дѣвушки и гнусно обольстилъ ее. Вотъ почему она (о милое, благородное дитя!) и отказывала мнѣ на всѣ мои предложенія! Я долженъ выступить на ея защиту. Я долженъ заставить этого негодяя принять мой вызовъ и убить его. А послѣ оказаться выше глупыхъ предразсудковъ, сдѣлать Валю своей женой, открыть ей новую жизнь. Съ такими добрыми мыслями я и заснулъ подъ утро.

На слѣдующій день я всталъ съ какой-то болью въ сердцѣ. Уже не было ни злобы, ни отчаянья, ни даже любви, а горькое презрѣніе къ міру, впервые по настоящему вошедшее въ мою душу. Я повторялъ:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей...

Я презиралъ всѣхъ: и этого князя (или графа?), и Валю, и самого себя. Люди таковы, жизнь такова,—думалъ я.

Однако, я сѣлъ писать письмо Валѣ. Я говорилъ ей, что теперь знаю ея тайну, но люблю попрежнему (это была неправда), что я теперь понимаю ея застѣнчивость, ея боязнь согласиться на мое предложеніе и преклоняюсь предъ ея благородствомъ (и это было

неправдой), но что любовь превозмогаетъ все, она „какъ смерть сильна“ (мнѣ стало было стыдно за банальную цитату, но, какъ бы махнувъ рукой на стиль, я ее оставилъ). Далѣе я писалъ, что сумѣю избавить Валю отъ ея унизительнаго положенія и отомстить ея оскорбителю, что я повторяю ей свою просьбу — стать моей женой, и что все прошлое, мучительное и горестное, забудется нами въ новомъ счастіи, какъ исчезаютъ тѣни ночи въ лучахъ разсвѣта. Впрочемъ, я писалъ еще много другого, о чемъ не стоитъ вспоминать.

Когда я кончилъ письмо, въ дверь раздался стукъ.

— Войдите, — сказалъ я угрюмо, думая, что стучитъ кто-либо изъ пріятелей студентовъ.

Вошелъ тотъ пожилой господинъ, котораго я вчера видѣлъ съ Валей.

Я былъ изумленъ, я всталъ и сказалъ гнѣвно:

— Что вамъ угодно, ваше сіятельство? Неужели вы думаете, что я съ вами стану разговаривать? Я жду вашихъ секундантовъ и съ ними мы условимся о подробностяхъ. Намъ же съ вами говорить не о чемъ.

Мой посѣтитель (онъ былъ уже безъ пальто) спокойно подошелъ къ креслу, сѣлъ, хотя я продолжалъ стоять, и сказалъ тихимъ, ровнымъ голосомъ:

— Не волнуйтесь, Константинъ Петровичъ. Намъ поговорить съ вами надо. Велентина Николаевна мнѣ все про васъ разсказала. Выслушайте же меня и, можетъ быть, вы отнесетесь ко мнѣ иначе.

— Извольте выйти вонъ!—крикнулъ я,—или теперь *я* прикажу васъ вывести. Я здѣсь у себя и не желаю терпѣть вашего посѣщенія.

— Позвольте прежде всего представиться, — все такъ же спокойно возразилъ мой гость. — Вы вчера не взяли даже моей карточки. Александръ Сергѣевичъ Вяземскій, не князь и не графъ, такъ что вы напрасно титулуете меня сіятельствомъ. А потомъ сядьте и выслушайте меня.

— Это наглость!—сказалъ я, но подчиняясь увѣренности голоса моего гостя, дѣйствительно, сѣлъ противъ него.

— Константинъ Петровичъ, — началъ свою рѣчь Вяземскій, говоря ровно, отчетливо, не повышая голоса,— вы вчера хотѣли дать

мнѣ пощечину (—я сдѣлалъ движеніе—), ну, допустимъ даже, что дали мнѣ пощечину,—я не настаиваю на этомъ. Я васъ вполнѣ понимаю, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы и вы меня поняли. Только послѣ этого мы рѣшимъ, слѣдуетъ ли намъ убивать другъ друга, потому что я охотно не стану требовать удовлетворенія за этотъ вашъ... поспѣшный жестъ.

— Я скоро повторю этотъ жестъ,—мрачно сказалъ я.

Вяземскій продолжалъ:

— Прежде всего позвольте вамъ сказать, что я вчера говорилъ неправду, увѣряя, что васъ не знаю. Я васъ знаю съ того самаго дня, какъ мы встрѣтились въ ресторанѣ. Тогда же я спросилъ у Валентины Николаевны, кто вы такой, и она разсказала мнѣ про ваши съ ней отношенія.

— Про наши отношенія?—переспросилъ я.

— Да, про ваши отношенія. Она мнѣ сказала, что вы ее любите и что она васъ любитъ, что вы цѣлуете ей руки и что однажды вы поцѣловались въ губы,— да, при вашемъ отъѣздѣ съ дачи. Далѣе я зналъ, что вы ей дѣлали предложеніе, дажа не разъ, но она вамъ отказывала. Еще я зналъ, что вы встрѣчаетесь съ Валентиной Николаевной, и, сознаюсь вамъ, нѣсколько разъ я самъ отвозилъ ее на свиданіе къ вамъ.

— Отвозили, вы?—опять переспросилъ я.

— Да, отвозилъ, иногда къ рядамъ, иногда къ Александровскому саду, а когда она была у васъ, здѣсь, я поджидалъ ее, съ лошадью, на углу, такъ какъ у насъ было рѣшено, что мы вмѣстѣ поѣдемъ въ кабаре.

Я смотрѣлъ на этого спокойнаго пожилого господина, съ холеными сѣдыми усами, и ярость только росла во мнѣ. Я спрашивалъ себя, не броситься ли мнѣ на него сейчасъ, не разбить ли ему голову тяжелымъ пресъ-папье, не задушить ли его на мѣстѣ. Сжимая зубы, я спросилъ:

— Зачѣмъ же вы изволили заниматься столь почтеннымъ дѣломъ, какъ сводничество, притомъ для своей...

Вяземскій докончилъ:

— Для той, которую я люблю? Постараюсь объяснить. У насъ съ вами, видимо, различные взгляды на любовь. Вы считаете, что женщина, которая вамъ нравится, должна быть вашей собственностью. Я думаю, что она въ правѣ и должна сохранить всю свою свободу. Вы, можетъ быть, мнѣ не повѣрите, но я люблю Валентину Николаевну подлинной любовью...

— Почему же вы возите ее по притонамъ, вмѣсто того, чтобы жениться на ней,—прервалъ я.

— Простите, Константинъ Петровичъ, вы моей жизни не знаете. Жениться я не могу, а, впрочемъ, и не хочу. Что же касается того, что вы называете притономъ, то я это не считаю чѣмъ-либо болѣе позорнымъ, чѣмъ холостая комната, гдѣ вы, вѣроятно, принимали своихъ случайныхъ подругъ и куда вы привели, однако, Валентину Николаевну.

— Я съ вами спорить не намѣренъ,—возразилъ я,—продолжайте.

— Благодарю васъ за позволеніе. Итакъ, я люблю Валентину Николаевну и много разъ слышалъ отъ нея, что и она меня любитъ...

— Вы лжете!

— Я могъ бы доказать вамъ правдивость моихъ словъ ея письмами, но вы понимаете, что я не хочу прибѣгать къ такимъ доказательствамъ. Я продолжаю. Хотя Валентина Николаевна меня любитъ, я вовсе не считаю это препятствіемъ къ тому, чтобы она любила другихъ. Вы ей понравились, она мнѣ говорила, что вы очень милый мальчикъ, что вы ее очень любите. Зачѣмъ же я сталъ бы ее лишать радости встрѣчаться съ вами?

— Но вы запретили ей цѣловаться?

— Напротивъ, я постоянно убѣждалъ ее, что она вполнѣ свободна поступать, какъ ей хочется. Я повторялъ ей, что она властна, если ей это нравится, цѣловаться съ вами, или даже вполнѣ вамъ отдаться. Это—ея дѣло, а не мое.

— И, еслибы она мнѣ отдалась, вы воспользовались бы случаемъ, чтобы избавиться отъ наскучившей вамъ женщины?

— Нѣтъ, мои отношенія къ Валентинѣ Николаевнѣ отъ этого нисколько не измѣнились бы. Я разстался бы съ ней лишь въ томъ

случаѣ, еслибы она разлюбила меня или я пересталъ бы ее любить... На послѣднее я впрочемъ не надѣюсь (—добавилъ онъ съ улыбкой).

Тогда я всталъ и сказалъ, какъ бы резюмируя нашъ разговоръ:

— Вы—негодяй. Я не вѣрю ни одному слову, какое вы сказали. Знайте, что я знакомъ съ Валентиной Николаевной уже четыре мѣсяца. Она была честная и благородная дѣвушка, пока не встрѣтилась съ вами. Вы ее развратили и обольстили. За это вы дадите отвѣтъ мнѣ, и ваши увертки, ваша клевета вамъ не поможетъ.

— Постойте,—возразилъ Вяземскій,—вы говорите, что знакомы съ Валентиной Николаевной четыре мѣсяца и думаете, что я своимъ вторженіемъ разрушилъ ваше счастіе. Я принужденъ вамъ признаться, что у насъ съ Валентиной Николаевной есть ребенокъ, и ему уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Снова я былъ потрясенъ, словно электрическимъ токомъ. У Вали, у этой дѣвочки, ребенокъ! Я тупо смотрѣлъ на Вяземскаго, даже не имѣя силъ задать ему вопросъ. Онъ спокойно подтвердилъ свои слова:

— Да, у насъ дочь, и это еще тѣснѣе связываетъ насъ. Именно по причинѣ рожденія этого ребенка Валентина Николаевна и должна была уѣхать этой весной отъ матери. Я сообщаю вамъ все это съ разрѣшенія Валентины Николаевны, которую я убѣдилъ, что лучше сказать вамъ всю правду. Она и сама подтвердитъ вамъ мои слова, если вы съ нею еще разъ встрѣтитесь.

Вяземскій смотрѣлъ мнѣ въ глаза, слегка покачивая ногой, заложенной на другую. Его лицо, въ туманѣ, то приближалось ко мнѣ, то уходило въ недостижимую даль. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, я сказалъ:

— Кажется, вы мнѣ сказали все, что хотѣли. Будьте добры удалиться. Но знайте, что я отъ своего рѣшенія не отказываюсь.

— Вы еще подумаете,—сказалъ Вяземскій, вставая. — Помните, что я ничего не имѣю противъ вашего знакомства съ Валентиной Николаевной. И, если она мнѣ скажетъ, что предпочитаетъ васъ, я тотчасъ отойду въ сторону, какъ бы мнѣ это ни было тяжело. Вотъ, на случай, мой адресъ. До свиданія.

Онъ вышелъ.

7.

Я долго думалъ о словахъ Вяземскаго. Странно, но я ему вѣрилъ. Конечно, было въ его признаніяхъ и желаніе отстранить соперника. Но я былъ убѣжденъ, что факты, которые онъ сообщалъ—истинны. Все сказанное слишкомъ совпадало съ дѣйствительностью.

Разорвавъ свое первое письмо къ Валѣ, я написалъ ей другое, въ которомъ просилъ ее отвѣтить мнѣ прямо и откровенно, кого она предпочитаетъ, меня или этого Вяземскаго. Я предлагалъ вызвать его на дуэль и, въ томъ случаѣ, если останусь живъ, опять просилъ Валю быть моей женой. Я добавлялъ, что моя любовь нисколько не измѣнилась отъ всего того, что я узналъ. Но эти послѣднія слова были уже прямою ложью.

„Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей". Я долженъ былъ бы презирать себя, потому что, на самомъ дѣлѣ, въ моей душѣ уже не стало любви къ Валѣ, когда я узналъ, что она любила другого, что она была близка съ этимъ другимъ, что у нея былъ ребенокъ. Постыдное, атавистическое чувство, требующее отъ избранницы, отъ невѣсты той непорочности, какую мы, мужчины, никогда не приносимъ ей въ даръ!

Мое письмо осталось безъ отвѣта. Я написалъ второе и самъ отвезъ его на маленькую станцію, гдѣ жила Валя. Я просилъ ее встрѣтиться со мною, чтобы обсудить все вмѣстѣ. Я опять не получилъ отвѣта и, сознаюсь, тайно былъ радъ этому. Мнѣ не хотѣлось болѣе встрѣчаться съ Валей. Не выслушавъ обвиняемой, я въ душѣ уже осудилъ ее безповоротно. Была ли она въ чемъ-либо виновна или ее оклеветали, все равно. Не только „жена Цезаря", но жена каждаго изъ насъ, въ нашемъ мужскомъ представленіи, должна быть свободна даже отъ подозрѣнія.

Вскорѣ я перевелся въ Харьковскій университетъ.

1911.

НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Эпизодъ.

— Ты хвалишься напрасно,—сказалъ мнѣ Дьяволъ, — я покажу тебѣ міры, которыхъ вообразить ты не могъ бы. Гляди: видишь ты эту звѣзду α въ созвѣздіи Ріона?

Я посмотрѣлъ, куда указывалъ мнѣ длинный и чешуйчатый коготь. Дьяволъ другой рукой приподымалъ тяжелую портьеру у окна. Небо казалось черной бездной, разверзстой у ногъ.

— Вокругъ этой звѣзды, — продолжалъ Дьяволъ, — вращается сто сорокъ большихъ планетъ, не считая астероидовъ. Мы съ тобою сейчасъ перенесемся на одну изъ нихъ, величиною съ вашу зеленую землю.

— А сколько времени мы будемъ въ пути?—спросилъ я насмѣшливо.

Дьяволъ посмотрѣлъ на меня вдвое насмѣшливѣе, жидкая бородка его затряслась, и онъ отвѣтилъ мнѣ такъ:

— Конечно, мы летѣли бы милліоны лѣтъ, если бы пожелали пройти черезъ всѣ промежуточныя точки между землей и той звѣздой. Но мы м и н у е м ъ и х ъ. Дай мнѣ руку.

Въ тотъ день Дьяволъ былъ одѣтъ въ широкій испанскій плащъ и лицо у него было какъ у опернаго Донъ-Жуана, но, изъ страннаго щегольства, онъ сохранялъ мохнатыя ладони и крючковатые пальцы, какъ у духа Тьмы на гравюрѣ Дюрера. Меня передернуло отъ прикосновенія этой шершавой руки. А Дьяволъ захохоталъ мнѣ въ лицо и рванулъ меня впередъ, словно увлекая въ какой-то бѣшеный танецъ.

На мигъ у меня закружилась голова, такъ какъ отъ моего спутника пахнуло на меня крѣпкими, но непріятными духами. Однако, тотчасъ же Дьяволъ выпустилъ мою руку. Мы были уже не на землѣ. Мы были въ неизвѣстномъ мнѣ мірѣ.

Небо надъ нами было радужное. Оно словно ежеминутно вспыхивало багровыми молніями, цвѣтъ которыхъ затѣмъ переливался во всѣ краски спектра. Казалось, что вся вселенная—одинъ гигантскій фейерверкъ или одинъ сплошной пожаръ.

— Не пугайся,—сказалъ мнѣ Дьяволъ, хохоча,—уже потому не пугайся, что у тебя нѣтъ твоихъ тѣлесныхъ органовъ. Это не оттого, чтобы мнѣ трудно было перенести сюда твой земной составъ,—мнѣ это столь же легко, какъ вытолкать тебя за дверь. — Но твои тѣлесные органы не приспособлены къ здѣшней атмосферѣ и здѣшнему свѣту. Вотъ отчего я предпочелъ взять сюда твой астральный образъ. А тѣло твое, словно трупъ, лежитъ на полу въ твоей комнатѣ, отъ которой отдѣляетъ насъ такое количество миль, какое ты, все равно, не сможешь представить.

Я оглядѣлся.

Вся почва кругомъ поросла растеніями. Но они тихо двигались. То были оранжеваго цвѣта стебли, толщиною въ человѣческую руку, прикрѣпленные корнемъ къ почвѣ,—съ узкими, едва развитыми, чешуйками, вродѣ листьевъ, но съ большой, округлой шапкой, заканчивавшей ихъ, словно чашечка цвѣтка. Эта чашечка была увѣнчана, тоже едва развитыми, лепестками, между которыми, на мѣстѣ, гдѣ можно было ожидать тычинокъ, тускло отражало лучи нѣкоторое подобіе глаза. И море этихъ оранжевыхъ, длинныхъ, зрячихъ стеблей медленно извивалось, вытягивалось, подымалось и опускалось, зыблемое словно неощутимымъ для меня вѣтромъ.

— Они не видятъ насъ,—сказалъ мнѣ Дьяволъ,—пойдемъ.

Мы понеслись въ легкомъ полетѣ по воздуху. Образъ моего спутника былъ теперь инымъ: онъ похожъ былъ на мечту о прекрасномъ Люциферѣ, и надъ его ликомъ падшаго серафима слабо свѣтился вѣнецъ изъ неяркихъ алмазовъ. Живыя растенія съ дрожью вытягивались подъ нами, смутно ощущая вѣянье нашихъ астральныхъ тѣлъ.

Былъ уже вечеръ, и ярко красный дискъ солнца лежалъ на горизонтѣ, вонзая ослѣпительные лучи, переливавшіеся всѣми цвѣтами радуги, въ медленно меркнущій небосклонъ. Потомъ огненный кругъ канулъ за черту кругозора, и въ небѣ началась новая пляска всѣхъ красокъ и всѣхъ оттѣнковъ, пьяныя игры пылающихъ, разноцвѣтныхъ, мѣняющихся хамелеоновъ и саламандръ. Еще немного позже, взошли четыре луны: голубая, зеленая, желтая и фіолетовая, и ихъ лучи, перекрещиваясь, протянули потоки спокойнаго свѣта черезъ все еще воспламеняющіеся отблески дня.

Замѣтивъ, что я занятъ картинами неба, Дьяволъ сказалъ мнѣ самодовольно:

— Однако, ты изумленъ довольно. Così ti circonfulse luce viva, какъ говоритъ вашъ поэтъ. Но посмотри внизъ: здѣсь наступила пора любви.

Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю искаженія въ цитатѣ изъ „Рая“, и дѣйствительно опустилъ взоры. Охваченные страстнымъ томленіемъ, живые стебли теперь влачились одинъ къ другому, соединяясь въ группы по три, и глаза ихъ, подъ магическимъ свѣтомъ четырехъ, разноцвѣтныхъ лунъ, ожили и замерцали огнемъ вожделѣнія. Я видѣлъ, какъ растенія, заплетая шнуромъ свои стебли и вытягиваясь въ высь, какъ копья, близили чашечки своихъ цвѣтовъ, словно змѣи на жезлѣ Гермеса свои головы. Я видѣлъ, какъ потомъ три чашечки соприкасались, какъ глаза ихъ подергивались мутной влагой, какъ лепестки ихъ спаивались въ одинъ безобразный бутонъ. Мы продолжали скользить въ легкомъ полетѣ надъ ощетинившейся почвой, и я спросилъ своего спутника:

— Почему они соединяются по три?

Дьяволъ отвѣчалъ презрительно:

— Ты, какъ человѣкъ, думаешь, что можетъ существовать лишь два пола. Въ этомъ мірѣ ихъ — три, но я знаю другой, гдѣ ихъ— семнадцать, и есть такіе, гдѣ ихъ—нѣсколько тысячъ. Но я не поведу тебя въ эти страны, чтобы не задать твоему бѣдному земному разуму непосильной работы.

Тѣмъ временемъ, съединившіеся стебли встали подъ нами какъ

стальныя прутья, и устремили свои острія прямо въ небо; къ стеблямъ тѣсно прижались ихъ листья-чешуя, а между стеблями у корней открылась почва, морщинистая, сухая, какъ кожа дряхлаго гиппопотама.

Я опять задалъ вопросъ:

— Развѣ на этой планетѣ нѣтъ воды?

Дьяволъ кинулъ небрежно въ отвѣтъ:

— Здѣсь есть водородъ.

Больше я не хотѣлъ спрашивать, и мы продолжали полетъ въ молчаніи, окружая планетный шаръ, который весь былъ столь же плоскимъ, какъ куриное яйцо, и безнадежно однообразнымъ, безъ горъ и долинъ, безъ рѣкъ и морей. Нѣкоторое время, опять любовался я картиной звѣздной ночи, разсматривая иную, нежели съ земли, группировку звѣздъ, бѣлыми пятнами проницавшихъ синезелено-желто-оранжевое небо. Потомъ, опять посмотрѣлъ я на растенія и увидѣлъ, что ихъ любовныя спазмы кончились. Ослабшіе стебли быстро расплетались и одинъ за другимъ падали ницъ, въ изнеможеніи, безсильные. Скоро вся почва подъ нами была вновь завалена безобразной грудой омертвѣлыхъ, дряблыхъ растеній, съ некрасиво развороченными чашечками цвѣтовъ, откуда безсмысленно и тупо смотрѣлъ какой-то невидящій, остановившійся взоръ.

Содрогнувшись, я сказалъ Дьяволу:

— Послушай, мнѣ здѣсь скучно. Ты обѣщалъ показать мнѣ міръ, который я не могу вообразить. Увѣряю тебя, что воображеніе Фламмаріона и Уэльса рисовало міры, гораздо болѣе удивительные. Я думалъ, что ты поведешь меня въ области духовъ свѣта и огня, чьи чувства и понятія въ милліонъ разъ сложнѣе и утонченнѣе моихъ; я думалъ, что ты поведешь меня во вселенныя иного измѣренія, гдѣ что-то новое прибавится къ мѣрѣ всѣхъ предметовъ, или во вселенныя иного времени, гдѣ кромѣ прошедшаго, настоящаго и будущаго окажется нѣчто четвертое. А ты, во всей безпредѣльности бытія, не нашелъ ничего лучшаго, какъ показать мнѣ фейерверкъ, который можно точно воспроизвести синематографомъ, да блудъ цвѣтовъ,— зрѣлище, отъ котораго меня тошнитъ. Знаешь, старшій твой братъ, Мефистофель, былъ куда изобрѣтательнѣе.

Страшнымъ огнемъ воспламенился весь составъ Дьявола и гнѣвнымъ голосомъ возопилъ онъ мнѣ изъ самой глубины своего существа:

— Жалкій червякъ! а забылъ ты, какъ Фаустъ палъ ничкомъ на полъ, когда явился Духъ Земли, или какъ Семела была испепелена, узрѣвъ Зевса? Того же хочешь и ты?

Но я, протянувъ свои астральныя руки ладонями впередъ, спокойно произнесъ заклинательную формулу славнаго Кипріана, и въ тотъ же мигъ ликъ Люцифера искривился и перекосился весь, какъ въ выпукломъ зеркалѣ, и стремительнѣе, чѣмъ летящій болидъ, рухнулъ мой спутникъ въ огненную бездну. Мое существо, одновременно съ тѣмъ, получило страшный ударъ, словно разрядъ тысячи сильнѣйшихъ электрическихъ батарей, и я увидѣлъ себя сидящимъ на полу, въ своей комнатѣ, подлѣ письменнаго стола.

Ничего не измѣнилось вокругъ, но портьера передъ окномъ была поднята, а въ окнѣ одно стекло разбито вдребезги: конечно, отъ сотрясенія при моемъ паденіи, потому что астральное тѣло, проходя черезъ твердые предметы, не измѣняетъ ихъ физическаго строенія.

1908.

ПУТНИКЪ.

Психодрама въ 1 дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Юлія, дочь лѣсника.
Путникъ, лицо безъ рѣчей.

Комната въ домѣ лѣсничаго. Ненастный вечеръ. Окна закрыты ставнями. Слышенъ вой вѣтра и удары дождя. Комната плохо освѣшена керосиновой лампой. Топится печь. Стукъ въ ворота. Лай собаки.

Юлія. — (У окна, стараясь заглянуть въ отверстіе ставня.)

Кто тамъ?
Я не могу впустить васъ: я одна.
Идите къ мельнику, налѣво, по тропинкѣ,
Черезъ ручей... Да перестаньте такъ
Стучать. Вы просто руки обобьете!
Дверь крѣпкая, вамъ не сломать ея.
Я ни за что не отопру. А въ домѣ
Собака злая. Проходите съ миромъ.
До мельницы не болѣе двухъ верстъ.
Тамъ впустятъ васъ...
(Въ сторону.)
А онъ все знай колотитъ!

(Отходитъ отъ окна. Стукъ продолжается. Собака лаетъ.)

Ю л і я.—(Возвращается къ окну, но все не открываетъ ставней.)

Послушайте! какъ васъ? вы слышите:
Я—дѣвушка, и въ домѣ я одна,
Я васъ не знаю. Сами разсудите,
Какъ я могу впустить васъ. Обо мнѣ
Что̀ будутъ говорить сосѣди, если
Со мной вы проведете ночь. Нельзя!
И, уѣзжая, запретилъ отецъ мнѣ
Кого-нибудь впускать. И нѣтъ бѣды
Вамъ двѣ версты подъ соснами пройтись.
Ну, дождь, такъ дождь! Вѣдь не совсѣмъ размочитъ.

(Молчаніе. Стукъ въ ворота. Собака лаетъ.)

Ю л і я.—(Сама съ собой.)

Стоитъ, стучитъ... Онъ, кажется, усталъ,
А, можетъ быть, и боленъ. Какъ прижался,
У косяка, такъ не отходитъ прочь,
И, какъ машина, въ доску бьетъ рукою.
Какъ онъ измокъ, бѣдняга! Онъ одѣтъ
По-городскому,—молодъ,—блѣденъ,—или
Такъ, въ темнотѣ, мнѣ кажется. Должно быть,
Не здѣшній онъ, въ лѣсу дорогъ не знаетъ...
А ну—впустить?

(Громко.)

Послушайте, скажите,
Откуда вы? Куда идете? Что
Вамъ нужно здѣсь? Да отвѣчайте! Какъ же
Впущу я въ домъ, кого сама не знаю!
Что вы воды набрали въ ротъ, какъ рыба?
Коль будете молчать, тогда—адье,
Меня вы только и видали! Стойте.
Хоть до утра, стучитесь! Ни по чемъ
Не отопру.

(Отходитъ отъ окна.)

Вотъ—важная персона!
Вотъ—принцъ какой! Не хочетъ говорить,
Зато и мокни.
(Молчаніе. Стукъ въ ворота.)
Боже мой! Онъ мнѣ
Всю ночь не дастъ покоя. Иль помретъ
Подъ дверью,—этого недоставало!
Шелъ, заблудился, франтикъ городской,
Увидѣлъ домъ,—не отойдетъ теперь.
Въ лѣсу волковъ боится. А, проклятый!
Что съ нимъ подѣлаешь.
(Идетъ опять къ окну.)
Эй, вы,—какъ васъ?—
Прохожій принцъ! – извольте показать,
Что съ вами нѣтъ оружія. Раскройте
Пальтишко! подымите руки, такъ...
Ну, ладно! мнѣ васъ жалко. Отпираю.

(Убѣгаетъ. Звукъ отодвигаемаго засова. Лай собаки. Входятъ Юлія и Путникъ, весь измокшій.)

Юлія.

Собака на цѣпи, не бойтесь. Ну
И вымокли же вы! Насквозь! Снимайте
Пальто и сапоги. На лавкѣ пледъ,—
Возьмите, пользуйтесь. Подъ лавкой туфли,—
Надѣньте. Хорошо. Теперь садитесь,
И грѣйтесь, я подкину въ печку дровъ.

Путникъ.—(Снимаетъ пальто и сапоги, надѣваетъ туфли, закутывается въ пледъ. Юлія подбрасываетъ полѣна въ печь.)

Юлія.

Хотите водки? Такъ и быть, берите!
(Подаетъ бутылку и наливаетъ рюмку.)

Путникъ.—(Киваетъ головой въ знакъ благодарности и пьетъ.)

Юлія.

А ѣсть такъ нечего, и хлѣба нѣтъ.

Путникъ.—(Киваетъ головой отрицательно, показывая, что онъ не голоденъ.)

Юлія.

Ну, слушайте меня. Я на ночь вамъ
Вотъ эту комнату отдамъ. Здѣсь мягкій
Диванъ, ложитесь, спите до утра.
А я,—я лягу за перегородкой.
Тамъ у меня ружье, и если вы
Къ порогу подойдете, я сейчасъ же
Влѣплю, безъ промаха, вамъ пулю въ лобъ.
Да и Полканъ не дастъ меня въ обиду!
Вы поняли? Ну, мы пока друзья.

Путникъ.—(Киваетъ головой.)

Юлія.

Да что же вы молчите! Отвѣчайте!

Путникъ.—(Дѣлаетъ знакъ рукой.)

Юлія.

Что это значитъ?

Путникъ.—(Повторяетъ знакъ.)

Юлія.

Я не понимаю.
Иль вы нѣмой?

Путникъ.—(Дѣлаетъ знакъ не то утвердительный, не то отрицательный.)

Юлія.

Не вѣрю. Этакъ вы
Хотите посмѣяться надо мной!
Эй, берегись! Въ обиду я не дамся!

Путникъ.—(Хватаетъ руку Юліи и почтительно ее цѣлуетъ.)

Юлія.

Ну, полно, полно, я вѣдь ничего.
Такъ ты нѣмой? Теперь мнѣ все понятно.
Вотъ почему все время ты молчалъ.
Но ты не глухъ?

Путникъ.—(Киваетъ головой отрицательно.)

Юлія.

Меня ты понимаешь?

Путникъ.—(Киваетъ головой утвердительно.)

Юлія.

Ахъ, бѣдный, бѣдный! ну, прости меня.
Пойми: отецъ съ утра уѣхалъ въ городъ,
Вернется завтра. Мельникъ—въ двухъ верстахъ,
Деревня за рѣкой, и въ цѣломъ домѣ
Нѣтъ никого: Полканъ да я. Понятно,
Что опасалась я впустить мужчину.
Но ты совсѣмъ другое дѣло. Ты—
Такой худой и блѣдный, хилый, слабый.
Должно быть, ты несчастенъ.

Путникъ.—(Киваетъ головой утвердительно.)

Юлія.

Но, скажи:
Вѣдь ты изъ города? ты тамъ живешь?

Путникъ.—(Киваетъ головой отрицательно.)

Юлія.

Не въ городѣ? такъ гдѣ же? далеко?

Путникъ.—(Киваетъ головой утвердительно.)

Юлія.

А какъ тебя зовутъ? Сергѣй? Иванъ?
Никита? Николай? Петръ? Александръ?

Путникъ.—(Киваетъ головой отрицательно.)

Юлія.

Ну, все равно. Я—Юлія. Тебя же
Я буду звать Робэръ. Мнѣ это имя
Понравилось. Итакъ, скажи, Робэръ,
Куда ты шелъ? на мельницу? иль дальше,
Въ сельцо Отрадное? иль на усадьбу,
Къ Возницынымъ? иль и еще подальше?

Путникъ.— (Киваетъ головой отрицательно и закрываетъ лицо руками.)

Юлія.

Не хочешь отвѣчать? Что жъ это—тайна?

Путникъ.—(Киваетъ головой утвердительно.)

Юлія.

Тайна? Ахъ, вотъ что! какъ въ романѣ? Я
Прочла ихъ много. Года два назадъ
Жила въ Отрадномъ барышня, и мнѣ
Давала книги. У меня теперь
Еще есть двѣ: „Графиня-судомойка“
И „Черный принцъ“. Ты ихъ читалъ?

Путникъ.—(Киваетъ головой отрицательно.)

Юлія.

А жаль.
Я ихъ читала восемь разъ, и все-жъ,
Когда дойду до трогательной сцены,
Сейчасъ заплачу,—не могу не плакать!
Графиню дѣвочкой укралъ цыганъ,
Она не знала, что она графиня,
Росла, какъ нищая, работала,
И вдругъ...
Но, впрочемъ, не разскажешь... Иногда
Мнѣ вдругъ приходитъ въ голову: что, если
И я не дочь лѣсничаго, а тоже
Графиня! Только ты не смѣйся. Это
Все глупости. Ну, хочешь, выпей водки.
(Подаетъ стаканъ.)

Путникъ.—(Киваетъ головой отрицательно.)

(Молчаніе.)

Юлія.

Робэръ, ты знаешь, очень я несчастна!
Всю жизнь свою я провела въ лѣсу.
Мать умерла давно. Отецъ сердитый,
Все ходитъ по лѣсу, по цѣлымъ днямъ,
То на охотѣ, то по дѣлу. Гости
Бываютъ рѣдко, да и кто?—дьячокъ,
Садовникъ отъ Возницыныхъ да мельникъ...
Лишь лѣтомъ пріѣзжаютъ господа
Въ Отрадное,—но какъ я къ нимъ пойду?
Мнѣ стыдно; говорить я не умѣю
По-ихнему; они смѣются; я
Не образована... Но не могу
Я этой жизнью жить! Мнѣ скучно! скучно!

Мнѣ хочется другого. Я люблю
Наряды, роскошь. Я хочу бывать
Въ театрахъ, на балахъ. Хочу въ салонахъ
Бесѣдовать. Я знаю, я бъ сумѣла
Быть не глупѣй любой графини. Право,
Я—красива! У меня глаза—
Большіе, маленькіе уши, ноги—
Изящныя и мраморное тѣло!
Я потягалась бы съ иной графиней,
При всѣхъ ея духахъ и притираньяхъ!
Я быстро бъ научилась на рояли
Играть и танцовать всѣ танцы! Есть
Врожденное изящество во мнѣ!
А кто меня здѣсь видитъ? Сосны, птицы,
Отецъ да мужики! Что здѣсь я слышу?
Лай, ругань, выстрѣлы да вой волковъ,
Когда они подходятъ къ намъ по снѣгу...
Мнѣ хочется раскинуться на креслѣ
И, чашку взявъ небрежною рукою,
Влюбленный шопотъ по-французски слушать...
А я должна—мести полы, готовить
Обѣдъ, стирать бѣлье, и нашу лошадь
Поить, и думать, что во вѣкъ, во вѣкъ
Я ничего другого не узнаю!

(Угли въ печи гаснутъ.)

Ну, замужъ выйду. За кого? Конечно,
За лѣсника! Иль хуже, можетъ быть,
За мельника! И буду, растолстѣвъ,
Кули муки считать, и ночью слушать,
Какъ подъ водой шумятъ колеса... Будетъ
Меня мужъ нелюбимый въ щеки, въ губы
Тяжелыми губами цѣловать,
Порой ласкать насмѣшливо и грубо,

Порой, подвыпивъ, за-косу таскать!
Родятся дѣти, буду мыть и стричь ихъ,
Варить имъ кашу, прутьями ихъ сѣчь...
И позабуду о мечтахъ дѣвичьихъ,
Какъ объ огаркахъ догорѣвшихъ свѣчъ!
Ахъ! силы нѣтъ объ этомъ даже думать!

(Молчаніе.)

Робэръ! ты думаешь, живя въ лѣсу,
Какъ дѣвки деревенскія, я честь
Свою не соблюдала? Всѣмъ святымъ
Клянусь тебѣ: никто до этихъ поръ
Не цѣловалъ меня, и никому
Я словъ любви не говорила. Я—
Чиста, какъ небо лѣтомъ, какъ родникъ.
Я ложа короля не постыдила бъ.
Дурного про меня сказать не могъ бы
Послѣдній клеветникъ!.. Чего я жду?
Не знаю. Можетъ быть, я жду того,
Что дочерью графини окажусь я,
Что нѣкій принцъ придетъ въ мою страну
И скажетъ мнѣ: тебя я въ цѣломъ мірѣ
Искалъ, и вотъ нашелъ, иди за мной
Въ роскошный мой дворецъ и будь царицей!
Я жду, проходятъ годы, я одна,
Нѣтъ радости, да и не будетъ, видно!
И, если признаваться, такъ, порой,
Того, что я была честна, мнѣ стыдно!

(Молчаніе. Въ комнатѣ все темнѣе.)

А, можетъ быть, я жалуюсь напрасно,
И день, который я ждала, насталъ,
И это—ты былъ посланъ мнѣ, Робэръ,
Въ отвѣтъ на всѣ мои мольбы! Ждала я,

Что принцъ пріѣдетъ въ золотой каретѣ,
Съ толпою слугъ, въ сопровожденьи свиты,
А онъ пришелъ пѣшкомъ, одинъ. Ждала я,
Что будетъ онъ одѣтъ въ парчу и бархатъ,
Онъ оказался—въ курткѣ и въ пальто!
Я ожидала, что склонивъ колѣно,
Онъ въ длинной рѣчи, страстной и любезной,
Мнѣ выразить свою ко мнѣ любовь,
А онъ—нѣмой!.. Ну, чтожъ! не явно ль, это—
Онъ! Страшно! Отвѣчай, Робэръ! Ты понялъ,
Что посланъ былъ сюда Судьбой, ко мнѣ?
Ты—тотъ, кого я ожидала долго!
Ты—тотъ, кого Господь назначилъ мнѣ!
Мой суженый! возлюбленный! мой милый!
Да! Узнаю твои глаза, твой скорбный,
Печальный взглядъ, твоихъ красивыхъ рукъ
Точеные, изломанные пальцы!
Робэръ! Робэръ! скажи мнѣ: это—я!

Путникъ.—(Не даетъ никакого отвѣта.)

(Молчаніе.)

Юлія.

Ну, все равно, послушай! кто бъ ты ни былъ,
Тотъ иль не тотъ, не все ли намъ равно!
Мнѣ не дождаться лучшаго, а гдѣ ты
Другую встрѣтишь дѣвушку, какъ я?
Вѣдь я красива? молода? донынѣ
Не цѣловала никого! Всю силу
Дѣвичьей нѣжности отдамъ тебѣ!
Тебѣ отдамъ мою невинность, словно
Ты—мой женихъ, мой мужъ, мой господинъ!
Я вѣрить буду, что ты нѣкій принцъ,
Переодѣтый, потерявшій тронъ,

До времени свое таящій имя!
Тебѣ служить я, какъ служанка, буду,
И, какъ царица, буду я тебя
Ласкать! Довѣрься мнѣ! Со мной останься!
Ты эту ночь, какъ въ сказкѣ, проведешь!
Ты самъ повѣришь, что съ тобой мы въ замкѣ,
Что надъ постелью нашей—балдахинъ
Изъ золотой парчи, что сотни слугъ
За дверью ждутъ ревниво, что довольно
Сказать намъ слово—загорится залъ
Огнемъ, и съ хоровъ грянутъ музыканты!
О, какъ тебя я буду миловать,
И нѣжить и ласкать! Всѣ, всѣ твои
Желанья я исполню! буду страстной,
Покорной, ласковой, какой ты хочешь!
Проснувшись, утромъ, ты увидишь—дочь
Лѣсничаго, хлопочущую въ домѣ,
Она тебѣ предложитъ молока,
И ты подумаешь, что видѣлъ странный
Сонъ. Поблагодаришь, пальто надѣнешь
И навсегда уйдешь изъ нашихъ мѣстъ,
И, если хочешь, обо мнѣ забудешь...
Робэръ! мой принцъ! Мой властелинъ! возьми
Меня, какъ нѣкій драгоцѣнный перлъ,
Тебѣ бросаемый изъ глуби моря!
Возьми меня, какъ даръ безвѣстной феи,
Тебя завидѣвшей въ глухомъ лѣсу!
Возьми меня! владѣй мной! я твоя!

(Бросается къ путнику.)

Дай мнѣ къ тебѣ прижаться! дай мнѣ губы,
Чтобъ къ нимъ припасть губами! дай мнѣ руки,
Чтобъ ихъ обвить вкругъ стана!.. Ты не хочешь?

(Смотритъ пристально и вдругъ въ ужасѣ отступаетъ.)

Робэръ! Робэръ! Не можетъ быть! Онъ умеръ!

(Еще разъ наклоняется къ неподвижно сидящему въ креслѣ Путнику, потомъ въ страхѣ бросается къ окну.)

Онъ умеръ! Кто тутъ! Люди! Помогите!

Занавѣсъ.

6—7 августа 1910 г.
Бѣлкино.

СОДЕРЖАНІЕ.

Послѣднія страницы изъ дневника женщины 1
Пустоцвѣтъ 61
За себя или за другую 79
Ея рѣшеніе 89
Черезъ пятнадцать лѣтъ 99
Только утро любви хорошо 111
Путникъ 137

Нѣмецкій переводъ психодрамы „Путникъ“ А. Эліасберга—„Der Merker“ 1911, Heft 15, 1 Mai.

Французскій переводъ повѣсти „Послѣднія страницы изъ дневника женщины“ А. Михайловой—печатается.

Психодрама „Путникъ“ къ представленію дозволена 12 октября 1911 г. за № 11193.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00039810909